

Аргументы 87

Раскольники из Джорданвилля
и в русском слове отлило
вера по-американски

"Организация объединенных
мусульманских наций"?

Государство и церковь в ВНР

3
A79

Аргументы

1987

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

Редакционная коллегия:

В. И. Гараджа, П. М. Комаров, Э. И. Лисавцев, П. В. Макарецв

Авторский коллектив:

Барна Шаркади Надь, М. Н. Бессонов, А. В. Васильев, Н. В. Жданов, В. А. Зоц, П. М. Комаров, И. И. Мигович, Н. Н. Яковлев

В выпуске публикуются также материалы Джеймса Вуда-старшего, К. Нормана Крауса, Говарда Лэндиса, Ингрид Зулих, Герхарда М. Кирка, взятые из западной прессы.

А79 **Аргументы. 1987.— М.: Политиздат, 1987.— 192 с.**

В очередном выпуске ежегодника публикуются материалы, раскрывающие попытки империализма использовать религию в антигуманистических целях. Это отчетливо видно и в странах так называемого исламского мира, и на Западе, особенно в США. Авторы рассказывают также о деятельности антикоммунистических центров в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Обратившись к рубрике «У наших друзей», читатель узнает, как решаются проблемы отношения государства и церкви в Венгрии. Значительное место в сборнике заняли материалы под рубриками «По ту сторону...» и «Они о себе».

Издание рассчитано на идеологический актив, оно представляет интерес и для массового читателя.

А $\frac{0400000000-146}{079(02)-87}$ 110—87

ББК 86.3

К читателям

В самом названии ежегодника «Аргументы» заключен ответ на вопрос о его характере. Публикуемые в издании материалы содержат аргументы, направленные против тех фальсификаций положения религии, церкви, верующих в СССР и других социалистических странах, которые составляют одно из ведущих направлений современной буржуазно-клерикальной пропаганды. В очередном выпуске ежегодника помещены статьи и заметки, раскрывающие несостоятельность разного рода домыслов, которые публикуют западные средства массовой информации, стремясь использовать «религиозный фактор» в идейно-политической борьбе против социализма. Эти домыслы имеют целью представить в ложном свете процессы, происходящие в странах социалистического содружества, противопоставить им «полное благополучие» в так называемом «свободном мире».

Речь идет о защите и оправдании буржуазного строя, о дискредитации социализма в глазах общественного мнения, широких масс трудящихся.

В последнее время буржуазно-клерикальная пропаганда значительно активизировалась в связи с предстоящим церковным юбилеем — 1000-летием введения христианства на Руси. В клерикальной прессе появилось множество различных материалов, в которых предпринимаются попытки через призму этого события рассмотреть проблемы истории, культуры, политики. А конечная цель — идеализировать роль религии, в частности русского православия, приписать ей особые заслуги в прошлом и настоящем России.

Ставя своей задачей пробудить религиозные чувства людей в социалистических странах, использовать религию для нейтрализации влияния марксистско-ленин-

ской идеологии, клерикалы от антикоммунизма рассчитывают на то, что, насаждая и укрепляя религиозность, они смогут использовать ее как одно из средств для создания политической оппозиции в мире социализма. Поэтому религиозный вопрос в наши дни приобретает не только мировоззренческое, но и политическое значение.

Разоблачению враждебных акций буржуазно-клерикальной пропаганды посвящен ряд статей, опубликованных в этом выпуске «Аргументов». Читатели найдут в нем и материалы, рассказывающие о попытках реакционных сил использовать ислам в планах антикоммунизма.

Под традиционной рубрикой «Они о себе» публикуется информация, почерпнутая из буржуазной прессы, о некоторых процес-

сах в «свободном мире», представляющих интересы для лекторов, агитаторов, пропагандистов.

Продолжается публикация материалов о религиозной обстановке в странах социалистического содружества. В выпуске печатается статья о взаимоотношениях государства и церкви в Венгерской Народной Республике.

Как обычно, издание завершается ответами на письма читателей.

Цель этого ежегодника, рассчитанного на идеологический актив, дать читателям информацию, которую они могли бы использовать в практической деятельности по противодействию попыткам империалистической реакции использовать религиозный фактор в антисоциалистических целях. Такую информацию они и найдут на страницах издания.

Читайте в этом выпуске:

Раскольники из Джорданвилля — 11

Карловацкий раскол — крайне реакционная антисоветская клерикальная группировка, начала свою жизнь в 1921 г. после разгрома Красной Армией белогвардейщины и интервентов. Тогда монархически настроенная часть церковной эмиграции в югославском городе Сремски Карловицы объявила себя самозванно «русской зарубежной церковью», сразу же включившись в подрывную деятельность против молодой Республики Советов.

В этом выпуске читатели получают информацию о современном положении раскольничьей группировки, которая переживает тяжелейший кризис, но старается любой ценой сохранить свои позиции, чтобы не лишиться поддержки тех кругов, которые рассматривают ее в качестве одного из звеньев антикоммунистической пропаганды. Обо всем этом идет речь в статьях «Раскольники из Джорданвилля» и «Смена власти в Джорданвилле».

«Организация объединенных мусульманских наций»! — 43

Об «Организации объединенных мусульманских наций» мир услышал немногим менее двух десятилетий назад. Попытки объединить всех мусульман, разделить народы по религиозному признаку нашли поддержку у ряда исламских лидеров в регионах традиционного распространения этой религии. Каковы же истинный смысл этих попыток? Каковы цели и перспективы такого религиозного объединения? Чьим интересам оно служит? Об этом идет речь в статье кандидата юридических наук Н. В. Жданова, в которой анализируется процесс зарождения и формирования «Организации объединенных мусульманских наций».

Униатско- националистический альянс в антисоветских идеологических диверсиях — 71

Клерикальный национализм в настоящее время является одной из ударных сил империалистической реакции. И пожалуй, наиболее отчетливо он проявляется в альянсе последователей бывшей униатской церкви и украинских буржуазных националистов.

Оказавшиеся на Западе сторонники унии, которая прервала свое существование в нашей стране по требованию самих верующих еще четыре десятилетия назад, продолжают вынашивать планы окатоличивания Украины, отторжения ее от Союза Советских Социалистических Республик. И в этом они находят поддержку у реакции, возлагающей немалые надежды на клерикальный национализм.

В публикуемой статье речь идет о сегодняшнем дне униатов, об их блоке с буржуазными националистами, о планах и замыслах лидеров этой клерикальной группировки. Читатели познакомятся с материалами, разоблачающими деяния униатов, выступающих под знаменем союза креста и трезубца.

И в русском слове отлилось... — 93

Искажая историческое прошлое нашей страны, современные клерикальные авторы пытаются доказать, будто без православия на Руси не было бы ни своей государственности, ни культуры, ни просвещения. Даже русский язык они стремятся представить детищем христианства, которое было введено на земле нашей 1000 лет назад.

А так ли все было, как о том пишут клерикальные авторы и богословы? Что говорит наука? Как в свете научных данных выглядят построения церковных историков и теологов? Статья об истоках и происхождении русского языка, с которой имеет возможность познакомиться читатель, позволяет увидеть, на какой зыбкой основе держатся доводы клерикалов, как расходятся они с теми данными, которые добыты учеными в процессе многолетних исследований.

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

Государство и церковь в ВНР — 115

Отношения социалистического государства и церкви... Эта проблема неизменно привлекает к себе внимание, ибо лишь в условиях социализма оказывается возможным решить далеко не простой религиозный вопрос. Несмотря на специфику его решения в разных странах социалистического содружества, их коммунистические и рабочие партии на практике доказали, что, руководствуясь принципами марксистско-ленинского отношения к религии, церкви, верующим, они успешно устраняют все препятствия, мешающие нормализации отношений между государством и церковью.

В этом выпуске читатели познакомятся со статьей заместителя председателя Управления по делам церкви ВНР тов. Барна Шаркади Надя, в которой он рассказывает о том, на какой основе строятся отношения между государством и церковью в Венгерской Народной Республике, как они сотрудничают в процессе социалистического строительства.

ПО ТУ СТОРОНУ...

Вера по-американски — 129

О религии в США написано немало. Но сегодня, когда в стране, провозгласившей отделение церкви от государства, религия играет столь большую, чуть ли не основополагающую роль в политической жизни, во всех делах и решениях, невольно возникает вопрос, а что же собой представляет вера по-американски в наши дни? Насколько глубока религиозность американского населения? Насколько искренни в своих убеждениях политики, которые демонстративно подчеркивают свою религиозность?

В предлагаемом публицистическом материале доктора исторических наук Н. Яковлева предпринимается попытка осветить этот вопрос, опираясь на американские источники, позволяющие составить общую картину тех связанных с религией процессов в США, которые невольно привлекают к себе внимание общественности.

Религия и политика. 1984 год — 149

Консервативен ли бог! Политический фундаментализм в Соединенных Штатах Америки — 165

Эта разделенная взаимосвязь.

Религия и государство в США взаимно отражают друг друга — 175

Доллар благословляет большое шоу «моралистов» — 179

ОНИ О СЕБЕ

Молитесь за Рейгана,
когда вы молитесь
за миссии! — 185

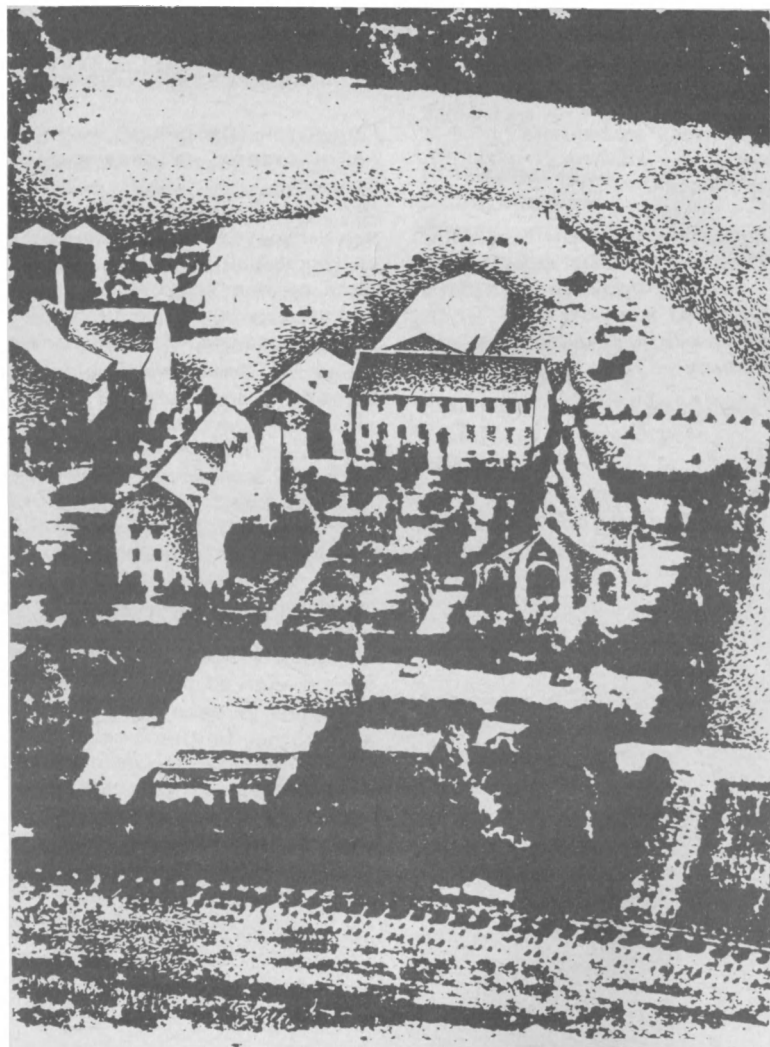
Рискованная открытость.
Наблагочестивые дела
в храмах Фрайбурга.
Общины жалуются
на кражи и осквернение
храмов — 187

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ — 190

Под этой рубрикой можно
найти ответы на следующие
вопросы:

Что представляет собой жур-
нал «Русское возрождение»,
выпускаемый в США, какие
цели он преследует?

Кто ведет исламскую антиком-
мунистическую радиопропа-
ганду на Советский Союз?

М. Н. БЕССОНОВ

Раскольники из Джорданвилля

Готовясь к церковному юбилею — 1000-летию введения христианства на Руси, верующие стремятся осмыслить значение этого события, сопоставить «православную Русь» и современное общество, в котором религия утратила былые позиции. Возрастает стремление и у неверующих советских людей понять, правильно оценить последствия христианизации Руси.

Не остается без внимания церковный юбилей и со стороны различных христианских центров, организаций и поместных православных церквей за рубежом. Одни, обращаясь к истории, ищут то, что помогает объединению верующих в решении острейших проблем современности и в первую очередь в борьбе за мир, за предотвращение ядерной катастрофы. Голоса таких религиозных деятелей все чаще звучат на международных миротворческих форумах.

Однако есть и другие голоса. Они принадлежат представителям буржуазных антикоммунистических идеологических центров и клерикальных организаций. Буржуазно-клерикальные «знатоки» русской истории ловят момент, чтобы, используя ситуацию, навязать свои взгляды на событие тысячелетней давности. Искажая как историю народов Древней Руси, так и современную жизнь Советского Союза, они стремятся очернить социалистический строй, опорочить политику КПСС в отношении религии, церкви и верующих.

Дело еще вот в чем. За рубежом, в странах Западной Европы, США и Канаде, Австралии, Новой Зеландии и других, имеются, как известно, довольно многочисленные группы выходцев из нашей страны. Среди них есть люди, мечтающие о возврате к временам «православной Руси», недвусмысленно подразумевающие под этим реставрацию буржуазно-помещичьих порядков. Однако в эмигрантской среде, прежде всего у молодых поколений, усиливается безразличие, а нередко и недоверие к этим навязчивым идеям. Поэтому промонархические круги эмиграции делают определенную ставку на предстоящий юбилей русского православия в целях поддержания и возбуждения враждебных Советской стране настроений. Его используют в качестве очередного повода для того, чтобы попытаться дискредитировать научно-материалистическое мировоззрение, атеизм, будто бы приведший наше общество на грань духовной катастрофы, спасти от которой может лишь «возврат к религии отцов».

В настоящее время с враждебных к СССР позиций наиболее активно готовится к 1000-летию так называемая «русская зарубежная церковь». Она вот уже более десяти лет ведет подготовку к празднованию. Начало и характер предпринимаемых ею акций анализировались в советской научно-атеистической литературе¹

Сейчас, когда подготовка подходит к своему апогею, можно выявить ряд тенденций в идеологии «русской зарубежной церкви», а именно в пропаганде идей, связанных с историческими этапами развития Руси, ее христианизацией, в оценке православия. Они также заостряют внимание на вопросах советского воспитания подрастающих поколений и отношения к культурному наследию.

См.: Гордиенко Н., Комаров П. Под видом подготовки к юбилею.— Аргументы 1982. М., 1982; Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1984.

Есть в Соединенных Штатах Америки небольшой городок Джорданвилль в двух с половиной часах езды на автомобиле от Нью-Йорка. Внешне ничем не приметный. Впрочем, есть в нем одна достопримечательность — Свято-Троицкий монастырь. Среди двух-трехэтажных построек местной гражданской архитектуры выделяется монастырский крестово-купольный шатрового типа храм, напоминающий русские православные храмы. Рядом располагаются духовное учебное заведение — семинария, монашеские кельи с живущими в них монахами числом около двадцати пяти, а также дом для паломников, типография. Несколько хозяйственных сооружений с двумя возвышающимися водонапорными резервуарами. Вокруг — сельскохозяйственные угодья с участком, обрабатываемым силами насельников монастыря.

Джорданвилль с 1950 г. и является центром «русской зарубежной церкви», детища карловацкого раскола. Он же — место паломничества приезжающих сюда верующих из епархий и приходов. В большие праздники сюда съезжаются люди, говорящие преимущественно на русском языке. Нередко они называют монастырь «Лавра русского зарубежья». Здесь же место захоронения первых иерархов карловчан — митрополитов Антония (Храповицкого), Анастасия (Грибановского) и недавно, в ноябре 1985 г., скончавшегося Филарета (Вознесенского).

Церковные руководители из Джорданвилля стремятся распространить свое влияние далеко за его пределы. Более чем в трех десятках стран живут приверженцы карловацкой группировки. В основном это лица русского происхождения, эмигранты, их семьи. По весьма преувеличенным данным, их насчитывается до полумиллиона человек. Наибольшее количество храмов: в США — 93, ФРГ — 36, Канаде — 23, Франции — 17, а в Бельгии, Нидерландах, Ливане, Турции, Австралии, Новой Зеландии и других странах — от 4 до 1 храма в каждой. Всего

их сейчас около 350, тогда как в 30-е годы было около тысячи.

Их было бы еще меньше. Но руководство всеми правдами и неправдами вело борьбу за приобретение приходов, стремясь стать во главе религиозной и политической жизни всей русской эмиграции. Идя на сговоры с реакционными правительствами, представители «русской зарубежной церкви» пытались удержать в своем подчинении духовенство и верующих. Непризнанный Московским патриархом карловацкий епископ Тихон, управляющий приходами в Германии, в 1937 г. легализацию получил от фашистского правительства. А когда через несколько месяцев Гитлер подписал декрет о передаче всех церковных имуществ в распоряжение министра культов, все приходы Западно-Европейского экзархата, находившиеся в юрисдикции Русской православной церкви и руководимые митрополитом Евлогием, были насильственно переведены в ведение карловчан. В воспоминаниях «Путь моей жизни», изданных через десять лет, в 1947 г., в Париже, Евлогий писал: «Немцам хотелось показать, что этот переход совершен добровольно, а не под насильственным давлением. Священников призывают в министерство культов и там всячески уговаривают, даже с угрозами, чтобы они вместе с прихожанами переходили в Карловацкую юрисдикцию... наших священников начинают вызывать в гестапо, изводят допросами... Будем бороться до конца, нас могут взять (как уже и берут) только насильем, и пусть на совести тех, кто прибегает к такого рода средствам, останется это недоброе, нехристианское, нецерковное «душеводство».

Карловчане прибрали к рукам имущество, принадлежавшее другим церквям, которые были в распоряжении Русской православной церкви. До сих пор в ведении карловчан (в Иерусалиме) здание бывшего православного палестинского общества, храм Александра Невского, Елеонский Спасо-Вознесенский монастырь и Гефсиман-

ская женская обитель с храмом Марии Магдалины; в Фавре — скит на месте лавры Харитона; в Иерихоне — часовня в Мисийском саду и сад с деревом Закхея; в Хевроне — Мамрийский дуб и собор праотцев; на реке Иордан — часовня.

После второй мировой войны «русскую зарубежную церковь» поразил кризис, ныне постоянно углубляющийся. К настоящему времени приходов по сравнению с довоенным временем стало меньше в три раза. Их география обширна, но во многих странах, как мы видели, они единичны. Не хватает и священников. В Марокко они наезжают из Франции, в Тунис — из самого Джорданвилля, в Эфиопию — из духовной миссии в Иерусалиме и т. д. Прихожане ограничиваются в основном посещениями воскресных служб, почти не участвуя во всеобщих бдениях. Наиболее рьяные карловчане скорбят по этому поводу и задаются вопросом: «Неужели в Зарубежье настолько мрак и тьма окружающей действительности поглотили православных русских людей, что не осталось в них стойкого и ясного сознания русла церковной жизни?» Деятельность ее пастырей определяется как «безмерно-тяжкое задание сохранения, укрепления и даже восстановления... единства паствы» (Православная Русь, 1977, № 13, с. 14). Однако и при таком состоянии карловчане сохраняют главную направленность своей деятельности — ярый монархизм и антисоветизм, крайний религиозный консерватизм. До сих пор карловчане в так называемую неделю торжества православия предадут анафеме Советскую власть, Льва Толстого, Ленина, Сталина и тех представителей православных церквей, которые имеют общение с Московским патриархатом. Анафемствуют они во время богослужений в семинарии Джорданвилля, где обучаются молодые люди. Делается это именно здесь специально, чтобы воспитывать учащихся в антисоветском духе.

Находящаяся, по существу, в изоляции, не признанная

другими православными церквями, эта религиозно-политическая группировка продолжает усугублять свое положение в церковном мире. Дошло даже до того, что приверженцам «русской зарубежной церкви» запрещено не только церковное, но даже и бытовое общение с любыми официальными представителями Московского патриархата.

Уже немало было случаев ухода людей из-под влияния карловчан. И каждый случай не проходил бесследно: тем или иным образом на них оказывалось давление, они подвергались необоснованным нападкам. На тех карловацких служителей культа, которые не согласны с распространяемым их руководителями мнением о Русской православной церкви как о несуществующей, епископ Лавр, секретарь синода, например, налагает епитимью.

Случается, что представители Московского патриархата посещают карловацкие храмы. Узнав их, церковнослужители тут же, во время проповеди, объявляют об этом верующим, призывая не вступать с ними в общение. И все же верующие карловчане проявляют интерес к жизни Русской православной церкви. Показательно, что чаще всего они задают вопросы о том, есть ли вообще церкви в Москве, действительно ли в Советском Союзе расстреливают священников, и другие, подобные этим.

Однако не все, причисляющие себя к этой группировке, сочувствуют ее религиозно-политическим идеям и акциям. Наблюдается тенденция ухода из-под влияния карловацкого раскола. Уменьшается паства, падают доходы. Об этом можно судить по постоянным призывам (и устным, и печатным) делать взносы на ремонт храмов, на поддержание учебных заведений, на лечение того или иного священника и т. д. Некоторые приходы находятся в бедственном состоянии. Но вот на что уж не жалеет денег карловацкая верхушка, так это на многочисленные политические акции и издания антисоветского содер-

жания. На эти дела финансовая помощь идет от благотворителей из империалистического лагеря.

Политические позиции карловчан находят всяческую поддержку в центрах клерикального антикоммунизма и у всех, кто препятствует мирным инициативам Советского правительства. Достаточно сказать, что не случайно президент США Р. Рейган направил поздравительные телеграммы собору «карловацкой церкви», обсуждавшему новые методы идеологического давления на советскую молодежь в связи с празднованием 1000-летия «крещения Руси». Он же оценил усилия карловацких епископов в фальсификации политики КПСС и Советского государства в отношении религии, церкви и верующих.

Страницы своих изданий карловчан охотно предоставляют авторам, давно зарекомендовавшим себя злыми антисоветчиками и пасквилянтами. Среди них нередко можно встретить Майкла Бурдо и сотрудников Кестон-колледжа, директором которого является этот англиканский священник, видимо, совершенно забывший христианскую заповедь «не лжесвидетельствуй».

Именно им была передана информация в карловацкую газету «Ортодокс Америка» Западно-Американской и Сан-Францисской епархии (1985, октябрь — ноябрь) о суде в СССР над 350 христианами за их религиозные убеждения.

Буржуазно-клерикальные издания карловчан широко открыли двери перед выдворенным из Советского Союза А. Солженицыным. Ими же была опубликована его речь, произнесенная в Гилд-холле в Лондоне 10 мая 1983 г. во время присуждения ему премии Темплтона (Русское возрождение, 1983, № 23). В ней он пытался спровоцировать христианские церкви к «дружному противостоянию атеизму», а Всемирный совет церквей — к борьбе против «преследований религии в СССР», считая ее главной задачей данной международной религиозной организации. А уж как он сокрушался, что его предшественник (по

премии) Билли Грэм «не заметил преследований религии в СССР». Ему, равно как и издателям «Русского возрождения», очень уж хотелось, чтобы такой авторитетный в религиозном мире проповедник, как Б. Грэм, непременно поддержал клевету о так называемых преследованиях.

В ФРГ карловчане получают финансовую помощь от местных властей и различных организаций, ведущих подрывную деятельность против Советского Союза. Казалось бы, какое отношение имеет город Мюнхен к «крещению Руси»? Но почему-то здесь карловчане решили построить памятник по случаю юбилейной даты. В США и Великобритании они создали специальные комитеты, а в ФРГ — подкомитет, развернувшие во всех приходах интенсивную пропагандистскую деятельность, главными объектами которой являются Советское государство и Русская православная церковь. В текущем десятилетии политическая деятельность карловчан приобрела такой характер, что стала оказывать заметное воздействие на западную общественность. Это связано прежде всего с приближающимся церковным юбилеем — 1000-летием «крещения Руси».

Буржуазно-клерикальная пропаганда в печати и проповедях идеализирует дореволюционную Россию с господствовавшим в ней религиозным (православным) мировоззрением.

Всю историю Руси и этапы развития ее духовной жизни авторы-карловчане делят на три периода — Русь допетровская, Русь после петровской реформы и Русь — безбожное государство. Первый период считается благодатным, давшим примеры ревностной церковности русского народа. Карловчане пытаются доказать, что в это время «Святая Русь жила только церковью, с истовым к ней благоговейным чувством» (Православная Русь, 1977, № 13, с. 13) со стороны народа, который якобы во всей

своей семейной, общественной и государственной жизни был истинно церковным народом. Все изображается так, что сама государственность, как целостная структура, держалась только за счет церкви. Вся культура этого периода не мыслится вне православия. Точкой временного и событийного отсчета русской культуры считается византийская крещальная купель, в которую решительно привел свой народ князь Владимир. И характеризуется он «отцом-родителем нашей культуры» (Русское возрождение, 1983, № 22, с. 4). Сам же процесс христианизации Руси представляется безоблачно спокойным. Между тем исторические документы, в частности летописи, рисуют нам совсем иную атмосферу. В летописях мы находим многочисленные свидетельства того, как насильно заставляли народ Киева и другие народы принимать крещение, то есть новую веру. Владимир угрожал: «Аще не обрящется кто завтра на реце, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник — противен мне да будеть». Киевлян крестили, «заганивая в реку, аки стада, а киевляне елицы бяху безумним, видяще богов древних сокрушение и погибель, плахаху по них и рыдаху». Советские историки, изучая восстания в Киевской Руси XI в., вспыхивавшие на всей территории от Киева до Новгорода и Белоозера, от Волги до западославянских земель, пришли к выводу, что народ враждебно встретил новую веру и ее служителей. Христианство насаждалось насильственно, и его распространение затянулось на несколько столетий. Да и об истинной церковности русского народа говорить не приходится. В его сознании и поведении карловчане видят одну религиозность. Однако в сознании людей уживались самые разнообразные представления об окружающем мире — от стихийно-материалистических до глубоко религиозных. Да и в самой религиозности давно было выявлено так называемое православное язычество.

Еще дореволюционные церковные авторы писали о «двоеверии» на Руси. В сознании и поведении оно наличе-

ствовало вплоть до XX в. На основе обобщения обширных материалов академик Н. С. Державин отмечал, что «тяжелая, упорная и длительная, принимавшая нередко насильственные, кровавые формы борьба христианства против язычества у славян, одержавшая в конце концов победу над язычеством, не вытравила окончательно из народного мышления эпохи феодализма и капитализма глубоко укоренившихся в нем пережитков язычества, продолжающих жить в народных массах вплоть до настоящего дня»¹ Кстати, следует заметить, что представители современной Русской православной церкви, в отличие от карловчан, не без влияния научных исследований отошли от консервативных взглядов на некоторые стороны христианизации. Они уже не говорят о «крещении Руси» как единовременном акте, о крещении, которое приняли «немедленно все наши предки, до единого человека». Ссылаясь на письменные источники, один из авторов пишет «о тех трудностях, а иногда и об открытом сопротивлении, с которыми истинной вере пришлось столкнуться... Крещение характеризуется как процесс, длившийся долгие годы (Журнал Московской патриархии, 1986, № 6, с. 68).

В стремлении же доказать громадное значение православия для судеб Русского государства карловчане резко противопоставляют историю христианской Руси всему предшествующему периоду предыдущего развития восточных славян. «Дохристианской истории» они совершенно отказывают даже в самом минимальном наличии духовной жизни и каких бы то ни было общественных институтов. По их мнению, это был какой-то дикий край, не имеющий даже зачатков цивилизации. «Русские славяне до принятия христианства не имели совершенно ничего: ни государственных представлений, ни национального сознания, ни самобытной культуры» (Русское воз-

¹ Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1948, с. 161.

рождение, 1978, № 1, с. 37). В том же издании читаем, что с крещения Руси началась вся русская культура (там же, 1983, № 22, с. 153). Между тем исторической наукой, опирающейся на достоверные источники, доказано, что русская самобытная культура появилась задолго до введения христианства. Еще Н. К. Рерих, говоря о самобытности культуры в дохристианской Киевской Руси и о взаимовлиянии культур в бассейне реки Днепр, отмечал, что «дворцы первых князей Киевских (до Владимира были: Игорь, княгиня Ольга, Святослав.— М. Б.) могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо»¹ Не их ли фундаменты обнаружили советские археологи при раскопках в Киеве? Для утвердительного ответа есть все основания — совпадает время, идентифицируются найденные остатки украшений и произведений декоративно-прикладного искусства. Но до объективности ли карловацким авторам? Им действительно важно противопоставить «Святую Русь» — дохристианской и послереволюционной. В настоящее время они, пожалуй, единственные, кто отказывает дохристианизированной Руси в цивилизации.

Анализ последних публикаций и выступлений карловчан показывает, что сегодня их внимание сосредоточено на послереволюционном периоде общественного развития СССР. Тут уж они не жалеют красок, скатываясь просто-напросто к площадной брани. «Радетели русского народа» навязывают свое мнение о том, что Октябрьская социалистическая революция обрушила на русскую землю и ее народ скорбь и страдания, иго «страшнее татарского». «Это иго,— вещал архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний в своем обращении к настоятелям и прихожанам карловацких приходов,— пытается духовно убить человека, сделав его покорным орудием дьявольской богоборческой и человеконенавистнической

Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974, с. 321.

политики» (Православная Русь, 1977, № 14). С посланиями подобного характера, извращающими положение верующих у нас в стране, выступает и архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Павел. Он еще пытается внушить миру ложь о том, что верующим за их религиозные убеждения «грозит изгнание, лишение свободы дорогих, близких сердцу родных и друзей» (Православная Русь, 1985, № 7, с. 4). Это ли не антисоветская пропаганда и ярко выраженная политизация религии?

Ведь если посмотреть публикации «русской зарубежной церкви» в ее же изданиях, то виден явный перевес не религиозных материалов, а политических. Крен в сторону политической деятельности сказывается на богословских делах. Последними, видимо, заниматься у карловчан некому, почти полностью отсутствуют богословские кадры. Религиозная тематика находит свое отражение в изредка перепечатываемых старых, в основном дореволюционных сочинениях, а также в издании богослужебных книг. Кстати заметим, что эта литература не пользуется большим спросом и залеживается на складах издательств. А относительно недавно карловчане проговорились сами о целях такого нового издания, как «Русское возрождение», — ведь его начинали в связи с подготовкой к 1000-летию «крещения Руси». В обзоре двойного (27—28) номера автор откровенно замечает (Православная Русь, 1985, № 7, с. 14), что, собственно, к 1000-летию в журнале помещена лишь одна статья под названием «Владимир Мономах» (напомнив, что журнал издается «комиссией по подготовке празднования 1000-летия крещения русского народа»). Оба номера были заполнены восхвалением одного из идеологов белого движения в эмиграции — И. А. Ильина, известного своими выступлениями, многочисленными речами и лекциями, а также публикациями контрреволюционного характера. Карловчанам очень пришлось по вкусу его пассажи о «насильственном обращении в безбожие» и упования на то, что

«Россия восстановится на путях религиозного очищения», и на ее «государственно-политическое (читай: монархическое.— М. Б.) возрождение» и др. Карловчане никак не могут смириться с тем, что контрреволюция потерпела крах, и осознать, что попытки ее реанимации бессмысленны.

Следует остановиться еще на двух аспектах современной подрывной пропаганды карловчан.

Во-первых, это стремление опорочить, очернить, фальсифицировать систему и принципы воспитания в СССР. По мнению карловчан, проблемы воспитания в нашей стране сводятся только к воспитанию человека-безбожника, богохульника, разрушающего все и вся, что связано с религией да и с культурой тоже.

Всячески пороча советского человека, карловчане вместе с тем пытаются превозносить так называемое «русское исконное воспитание, построенное на православии с его сонмом святых и подвижников веры и их заветах смиренномудрия, терпения и любви» (Православная Русь, 1985, № 19, с. 13). И вот уже в который раз на волне антисоветизма, в мутной пене ее, поднимаются имена Иоанна Кронштадтского, Серафима Саровского, Ксении Петербургской и многих других. Карловацкой «церковью» за последние годы были проведены канонизации, в том числе в ранг святой возведена (1978 г.) и Ксения Блаженная. Почти забытая Ксения Петербургская явилась объектом для возбуждения религиозно-политического ажиотажа.

Между тем, судя по публикациям, появившимся в середине XIX в., по истечении сорока лет после предполагаемой кончины Ксении, сведения о ней большей частью носили вымышленный, мифический характер. Документально ее биографические данные, внесенные в церковную литературу, не подтверждаются. Однако

юродивая, по данным той же карловацкой печати, лишенная рассудка, вокруг имени которой всегда консолидировались религиозные фанатики, была прославлена карловацким расколом. Ее почитание имело в прошлом настолько патологический характер, что даже синод не решился на ее канонизацию. В сущности, культ петербургской блаженной — порождение религиозного психоза, искусственно раздутого дореволюционными фанатиками и представителями господствующих классов, церковных кругов в период кризиса. После революции в церковной печати не появлялось статей и других материалов об этой «святой».

На той же волне антисоветизма были подняты и новые имена. «Русская зарубежная церковь» провела канонизацию так называемых мучеников за веру, причислив к лику святых Николая II, членов царской семьи, белогвардейских генералов и реакционных иерархов, боровшихся в годы гражданской войны и иностранной интервенции против молодой Советской республики. Пропаганда «новомучеников» проводится в различных формах, по различным каналам средств массовой информации. «Новых святых» — монархистов и контрреволюционеров, диссидентов и экстремистов с их «благородством» и «бескорыстным служением Отечеству» — хотят возвести в ранг героев. Слезливые рассказы о них, сфабрикованные «жития» заканчиваются призывом подражать им.

Эта «новомученическая» проблема привлекла внимание издателей разного рода антисоветской литературы. Так, ежемесячный журнал «Посев», редакция которого непосредственно связана с ЦРУ, предоставил свои страницы карловацкому иерарху Антонию, архиепископу Женевскому и Западно-Европейскому, для статьи «О прославлении новомучеников российских» (Посев, 1982, № 1). Советский историк А. С. Хорошев так определил смысл канонизации в истории русского православия: «Канонизация представляет собой своеобразный политический

«институт», применение которого отвечало интересам господствующего класса феодалов»¹ То есть канонизации всегда имели политическую подоплеку. Не исключение в этом плане и карловчане. Суть только в том, что ими на щит поднимаются как мученики и страстотерпцы самые ненавистные народу его душители, давно выброшенные революцией на свалку истории. Так в чьих же интересах проведены названные акты «русской зарубежной церкви»? Ответ очевиден: в интересах самых ярых, отъявленных антикоммунистических политиканов, лелеящих надежду на ниспровержение советского строя.

В упомянутой нами статье Антоний, восхваляя заслуги так называемых современных мучеников, в состав которых включены и члены последней царской семьи, пишет, что «есть за кем нам идти». Тут уж совсем становится ясно, куда зовет свою паству руководство карловчан, пытающееся навязать своим последователям в качестве идеала ярых антисоветчиков. Свои намерения и деяния карловчане пытаются представить к тому же как выражение чаяний всех православных нашей страны, так как считают себя «свободной частью Русской церкви». Что можно сказать по этому поводу? Никогда не будут такие «святые» приняты верующими Русской православной церкви. Достаточно отметить, что ни одна из автокефальных православных церквей не признала акта карловчан.

Верующие люди нашей страны, как и весь советский народ, идут не за радетелями «русской православной культуры», а за теми, кто намечает и решает масштабные задачи, цель которых — благо человека, удовлетворение духовных и материальных потребностей советских людей, обеспечение мирной жизни на земле.

Еще один аспект подрывной пропаганды карловчан связан напрямую с приближающимся 1000-летием Рус-

¹ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986, с. 189—190.

ской православной церкви. Активно муссируется миф о том, что в нашей стране уничтожаются памятники культуры, что русские люди стали «Иванами, не помнящими родства», что якобы в расчеты Коммунистической партии «входило искоренение из души русского человека всего, что могло бы напоминать ему о вечной России, его Родине» (Русское возрождение, 1981, № 14, с. 156). Нетрудно заметить, что речь идет об отношении партии и Советского правительства к религии, церкви и верующим. Один из авторов заключает, что «прошел смерч бессмысленного, ничем не оправданного вандализма» (там же, с. 157). И это якобы не случайно. Все это, по их мнению, входило в планы Советской власти, поставившей задачу поработить личность, превратить ее в послушное орудие властвования, а чтобы достичь этой цели, надо было «обезличить человека», сделать его «безродным» (там же, с. 156). Таким образом, «советский» они понимают как «безродный», поправший в стране все то, что было до 1917 г.

Лживость этих утверждений бросается в глаза на фоне непредвзятых оценок отношения Октябрьской революции к культурному наследию. Академик Е. В. Тарле вспоминал: «Знаменитый французский архивист и историк, директор Национального архива в Париже Шарль Ланглуа, ознакомившись с архивом святейшего синода в Ленинграде, с крайним удивлением спросил: «Как же этот архив остался у вас?» Ланглуа тогда сказал фразу, которую я тут же дословно записал и передал в архив. Вот эта фраза: «Ваша революция была умнее нашей. Почему? Да потому, что французская революция сожгла архивы духовного ведомства, так как они принадлежали реакционным силам, а ваша революция скрупулезнейшим образом сохранила бесценные сокровища культурной истории русского народа»¹

¹ Цит. по: Смирнов И. С. В. И. Ленин и советская культура. М., 1960, с. 340.

Многие представители карловчан пропускают, стараются не замечать, замалчивают все положительное, прогрессивное в области охраны культурных ценностей. Но уж если они заметили какие-либо отрицательные моменты, то об этом создается вселенский шум, они раздуваются до глобальных размеров, более того, на них наслаиваются различного рода фальсификации. Громадная, подчас уникальная работа советских реставраторов над десятками тысяч памятников, в числе которых и религиозные, богатейшая литература, воскресившая страницы русской истории, многочисленные научные изыскания археологов, историков, искусствоведов, исследователей архитектуры Древней Руси, наконец, многочисленные музеи, даже города-музеи не берутся во внимание карловацкими «исследователями» и пропагандистами. На этом материале нужного им политического капитала, конечно, не нажить. И вот они ищут в нашей литературе и порой выискивают места, которые обращают против нас, вводя в контекст мифа о повсеместном семидесятилетнем стирании с лица земли русской культуры. Они с удовольствием выписывают фрагменты из художественных, публицистических произведений, в которых описываются, да еще в красочной форме, случаи небрежного отношения к культовым зданиям.

Так о чем же радуют идеологи «русской зарубежной церкви»? И что их беспокоит в проблеме отношения к культурному наследию? Оказывается, отнюдь не сама проблема, а отношение советских людей, в массе своей атеистов, к бывшим культовым зданиям. Сохранившихся, ныне не действующих культовых сооружений в нашей стране не одна тысяча. Но не все они представляют интерес с историко-художественной и архитектурной стороны. Такие здания и не стоят на учете в качестве памятников архитектуры. Некоторым из них не найдено применение в новых условиях, но это дело

времени. Представители же карловацкой «церкви» проявляют к ним иной интерес, они возмущаются тем, что «государство не дает разрешения» на возобновление в них религиозных служб. Но это не соответствует действительности: за последние десять лет было зарегистрировано более тридцати обществ Русской православной церкви, то есть просьбы от верующих об открытии действующих церквей удовлетворялись. Это ли не подтверждение гарантий свободы совести в нашей стране?!

Совершенно справедливо представители Русской православной церкви, собравшиеся в мае 1986 г. во Львове на празднование 40-летия львовского собора, заявили, что «неблагожелатели нашей церкви и социалистического Отечества на Западе тщатся использовать предстоящее 1000-летие «крещения Руси» в неблагоприятных целях, продолжая неразумно возбуждать надуманную проблему свободы совести в нашей стране».

Таким образом, современное состояние «русской зарубежной церкви» еще раз убеждает нас в том, что ее руководство занимается более всего делами политическими и менее — религиозными. Уж если организация церковная, так и дела у нее должны быть церковные, а не политические. Но для «русской зарубежной церкви», давно подвизающейся в политике, такой вполне естественный принцип, увы, не подходит. В преддверии 1000-летия введения христианства на Руси раскольники из Джорданвилля заметно активизировали свою деятельность. Они готовятся к церковному юбилею. Но акции их далеко не церковные. Вся их подготовка характеризуется усиленным восхвалением их собственной бесславной истории, фальсификацией советского образа жизни, достижений социалистической культурной революции, положения религии и церкви в СССР.

Смена власти в Джорданвилле

В ноябре 1985 г. в Нью-Йорке почил в бозе глава так называемой русской зарубежной церкви митрополит Филарет (Вознесенский). Еще в 1964 г., по просьбе тогдашнего первоиерарха митрополита Анастасия, он был избран на архиерейском соборе его преемником, а после кончины престарелого главы церкви в 1965 г. взошел на престол, на котором восседал более двух десятилетий. Ярый враг Советской власти, Филарет оказался достойным преемником предшествовавших ему иерархов этой раскольничьей группировки, созданной наиболее реакционной частью русской церковной эмиграции после разгрома белогвардейщины. Стоит напомнить о том, что первое заседание так называемого высшего церковного управления, самозванно присвоившего себе право распоряжаться судьбами православных верующих, оказавшихся в эмиграции, состоялось на корабле «Великий князь Александр Михайлович», на котором удирали из России генерал Врангель с остатками разгромленной Красной Армией войска. А в 1921 г. на созванном в югославском городе Сремски Карловицы церковном соборе было объявлено о создании «русской зарубежной церкви», которую возглавил известный монархист митрополит Антоний (Храповицкий).

Весь более чем шестидесятилетний путь этой раскольничьей группировки, обосновавшейся ныне в

Джорданвилле (США),— это путь политиканства, прислужничества самым черным силам реакции, яростной борьбы с социализмом, в котором иерархи «русской зарубежной церкви» всегда видели злейшего своего врага. Такой курс избрал митрополит Антоний. Этим курсом шли и его преемники митрополиты Анастасий (Грибановский) и Филарет. Он кратко сформулирован в «Памятке 50-летия русской зарубежной церкви», изданной в Канаде: «Русская зарубежная церковь выступала и выступает против коммунистического режима». Быть может, впервые в церковной истории религиозная организация с такой откровенностью заявляет, что ее кредо носит отнюдь не религиозный, а откровенно политический характер.

В некрологах по случаю кончины Филарета много говорилось о его доброте, бескорыстии, душевной щедрости, в общем, обо всем, чем принято наделять усопших. Но непременно подчеркивалось и то, что покойный первоиерарх «русской зарубежной церкви» был верным продолжателем дела его предшественников Антония и Анастасия. Какого же дела? Того политического курса карловацкой группировки, который всегда характеризовался непримиримым антикоммунизмом и антисоветизмом. Более того, Филарет за те два десятилетия, которые он стоял во главе карловацкой иерархии, попытался гальванизировать чувства верующих, активизировать их деятельность на пути политиканства, углубить раскол с Русской православной церковью, которая якобы «изменила Христу».

Но не только это. В своих многочисленных посланиях «православным русским людям на Родине» возглавляемый Филаретом архиерейский собор без устали подстрекал их к сопротивлению Советской власти, к возвращению на путь «тихоновщины», то есть церковной контрреволюции, связанной с именем русского патриарха, который стоял во главе Русской православной церк-

ви в годы революции и предал анафеме Советскую власть.

Филарет не скрывал своих взглядов. Он открыто заявлял о том, что ориентируется на антикоммунистические силы, и не упускал случая послать приветствие антикоммунистическим собраниям, проходившим в разных странах буржуазного мира. Карловчане вошли в «Антикоммунистический блок народов», где претендовали отнюдь не на второстепенные роли. Во всяком случае, представители раскольничьей группировки с благословения Филарета проявляли немалую активность в деятельности этого блока.

В период правления этого иерарха укрепились и без того прочные связи карловацкой группировки с Народно-трудовым союзом (НТС) — антисоветской эмигрантской организацией, которая содержится на средства разведывательных служб империалистических держав, в частности в прошлом английской Интеллидженс сервис, а ныне Центрального разведывательного управления США. Уже одно это достаточно красноречиво говорит о том, какие цели преследует НТС, кому он служит. И хотя карловчане и НТС расходятся между собой в определении будущего государственного строя в России (карловчане — монархисты, а НТС ратует за республиканскую форму правления), они находят общие интересы на платформе антикоммунизма.

При Филарете карловчане провели III собор «русской зарубежной церкви». Он превратился в подлинный шабаш воинствующих антисоветчиков. Был принят ряд документов, в которых содержалось требование усилить антисоветскую пропаганду, в частности перенести ее на почву Советского Союза. В резолюции «О положении церкви в Советском Союзе и о нашей помощи туда» говорилось, что «собор считает необходимым увеличение рассылки миссионерской литературы в Россию из Европы и Америки». Но конечно же речь шла

не о миссионерских изданиях, а об изданиях антисоветских, о чем можно судить по той литературе, которую пытаются засылать к нам нелегальным путем карловчане.

Кончину Филарета оплакивали антисоветчики всех мастей. Для них это была немалая потеря. Он лежал еще на смертном одре, когда карловацкие иерархи и те, кому они служат, обдумывали, кому быть преемником покойного владыки. Реально на его место претендовали два кандидата — архиепископ Виталий (Устинов) и архиепископ Антоний (Борташевич). И у них были на это основания. Оба издавна зарекомендовали себя в качестве воинствующих политиканов, всецело поддерживавших курс Антония, затем Анастасия и Филарета.

Антоний долгие годы возглавлял братство «Православное дело», занимающееся засылкой религиозно-пропагандистской литературы в СССР. По его инициативе братство значительно активизировало свою деятельность, создало свои отделения в Канаде и Австралии, предприняло попытки привлечь к работе молодежь. Убежденный монархист, архиепископ Антоний вполне соответствовал тем требованиям, которые предъявляла карловацкая иерархия к своим лидерам. В своих выступлениях он всегда подчеркивал непримиримость к любым контактам с Русской православной церковью, которая якобы подпала под власть «безбожных коммунистов», жгучую ненависть к Советской власти. А это необходимые проходные баллы для тех, кто стремится попасть в правящую верхушку раскольничьей группировки.

Однако у Антония был весьма серьезный соперник. Архиепископа Виталия и раньше прочили в преемники Филарета, который в последние годы лишь номинально числился главой карловацкой группировки. Митрополит постоянно болел, и его пытался подменять Виталий, хотя до поры до времени старался не особенно

выделяться среди членов синода. Если он и выделялся, то только крайним политическим экстремизмом, в котором он превзошел своих единомышленников. Случалось, что даже рядовые прихожане вынуждены были одергивать его, когда их пастырю явно изменяло чувство меры. По свидетельству католического теолога И. Хризостома, архиепископ Виталий явился «главным инициатором особенно усилившегося за последние годы курса нетерпимости, которого придерживается руководство русской церкви за рубежом».

Одним словом, претенденты оказались достойными друг друга: оба вполне удовлетворяли требованиям тех, кому суждено было сделать выбор. Это показали и выборы, состоявшиеся на так называемом архиерейском соборе 9 января 1986 г. Голоса разделились. Ни один из кандидатов не получил большинства. И тогда было решено прибегнуть к жребию. Записки с именами кандидатов на митрополичий престол были положены на икону божьей матери, и по благословению старейшего архиепископа Серафима такой же старец, архимандрит Геласий, поднял одну из них. Жребий пал на Виталия.

Три дня спустя в нью-йоркском кафедральном православном соборе был совершен чин установления нового митрополита. Ему была поднесена голубая мантия, а на голову возложен белый клобук. Виталий стал митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским самозваной «русской зарубежной церкви».

В биографических справках о новом главе раскольничьей группировки, появившихся в эмигрантской прессе, разумеется, не было недостатка в восторженных эпитетах. В них подчеркивался многотрудный путь митрополита Виталия, в миру Ростислава Петровича Устинова, сына морского офицера и дочери жандармского генерала. Он родился в 1910 г. и в десятилетнем возрасте был определен в корпус генерала Врангеля. С остатками врангелевской армии, вышвырнутой Красной Ар-

мией, освободившей Крым, юный кадет бежал в Константинополь, откуда затем перебрался в Югославию. Вскоре вместе с матерью он переехал в Париж, попытался найти себя на военном поприще, но отказался от этой затеи и в 1938 г. принял монашество в монастыре Иова Почаевского в Карпатах.

Там его застала вторая мировая война. Подобно другим последователям карловацкого раскола, Виталий связывал немалые надежды с победой гитлеровских фашистов над ненавистными ему большевиками, грезил о скором возвращении в Россию.

Нет, он не только предавался грезам. Он, по мере возможности, «трудился» на антисоветском поприще. Став иеромонахом, он был вызван в Берлин, где получил задание вести антисоветскую обработку военнопленных, оказавшихся в гитлеровских концлагерях. Всю свою энергию Виталий направил на то, чтобы оправдать оказанное доверие, тем более что ненависти к советскому строю ему было не занимать. Он впитал ее с молоком матери. Она поддерживалась и укреплялась в течение всей его жизни той средой и тем окружением, в которых он находился.

Разумеется, старания его были замечены. А он, убежденный в том, что крах Советов близок, уже строил планы на будущее, видя для себя широкие перспективы в «обновленной» России. Однако надежды эти быстро улетучились, и ему пришлось уносить ноги из монастыря в гитлеровских обозах. В интервью, которое Виталий дал в 1982 г. по случаю 25-летия своей пастырской деятельности, он признавал: «Мы, монахи, очень много писали против большевиков и коммунизма, и, конечно, нам было бы несдобровать, если бы мы остались в монастыре». Признание весьма примечательное!

После войны сбежавший из монастыря монах оказался в Гамбурге. Здесь, выслуживаясь перед новыми

покровителями, он занялся деятельностью отнюдь не душеспасительной. Он вел работу среди так называемых перемещенных лиц, агитируя их не возвращаться на Родину, в Советский Союз. В ход шли запугивание страшными карами, которые якобы ожидают тех, кто вернется на родную землю, угрозы и прочие методы, взятые на вооружение платными вербовщиками, находившимися на содержании западных оккупационных властей.

Советский гражданин С. Рудаков, находившийся в те годы среди «перемещенных лиц», вспоминал: «В первые месяцы после капитуляции Германии западные оккупационные власти, стремившиеся удержать «перемещенных лиц» от репатриации, использовали «шептунов», которые распространяли лживые слухи о жестоких наказаниях, якобы ожидающих всех возвращающихся на Родину. Но скоро одних «шептунов» оказалось недостаточно. Для этой работы оккупационные власти мобилизовали духовенство. В каждом лагере были организованы церкви, где утром и вечером священники в своих проповедях запугивали репатриантов, призывали их не возвращаться на Родину, заверяя, что оккупационные власти обещают им полную поддержку и скорое возвращение в освобожденную от коммунистов Россию. В своем выборе оккупационные власти западных держав не ошиблись: духовенство оказало им большую услугу в деле удержания «перемещенных лиц» от возвращения на Родину».

Сколько людей, оказавшихся впоследствии на чужбине, в жалком состоянии, вспоминали недобрым словом священников, искалечивших им жизнь. Сколько проклятий посылалось на их головы теми, кто с их помощью навсегда лишился Родины! Как измерить те страдания, на которые их толкнули такие, как отец Виталий!

Ну а что касается его самого, то его старания не

остались незамеченными. Он был назначен настоятелем лондонского прихода «русской зарубежной церкви». В 1951 г. возведен в сан епископа и получил назначение в Бразилию, а затем переехал в Канаду.

Эмигрантская пресса ныне особенно расписывает заслуги нового главы карловацкого раскола, красочно описывает его былую активную деятельность на ниве православия. Однако замалчиваются те деяния нынешнего митрополита, которые никак не вписываются в текст панегириков. Так, в пору служения Виталия в канадском городе Эдмонтоне прихожане направили жалобу в архиерейский синод на то, что их архиерей совершает махинации с церковным имуществом, незаконно присваивает значительные суммы из приходской кассы. Об этом писала эмигрантская печать. Более того, верующие ставили вопрос о предании церковному суду тех священнослужителей, которые скомпрометировали себя далеко не богоугодными делами. Среди них называлось и имя тогдашнего архиепископа Виталия.

Однако дело быстро замяли и сейчас, естественно, о нем не вспоминают. Кто осмелится бросить тень на нынешнего первоиерарха «русской зарубежной церкви». Да и невелик этот грех в глазах тех, кто видит в митрополите Виталии прежде всего непримиримого борца против коммунизма, одного из самых ярых в стане карловчан поборников крайне жесткого курса по отношению к тем, кто не придерживается монархических взглядов.

25 января 1986 г., когда в нью-йоркском кафедральном Знаменском соборе состоялось наставление владыки Виталия, его недавний конкурент, архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний, произнес приветственное слово, в котором выразил надежду, что новый первоиерарх проявит себя не только как объединитель сил церковной эмиграции, но и как святитель «всей Российской церкви». Слова Антония вызвали не-

доумение у тех, кто присутствовал в тот день в кафедральном соборе. Что это, рецидив религиозного и политического прожектерства или проявление старческого маразма карловацкого иерарха? У Русской православной церкви есть свой святитель. Она давно осудила карловацких раскольников, подчеркнув тот вред, который наносят эти политиканы от религии всему православию.

Архиепископ Антоний попытался разъяснить то, что он имел в виду. Он-де возлагает надежды на то, что митрополит Виталий не на словах, а на деле проявит себя при подготовке к «юбилею 1000-летия крещения Руси так, чтобы он стал юбилеем и там, на Родине», чтобы голос владыки был услышан и на русской земле. Нетрудно понять, что речь шла об активизации подрывной антисоветской работы «русской зарубежной церкви».

В данном случае между недавними конкурентами расхождений нет. И первый период епископства Виталия показал, что он твердо следует той линии, которую карловчане избрали для себя более шести десятилетий назад. В выступлениях Виталия, в публикациях, появляющихся на страницах «Православной Руси» — официоза архиерейского синода «русской зарубежной церкви» — воинствующий антисоветизм просматривается столь же отчетливо, как и прежде. Карловчане спекулируют на чувствах людей, используя все возможные средства. Даже трагедию Чернобыля они пытаются изобразить как «божье наказание» тех, кто отверг господа, стал на путь атеизма.

Особую заботу нового первоиерарха раскольников группировки вызывает консолидация антисоветских сил. Если прежде карловчане отмежевывались от протестантов, католиков, представителей других религиозных течений, проявляя кичливость и чванство в своих необузданных претензиях, то еще во времена Филарета они

блокировались на основе антикоммунизма и антисоветизма с теми клерикальными центрами, в которых увидели союзников и единомышленников в политиканстве. Ныне еще теснее стали их связи и с британским Кестонколледжем, и с другими протестантскими институтами и миссиями, и с сионистскими организациями, исповедующими воинствующий антикоммунизм.

Предметом заботы митрополита Виталия является и приобщение молодого поколения к политическому курсу карловацкой группировки. Ее иерархи не могут не понимать, что значительная часть молодого поколения русской эмиграции не приемлет программы «русской зарубежной церкви» из-за ее приверженности монархизму, давно не популярному в среде эмигрантской молодежи. Это заставляет карловацких иерархов искать пути к вовлечению молодого поколения в сферу деятельности группировки. В августе 1986 г. в Наяке (штат Нью-Йорк) был созван всезарубежный съезд православной русской молодежи с целью «пробудить» ее к активной деятельности, вдохновить к тому, чтобы она поддержала дело, начатое карловацкими политиканами.

Однако съезд не оправдал ожиданий иерархов «русской зарубежной церкви». Хотя они и попытались представить дело так, будто поставленные им цели были достигнуты, в действительности молодежь проявила равнодушие к тем идеям, за которые продолжают цепляться карловчане. Тот импульс, который, по замыслу, должен был дать молодому поколению приближающийся «юбилей 1000-летия крещения Руси», не сработал. А без прилива свежих сил в «русскую зарубежную церковь» нечего мечтать о преодолении поразившего ее кризиса, а точнее, агонии, которую она переживает.

Смена власти в Джорданвилле произошла в трудные для карловацких раскольников времена. «Православная Русь» бьет тревогу по поводу того, что то и

дело возникают «ереси чувств». В одной из опубликованных на ее страницах статей говорится о том, что «часто на поверхности, в идейной сфере, все обстоит благополучно, но где-то в глубинах происходят разрывы и сомнения, которые лишь впоследствии прорываются, доводя до полного богоотступничества» (Православная Русь, 1986, № 6, с. 1). Такие откровения все чаще появляются у карловчан.

Но было бы наивно думать, что иерархи «русской зарубежной церкви» признают банкротство своих идей, выбранного ими курса. Они с маниакальной настойчивостью продолжают цепляться за них, не желая видеть перемен, происходящих в мире, не желая считаться с реальностью.

Это подтверждает позиция митрополита Виталия, осуждающего любые новшества, живущего прошлым, стремящегося сохранить в неизменности все те установления своих предшественников, которые давно пришли в противоречие с жизнью. Он заявляет, что будет идти путем, проложенным Антонием и Анастасием, завещанным Филаретом. Он продолжает строить иллюзии относительно будущего «русской зарубежной церкви», хотя не может не понимать, что она зашла в тупики, откуда выхода нет.

Конечно, дело не только в том, что первоиерарх «русской зарубежной церкви», как и другие иерархи, не в силах признать своих заблуждений. Карловчане, являющиеся одним из звеньев клерикального антикоммунизма, в значительной мере сохраняют свои позиции именно в силу того, что получают поддержку империалистической реакции. В западной прессе появлялись сообщения и о том, что им оказывают финансовую помощь спецслужбы некоторых буржуазных стран, в частности США. Сообщения эти опровергнуты не были. И если карловацкий раскол продолжает сохранять влияние на некоторую часть православных верующих за ру-

бежом, то только потому, что имеет такую поддержку. А ее надо отрабатывать.

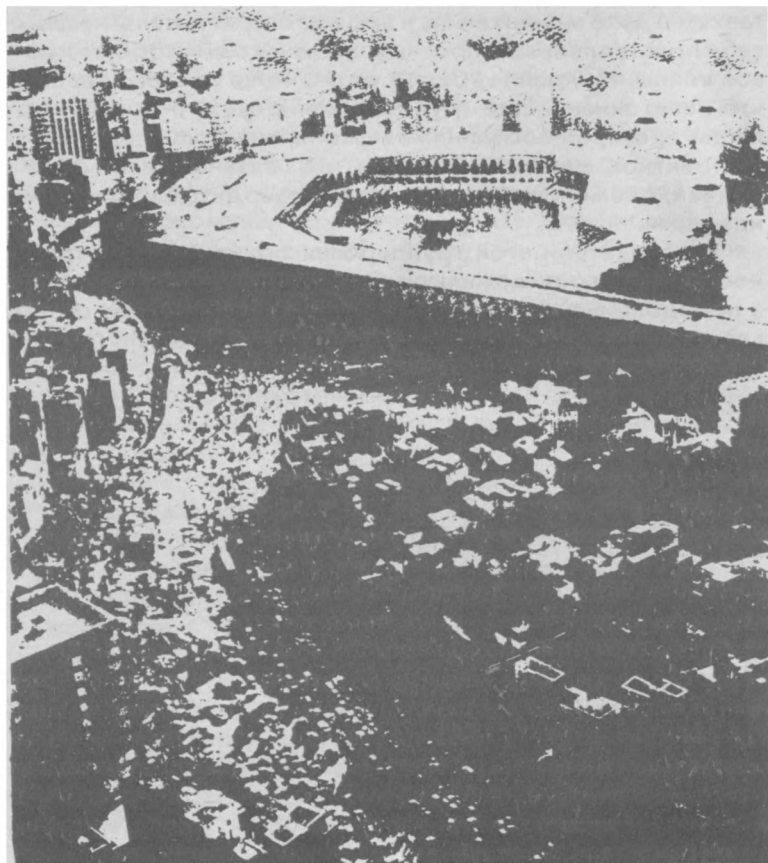
Нельзя рассчитывать и на то, что антикоммунисты с солидным стажем откажутся от своих позиций, смогут взглянуть на мир иными глазами. Фанатичные приверженцы монархии, они продолжают оплакивать ее, превознося тех, кто отстаивал ее. Не случайно карловчане в числе «новомучеников российских» причислили к лику святых царя Николая II. Не случайно они вытащили из забвения и опубликовали в журнале «Русское возрождение» труд русского религиозного философа И. Ильина «О монархии», в котором доказываются преимущества монархической формы правления перед всеми другими, а также «монархического уклада души», умеющего «ценить начала дисциплины и субординации» (Русское возрождение, 1978, № 4, с. 156).

Последователей «русской зарубежной церкви» их духовные пастыри убеждают, что в ее истории якобы начался новый этап. Они пытаются вселить в верующих оптимизм, связывая с именем митрополита Виталия какие-то перемены, которые должны влить новые силы в одряхлевший организм карловацкой группировки. Но это утопия. Крайне экстремистские позиции нового первоиерарха, его попытки ужесточить антикоммунистический курс, расширить пропагандистскую деятельность, по сути дела, являются повторением пройденного. Оставаясь в плену обветшалых догм и устарелых схем, карловацкая иерархия не в состоянии повернуть историю вспять. «Русская зарубежная церковь» не имеет будущего.

Идеи монархизма пронизывают всю деятельность раскольничьей группировки. Без этих идей она иссякнет, как пересохший источник. Именно поэтому карловчане пытаются любой ценой гальванизировать их в сознании своих последователей — части церковной и белой эмиграции, — потомков тех, кто навсегда осел на чужбине, воспи-

танных в духе монархизма, а кроме того, лиц, запятнавших себя преступлениями против родины в годы второй мировой войны. Но крайне трудно устранимся от всего нового, что несет жизнь. Еще труднее изолировать от него свою паству, которая воспринимает монархию лишь как нечто абстрактное, далекое и чуждое, что связано только с традицией, с теми, о ком не перестают твердить карловацкие идеологи.

Руководители этой группировки понимают, что трудности предстоят немалые. Они настойчиво ищут пути к преодолению этих трудностей, много ожидают от нового своего первоиерарха. Однако в состоянии ли он что-либо изменить?

Н. В. ЖДАНОВ

«Организация объединенных мусульманских наций»?

От панисламизма к «мусульманской солидарности»

Идея создания международной организации в рамках движения «мусульманской солидарности» (Исламский пакт) стала политической реальностью в сентябре 1969 г., когда в столице Марокко — Рабате состоялась конференция мусульманских стран на высшем уровне, положившая начало процессу формирования «Организации мусульманских объединенных наций».

Сам по себе этот факт остался бы незамеченным в общем круговороте событий на Ближнем Востоке, если бы он не был следствием целенаправленной деятельности феодально-клерикальных сил в зоне распространения ислама¹.

Исламский «бум» напомнил теоретикам и практикам международных отношений, что религиозные течения требуют серьезного к себе отношения и точного, научно обоснованного анализа различных форм проявления — будь то оживление фундаменталистских течений, исламский социализм, Иранская революция, использование ислама в целях контрреволюционной борьбы или сложные интеграционные процессы, в основу которых положены постулаты религии.

¹ Страны и территории, где проживают общины мусульман.

Истоки движения

Зона распространения ислама к моменту завершения формирования мировой колониальной системы оказалась поделенной между несколькими европейскими державами-метрополиями: Англией, Францией, Италией, Испанией. Сам этот факт и предопределил наличие в национально-освободительной идеологии конца XIX в. двух взаимоисключающих тенденций — панисламизма и национализма молодой буржуазии колоний.

Панисламизм как религиозное политическое течение тесно связан с деятельностью Джемаль ад-Дина Афгани (1839—1909). Именно он сформулировал идею «религиозно-политического союза мусульманских народов»¹.

Главная цель панисламизма — создание единого государства, объединяющего всех мусульман. В условиях колониального господства империалистических государств панисламистские лозунги использовались зарождавшейся буржуазией колоний в борьбе за независимость, как это имело место в ходе антибританского движения мусульман в Индии, антитурецкого движения ваххабитов в Аравии, выступления мусульман в Судане.

В то же самое время концепции панисламизма противоречили идеологии национализма с точки зрения основы и целей борьбы за независимость: панисламизм предполагал объединение всех мусульман в едином государстве, а националистический подход требовал независимости в границах складывавшейся нации.

Уже в ходе острых конфессиональных столкновений в Сирии в 60-е годы прошлого столетия «начала преобладать национальная, а не религиозная основа арабского единства»². Турецкий султан Абдул Хамид после ту-

Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока. М., 1974, с. 90.

² Тума Э. Социальные движения в исламе. Бейрут, 1980, с. 155 (на арабском языке).

рецкой революции 1908 г. отверг концепцию панисламизма и начал туркизацию населения в арабских вилайетах — административных единицах Османской империи. Как отмечает арабский марксистский исследователь Э. Тума, «резкая конфронтация арабов с турками способствовала победе националистического течения над исламистским в арабских провинциях Османской империи»¹.

Аль-Афгани противопоставлял «исламский социализм» «европейскому социализму», считая, что «европейский социализм» обязан своим существованием «только чувству мести по отношению к несправедливым властителям и несправедливым законам, а также зависти, которую испытывают рабочие к тем, кто разбогател благодаря своему труду и усердию». Такое понимание социализма далеко от научного, и это понятно: оно не имеет социально-исторической базы в мировоззрении Аль-Афгани и никак не связано с рабочим движением, исторической миссией рабочего класса. Панисламизм поэтому использовался и для противопоставления «опасности большевизма», в ряде случаев он выдвигался в качестве альтернативы не только марксистско-ленинской теории, но и революционно-демократическим концепциям и моделям. В панисламизме отразились попытки соединить, как писал В. И. Ленин, «освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»².

Реализация идеи панисламизма планировалась на базе Афганистана, Белуджистана, Кашгара, Ярианды, Бухары и Коканда. Афгани неоднократно обращался к правителям Египта, Судана, Ирана, Турции, искал поддержки и в европейских государствах.

Тума Э. Социальные движения в исламе. Бейрут, 1980, с. 155 (на арабском языке).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

Но в их отношении к концепции панисламизма уже тогда четко просматривалось превалирование национальных интересов, поскольку всегда вставал вопрос: вокруг столицы какого государства будет создаваться религиозно-политический союз мусульманских народов?

После первой мировой войны в зоне распространения ислама произошли серьезные изменения, создавшие предпосылки для возникновения альтернативных панисламизму тенденций. Крах Османской империи, создание мандатной системы Лиги Наций, ликвидация в 1924 г. халифата привели к росту регионального национализма, появлению концепции панарабизма, планов создания федерации арабских штатов по типу Швейцарии.

Идеи панисламизма противоречили концепции национальной исключительности, в то время как панарабизм, занимая как бы промежуточную позицию в противоборстве двух вышеуказанных тенденций, суживал сферу действия исламской исключительности и «исторической миссии ислама» рамками арабского региона. В условиях Турции, где националистические концепции «здорового тюркизма» были реализованы в форме идеологии государственной власти и организации общества на республиканской основе, были приняты меры по отделению религии от государства: упразднен султанат¹, а затем и халифат; закрыты религиозные школы, ордены дервишей; были приняты уголовный и гражданский кодексы на основе западной концепции права, ликвидирован институт шейх-уль-исламат и министерство вакфов, создано Управление по делам религии; в специальной поправке 1928 г. к конституции закреплялось отделение церкви от государства, отменялось положение об исламе как о государственной религии.

¹ Султанат в Турции был упразднен в 1908 г. (Прим. ред.)

М. Кемаль (1881—1936) — вождь национально-освободительной революции в Турции в 1917—1923 гг.— постоянно указывал на неприемлемость османизма, пантюркизма и панисламизма. Важнейшими элементами концепции М. Кемалю являлись: антиимпериализм, национальный суверенитет, осуждение экономической политики монархов (султанов), отказ от пантюркизма и панисламизма, добрососедские отношения с СССР, реализация лозунга «Мир в отчизне, мир во всем мире».

В 20—30-е годы формировалась и концепция «мусульманского национализма». Среди ее идеологов следует выделить активного деятеля мусульманского реформаторства Мухаммеда Икбала, выдвинувшего важное положение о необходимости «межгосударственного единства на религиозной основе».

В этой обстановке в зоне распространения ислама появились предпосылки и для возникновения концепции мусульманской солидарности как наиболее гибкой промежуточной формы идеи межгосударственного единства на религиозной основе. Каждая из концепций — региональный национализм, панарабизм и панисламизм — содержала элементы антиимпериалистической направленности. Вместе с тем, как правило, носителями панисламизма и панарабизма выступали и выступают монархо-феодальные режимы и их идеологи, причем критика империализма идет справа, параллельно с антикоммунизмом и антисоветизмом, выдвигая в качестве идеала «золотые времена» халифата или перспективу его воссоздания в будущем. И конечно, центром такого халифата должна была бы стать столица государства — инициатора панисламистского или панарабистского движения.

На практике преобладала более устойчивая тенденция к созданию международных богословско-религиозных и правительственных организаций над попытками объединения нескольких мусульманских государств (ОАР 1961,

Конфедерация Египта, Сирии и Ливии 1971, проекты и политические шаги в рамках единства Магриба).

Уже в мае 1926 года на конгрессе в Каире тридцатью делегатами из 11 мусульманских стран (отсутствовали исламские организации из Афганистана, Ирана, Индии, Судана и Турции) был принят призыв ко всем мусульманам мира способствовать образованию нового халифата.

На первом Всемирном исламском конгрессе (ВИК) в Мекке в июне 1926 г. (60 делегатов) удалось договориться о необходимости проведения подобных встреч. Второй Всемирный исламский конгресс состоялся в 1981 г. в Иерусалиме, где движение панисламизма в 20-х и начале 30-х годов реально противостояло экспансии сионизма.

В 1949 и 1951 гг. состоялись третья и четвертая сессии ВИК, на которых был разработан устав этой организации и принято заявление, содержащее требование ко всем правительствам мира о недопустимости вмешательства в дела ВИК. К середине 60-х годов 32 исламских государства приобрели политическую независимость или добились большей самостоятельности в вопросах международных отношений.

В 1962 г. в Багдаде и в 1964 г. в Могадишо были проведены пятая и шестая сессии ВИК. Штаб-квартира ВИК размещается в Карачи, Пакистан.

Среди богословско-религиозных организаций наиболее влиятельной является Всемирная исламская лига, созданная Саудовской Аравией в 1962 г. со штаб-квартирой в Мекке как альтернативный пакистанскому центр в движении панисламизма.

Существуют и действуют исламские центры при крупнейших мусульманских университетах. В 1962 г. был создан Высший Совет по делам ислама как центр по координации деятельности мусульманских университетов в составе представителей почти 70 стран. В 1981 г. в состав Совета вошли представители мусульманских общин Сенегала, Греции, США, Бирмы, Филиппин, Малайзии, Судана,

Шри Ланки и ФРГ Штаб-квартира Совета находится в Каире. В составе Совета действуют комитеты, наиболее важными из которых являются: Комитет Корана и сунны, Комитет мусульманского права, Комитет возрождения мусульманской мысли. Источником доходов Комитета служат поступления с вакфных земель и пожертвований мечетям. Совет организует и проводит международные конференции, в том числе по проблемам войны и мира, разоружения, нового международного экономического порядка, издает ежемесячный журнал «Минбар аль-ислам» — «Трибуна исламского мира». Редактор журнала — египетский теолог Фуад Хайба.

Еще одна модель международных отношений

Саудовская Аравия активизировала свою деятельность, направленную на создание Исламского пакта в августе 1969 г., используя в качестве предлога поджог мусульманской мечети «Аль-Акса» в Иерусалиме.

Начиная с 60-х годов в развитии панисламизма наметились тенденции к изменению основного лозунга — создание единого мусульманского государства. В основе этой тенденции лежали определенные изменения в расстановке сил в центре мусульманского мира — на Ближнем Востоке.

К середине 60-х годов национально-освободительное движение в ряде арабских и мусульманских стран приняло антифеодальный, антиимпериалистический характер. Революции в Египте в 1952 г., в Ираке в 1958 г., в Северном Йемене в 1962 г. усилили процесс социальной поляризации в арабских странах. В таких странах, как Сирия, Алжир, Ирак, Индонезия (до 1965 г.), начались прогрессивные преобразования, некоторые из которых приобрели антикапиталистическую направленность.

Крах Багдадского пакта, непопулярность СЕНТО¹, рост антифеодалных антиимпериалистических настроений в Лиге арабских государств, перспектива ухода Великобритании с юга Аравийского полуострова под воздействием роста антиколониальной борьбы в Южном Йемене, появление ряда национально-освободительных организаций в зоне Персидского залива (Народный фронт освобождения Омана и Персидского залива, Фронт национального освобождения Бахрейна и т. д.), начало консолидации в Палестинском движении сопротивления, рост движения неприсоединения и его влияния в «третьем мире», повышение влияния нефтедобывающих стран на мировую политику в условиях нового соотношения сил в мире — все эти объективные изменения представляли реальную угрозу интересам империалистических государств, и в первую очередь США, в этом регионе в конце 60 — начале 70-х годов.

В создании широкого международного политического блока, направленного против национально-освободительного движения в арабских странах, движения неприсоединения, империалистические государства видели выход из создавшегося положения. Королевство Саудовская Аравия выступило инициатором претворения в жизнь этой идеи. Зеленое знамя ислама покрывало с этой точки зрения не только все арабские страны, но и ряд важных в стратегическом отношении стран Азии и Африки, создавало основу для участия в этом блоке крупных неарабских мусульманских государств с реакционными режимами. Сама по себе религиозная форма сотрудничества в рамках пакта как бы создавала иллюзию проведения «независимой от сверхдержав политики». «Мусульманское неприсоединение» приобретало отчасти императивный

¹ СЕНТО — Организация Центрального договора — агрессивный военно-политический блок; создан в 1955 г. До 1959 г. известен как Багдадский пакт. Штаб-квартира в Анкаре. (Прим. ред.)

характер для всех мусульманских государств в силу роли исламской религии в обществе, невозможности ее игнорирования любой политической системой. В случае успеха создания мусульманской международной организации на межгосударственной основе значительно повышалось бы влияние Саудовской Аравии в арабском и мусульманском мире, создавалась бы «религиозная альтернатива» Лиге арабских государств, где преобладающую роль в начале 60-х годов играл Египет Гамалея Абделя Насера.

В декабре 1965 г. король Саудовской Аравии Фейсал во время своего визита в Иран выступил с официальным предложением созвать конференцию глав всех исламских государств. В 1966 г. только две страны согласились с «американской инициативой»¹ Саудовской Аравии — Иран и Иордания, все остальные исламские страны высказались отрицательно в отношении этой идеи, в том числе союзник Ирана по СЕНТО — Пакистан. Газета суданских коммунистов «Аль-Иттихад» писала 20 сентября 1969 г.: «От саудовского предложения о создании постоянного исламского Секретариата попахивает духом американского империализма, который в 1957 и в 1965 гг. уже пытался распространить идеи панисламизма».

Отношение Египта к идее Исламского пакта предельно ясно сформулировал Насер, выступая на массовом митинге в Каирском университете 22 февраля 1966 г. «Мы здесь, в ОАР, выступаем против использования религии для достижения целей империализма и реакции. Мы выступаем против Исламского пакта и Исламской конференции, так же как раньше мы выступали против Багдадского пакта, доктрины Эйзенхауэра и всех других реакционных маневров... Мы заявляем, что подлинная исламская соли-

¹ Французская газета «Круа» 13 января 1966 г. отмечала, что именно США и Великобритания способствовали установлению взаимоотношения между Саудовской Аравией и Ираном в их усилиях, направленных на создание Исламского пакта.

дарность — это солидарность всех мусульманских народов, борющихся против империализма, а не солидарность реакционных правительств, являющихся агентами империализма, фальсифицирующих ислам в интересах реакции, стремящихся повернуть вспять колесо истории и помешать развитию по пути прогресса...»

Агрессия Израиля в июне 1967 г. и ее последствия серьезно изменили соотношение сил на арабском Востоке. Как следствие этого, Египет и Сирия вынуждены были пойти на нормализацию отношений с Саудовской Аравией, направив основные усилия на восстановление военно-экономического потенциала. Необходимость нормализации отношений зажгла зеленый свет экспансии Саудовской Аравии в арабском мире. Египет был вынужден вывести свои войска из Северного Йемена, отказаться от антисаудовской пропаганды. Саудовская Аравия получила возможность реализовать на практике идею создания Организации мусульманских стран, выдвинув в качестве причины последствия израильской агрессии и необходимость сотрудничества всех мусульманских государств в защите «священных ценностей религии и в первую очередь Иерусалима».

Формально в сентябре 1969 г. Египет поддержал идею короля Фейсала созвать конференцию исламских стран на высшем уровне для обсуждения проблемы борьбы за возвращение Иерусалима, хотя истинные цели этой инициативы были очевидны для Гамалея Абделя Насера. Так в международных отношениях появилась новая организация — Организация Исламская конференция.

Она выдвинула следующие цели:

— способствовать исламской солидарности между государствами-членами;

— сотрудничать в экономической, социальной, культурной, научной и других жизненно важных областях;

— проводить консультации между государствами — членами международных организаций;

— ликвидировать сегрегацию и дискриминацию, искоренить колониализм во всех его формах;

— координировать усилия для защиты святых мест и оказывать поддержку борьбе палестинского народа за возвращение своих прав и освобождение своей земли;

— поддерживать борьбу всех мусульман за защиту своей независимости, достоинства и прав;

— создать благоприятную атмосферу для развития сотрудничества и взаимопонимания между государствами-членами и другими странами.

Секретариат ОИК размещен в Джидде (Саудовская Аравия) «до полного освобождения Иерусалима». Для обеспечения текущей деятельности организации созданы посты Генерального секретаря и его заместителей по политическим вопросам, по вопросам культуры, по административно-финансовым вопросам. Генеральный секретарь избирается сроком на два года, одно лицо может занимать этот пост не более двух раз. Резолюция и решения принимаются на основе принципа консенсуса (единогласия) на совещании глав государств и правительств и 2/3 голосов на совещании министров иностранных дел.

На 11-й конференции министров иностранных дел мусульманских государств в мае 1980 г. был создан постоянно действующий комитет министров в составе 11 министров стран-участниц и Генерального секретаря ОИК. В функции комитета входит рассмотрение любой чрезвычайной ситуации или кризисов, затрагивающих одну из стран-участниц, а также решение споров и конфликтов между самими мусульманскими странами. Комитет призван выполнять поручения ежегодной конференции министров иностранных дел мусульманских государств. Конечно, функции комитета только в некоторой степени напоминают деятельность Совета Безопасности ООН, однако сам факт создания подобного постоянно действующего органа является еще одним шагом на пути формирования организационных структур сотрудни-

чества мусульманских государств в международных отношениях.

Дальнейшее развитие ближневосточного кризиса было использовано Саудовской Аравией для создания под своей эгидой координационного центра мусульманских государств. Среди членов ОИК представлены страны и движения, имеющие прогрессивную антиимпериалистическую направленность, такие, как Алжир, Афганистан, Гвинея, Ливия, ООП, Сирия, Южный Йемен, Гвинея-Бисау. Некоторые из них идут по пути социалистической ориентации. Вместе с тем реакционные мусульманские режимы составляют большинство в этой организации, насчитывающей 46 участников¹. 46-м членом ОИК стала Нигерия, принятая в ООН в январе 1986 г. на 16-й конференции министров иностранных дел.

ОИК не оправдала в полной мере надежд ее организаторов, так как Саудовской Аравии в условиях продолжения израильской агрессии, открытой проимпериалистической политики режима Садата не удалось превратить эту организацию в политическое прикрытие своего влияния в мусульманском мире, придать ей исключительно реакционно-клерикальный характер. Важным фактором противодействия саудовской линии в ОИК стала деятельность Национального фронта стойкости и противодействия в составе Алжира, Ливии, НДРЙ, Сирии, ООП и ряда других стран прогрессивной ориентации. Члены Фронта стремились радикализировать деятельность ОИК в отношении Израиля, добиться практического выполнения принятых решений. Реакционные режимы начали необъявленную войну против левого крыла членов ОИК, оказывают финансовую помощь афганской контрреволю-

¹ Всего в мире в 62 странах исповедуется ислам. Членами ОИК в ряде случаев являются государства, в которых мусульманское население составляет меньшинство, например Камерун — 17%, Уганда — 6%, и т. д. (Прим. авт.)

ции, проводят линию на раскол национально-освободительного движения, содействовали обострению ситуации в Ливане и фактически способствовали развязыванию ирано-иракской войны.

О новых тенденциях в деятельности ОИК свидетельствуют итоги V конференции глав государств и правительств стран-участниц, проходившей в Кувейте с 26 по 29 января 1987 года. События накануне конференции, ее ход и результаты в полной мере отражают противоречивые процессы и тенденции в зоне распространения ислама. За несколько дней до начала ее работы прогремели взрывы на нефтяном терминале в кувейтском порту Мина-аль-Ахмади. Сейчас уже известно, что взрывы были совершены проиранскими шиитскими группировками, которые уже неоднократно угрожали расправой и руководством Кувейта.

В работе конференции приняли участие представители 43 стран и ООП (Организация освобождения Палестины). 31 государство было представлено их главами. Центральными проблемами для ОИК, как показала дискуссия, были ирано-иракская война, ближневосточный кризис и так называемый «афганский вопрос». Каковы же результаты?

Встреча в верхах не смогла добиться прекращения ирано-иракской войны, так и не были созданы предложенные Ливией совместные «мусульманские силы» в составе контингентов из Алжира, Индонезии и Нигерии по разъединению войск воюющих сторон. Тегеран продолжил политику «пустого кресла» и отказался принять делегацию ОИК для проведения переговоров. Все, что смогла сделать конференция,— это ограничиться требованиями прекратить войну, отвести войска к официально признанным границам и обменяться военнопленными. Иранская цена прекращения конфликта — осуждение Ирака как агрессора и свержение режима Саддама Хусейна — остается неприемлемой для ОИК.

Была принята специальная резолюция по ближнево-

сточному урегулированию, в которой отмечалось, что необходимым условием стабилизации положения на Ближнем Востоке является справедливое решение палестинской проблемы. Резолюция содержит требование полного и безоговорочного вывода израильских войск со всех оккупированных палестинских и арабских территорий, признания права палестинского народа на самоопределение и создание собственного государства со столицей в Иерусалиме. Страны — члены ОИК одобрили идею подготовки и созыва международной конференции по Ближнему Востоку под эгидой ООН с участием ООП и постоянных членов Совета Безопасности. Сирия, НДРЙ, ООП и другие участники дали негативную оценку политике США на Ближнем Востоке. Была даже принята специальная резолюция, осудившая американо-израильское стратегическое сотрудничество и призвавшая государства — члены ОИК принять эффективные меры в целях противодействия этому блоку.

Конференция заявила о поддержке резолюций ООН, направленных на ликвидацию режима апартеида и обеспечение независимости Намибии, и призвала принять эффективные меры против режима Претории. Решения, принятые по этим и другим вопросам, свидетельствуют о приближении ОИК к позициям движения неприсоединения. Это обстоятельство и было отмечено министром иностранных дел Кувейта шейхом Сабахом аль-Ахмедом аль-Джабером ас-Сабахом на пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств.

Произошли определенные изменения и в трактовке афганской проблемы. Резолюция по афганскому вопросу призвала государства — члены ОИК «...укреплять сотрудничество с движением афганских муджахиддинов», а генерального секретаря ОИК, министров иностранных дел Гвинеи, Ирана, Пакистана и Туниса в сотрудничестве с генеральным секретарем ООН — продолжить поиски политического решения этой проблемы. Вместе

с тем, многие участники позитивно оценили последние инициативы Советского Союза по политическому урегулированию в Афганистане. Но были в работе конференции и «провалы памяти», «черные дыры» и дефицит принципиальности. Так, не была дана должная оценка контактам короля Марокко Хасана II с премьер-министром Израиля Пересом, было исключено упоминание о Кэмп-Дэвиде по настоянию делегации Египта, молчанием был обойден скандал вокруг поставок американского оружия Ирану и участия Саудовской Аравии в «ирангейте». Кипрская проблема освещалась с позиций интересов турецкой общины. Была «позабыта» курдская проблема, не вспомнили и о Западной Сахаре. Более четко стало вырисовываться внутреннее блокирование среди членов ОИК: антиимпериалистическое направление — Сирия, Алжир, Ливия, НДРЙ, ООП и др.; намечающаяся ось Иран — Пакистан — Турция; группировка Саудовской Аравии и Совет по сотрудничеству арабских государств в Персидском заливе, а также страны Черной Африки. И как оказалось... ответственность за конфликты и разногласия в ОИК несут немусульманские страны, и прежде всего великие державы.

Можно сказать, что религиозные аспекты в деятельности ОИК все в большей мере заменяются политической позицией по важнейшим проблемам современности, в том числе и по ключевой проблеме — проблеме войны и мира.

В союзе с международным империализмом и региональной реакцией

Для международного империализма мусульманские страны представляют огромный резерв стратегического сырья и людских ресурсов. Империалистические страны стремятся активизировать панисламистскую деятельность

международных мусульманских организаций, усилить влияние традиционно-реакционного духовенства на широкие слои мусульманского населения, использовать панисламизм в антикоммунистических целях. Ислам рассматривается империалистическими кругами Запада в качестве одного из наиболее эффективных средств укрепления своего влияния в мусульманских странах, учитывая факт медленного развития процессов секуляризации. В США, Западной Европе и Японии создано несколько десятков специальных исследовательских центров, занятых комплексным изучением проблем ислама. Развитию деятельности этих центров способствуют мусульманские организации в США, Канаде, Великобритании, ФРГ, Японии и других развитых капиталистических странах. В апреле — июне 1976 г. в Великобритании была проведена Всемирная исламская конференция, на которой присутствовали делегации 40 мусульманских государств и было заслушано около 2500 докладов. (Английское правительство израсходовало на ее обеспечение 1 миллион фунтов стерлингов.) В некоторых странах (ФРГ и Ватикан) проводится изучение проблемы единства так называемых авраамических религий — ислама, христианства и иудаизма, с тем чтобы попытаться выработать единую идеологическую основу для сближения между реакционными мусульманскими режимами, империалистическими державами и Израилем, несмотря на факт продолжающейся израильской агрессии и оккупации.

3. Бжезинский следующим образом сформулировал отношение США к исламскому феномену в международных отношениях: «Я в принципе уверен, что в конечном счете существует гораздо большая несовместимость между мусульманским миром и Советским Союзом, чем между мусульманским миром и Соединенными Штатами. Мы не имеем никаких имперских планов в мусульманском мире. Мы практически стимулировали колониальные державы ограничить свое влияние в мусульманском мире.

Мы заинтересованы в независимости всех мусульманских стран. Мы всецело уважаем их религиозные верования и, в сущности, фактически разделяем значительную их часть, поскольку есть много общего между христианством и исламом.

Напротив, Советский Союз осуществляет прямое физическое господство над несколькими десятками миллионов мусульман. Он отказывает им в их религиозных правах. Он имеет традиционные замыслы в отношении независимости мусульманских стран»¹

Чрезвычайно опасным направлением в деятельности мусульманских центров на Западе является юридическое обоснование концепции вмешательства одной мусульманской страны во внутренние дела другой на основе принципов панисламизма (участие египетских и иранских войск в подавлении революционных движений в Судане, Омане, поддержка реакционными режимами афганской контрреволюции, мусульманских племен на севере Мозамбика в борьбе против революционного правительства).

Политика западных государств ставит своей целью осуществить панисламскую концепцию создания Всемирной конференции мусульманских государств, в работу которой, по их замыслам, можно было бы втянуть и делегации мусульман Советского Закавказья и Средней Азии. Параллельно выдвигается задача организации эмиграции мусульманского населения из СССР, особенно в начавшемся XV в. по мусульманскому летосчислению.

Важным элементом политики империалистических государств являются усилия по приглушению антиимпериалистических тенденций в деятельности международных организаций мусульманских стран.

Несмотря на определенную антиимпериалистическую направленность, деятельность этих организаций носит ярко выраженный антикоммунистический характер и на-

¹ U.S. News and World Report, 1979, December 31, p. 37.

целена на раскол прогрессивных сил в мусульманском мире. Наиболее серьезную активность с точки зрения своего влияния осуществляет Всемирная исламская лига. Только за последние годы ею были проведены семь исламских конференций на неправительственном уровне (конференции проводились раздельно по каждому континенту). «Мусульманский мир должен бороться против коммунизма, сионизма и империализма» — основная тема выступлений на конференции этой организации, проходившей в июне 1978 г. в Карачи.

Главная особенность интеграционных процессов, стимулируемых деятельностью мусульманских международных организаций, заключается в том, что за всей этой многоступенчатой и многоэтажной структурой вырисовывается идея создания новой модели исламского государства.

На современном этапе «мусульманское единство» преподносится как инструмент устранения национальных преград в процессе «демократизации» общества мусульманских стран и дальнейшего углубления национально-освободительного процесса. По своему же содержанию панисламизм подчеркивает исключительность и богоизбранность всех мусульман. Но, учитывая, что в современном мире богословие объективно уступило место конкретным социально-экономическим и политическим проблемам, теоретики панисламизма пытаются найти определенную форму в сочетании панисламизма с национализмом, ставя своей целью социально-этническую интеграцию мусульманских стран под эгидой идей панисламизма. Получившийся таким образом блок должен противостоять как мировому капитализму, так и мировому социализму. В сентябре 1981 г. Иран выступил, например, с инициативой создать «антисионистский исламский фронт, который бы позволил:

- 1) поднять роль ислама в мире;
- 2) активизировать борьбу мусульман против внутрен-

них угнетателей (реакционные режимы Марокко, Саудовской Аравии, Туниса, Иордании, Ирака, ОАЭ, Кувейта, Бахрейна и т. д.);

3) осознать мусульманами и угнетенными мира действительную мощь ислама и подняться как гигантская сила, чтобы сокрушить мировой империализм и ложь»¹

Такое предложение безусловно направлено на создание международного механизма «распространения» иранского опыта как в мусульманских, так и немусульманских странах, то есть во всем мире.

Панисламизм противопоставляет «интернациональный дух» теории мусульманского братства «региональной узости». Однако в историко-политической практике идея панисламизма используется в качестве обоснования тенденции к гегемонизму одного из мусульманских государств. Так, если в своей начальной стадии панисламизм был инструментом укрепления Османской империи, после второй мировой войны он стал орудием соперничества между Пакистаном, Саудовской Аравией и рядом других стран за гегемонию в мусульманском мире. Эту точку зрения разделяют и некоторые мусульманские исследователи, например, пакистанский автор Фатех М. Сандила отмечает: «Если идеалисты и теоретики постоянно подчеркивали необходимость всемирного мусульманского единства, то практики редко проявляли интерес к этой задаче. Главным образом они были заняты узкими местными задачами — сохранением власти в данном районе, поддержанием личного престижа или же заботой о тех или иных ограниченных интересах»²

Панисламизм вынужден приспособляться к современным условиям, отказываясь от всех форм ограничения частного предпринимательства, защищая принцип прима-

Islamic Republic Party Weekly Bulletin, 1981, September 25, p. 8—9.

Fateh M. Sandeela. The need for reviving khalifat.— The Pakistan Times, 1980, July 7.

та духовной власти над политической; выдвигая тезис единства религии и политики; резко выступая против секуляризма. Новые концепции панисламизма сделали своей отправной точкой антикоммунизм, хотя при этом они декларируют формальное «удаление» и от Запада, подчеркивая тем самым неприемлемость как социализма, так и капитализма. В изложении выступления главного шейха исламского университета Аль-Азхара Абдулы Халима Махмуда недвусмысленно говорилось: «Каждый мусульманин, ставший коммунистом, будет считаться отлученным от веры и нести соответствующую кару, пока не раскается»¹ Вместе с тем центральным звеном концепции панисламизма провозглашается надклассовость, наднациональность «мусульманского единства», всемирная общность правоверных.

С наибольшей полнотой панисламизм представлен в идеологии и практике организации «Братья-мусульмане»: весь мир делится на две части — мир ислама и мир «нового варварства»; для спасения человечества, погрязшего в «новом варварстве», необходимо установить теократию; возврат к халифату — лучший путь к социальной справедливости; спасение человечества в возвращении к богу.

Будет ли флаг ООН зеленым?

Конец XX в. становится свидетелем активного оживления концепции панисламизма, приспособления ее к реалиям современного мира и попыток создания механизма возможной ее реализации на основе использования религиозных, политических и экономических потенциалов и ресурсов мусульманских стран.

От роспуска халифата до создания Организации Исламская конференция (ОИК) в 1969 г. носителями идеи панисламизма выступали Всемирный исламский конгресс

¹ Исламские новости, 1977, 28 ноября (на арабском языке).

и Всемирная исламская лига. Богословским неправительственным организациям, по сути дела, отводится роль хранителей чистоты ислама. Именно им поручается разработка различных вопросов, связанных с теологическим обоснованием важнейших проблем деятельности мусульманских межправительственных организаций. Большое внимание в их деятельности уделяется теории международной «мусульманской солидарности», концепции «исламского государства», разрабатываются проекты конституций. Действуют и другие богословские организации, такие, как Высший совет по делам ислама (создан в 1962 г.), Всеобщий конгресс по вопросам Палестины (создан в 1965 г.) и т. д.

Как ВИК, так и ВИЛ имеют консультативный статус при ООН. Но важно отметить, что результатом своей деятельности теоретики и практики «мусульманской солидарности» видят выход мусульманских организаций и стран из ООН и образование Организации объединенных мусульманских наций со своим Советом Безопасности, образование мусульманского «общего рынка», создание объединенных мусульманских вооруженных сил с единым военным командованием, с тем чтобы мусульманские страны стали «третьей силой в мире», «независимой» от капиталистических и коммунистических держав.

Мусульманские международные организации — это промежуточные звенья в процессе «реализации идеи всемирной исламской солидарности»¹, заявил король Фейсал на открытии 1-й конференции ОИК в 1969 г.

Концепцию «мусульманской солидарности» можно расценивать как важнейший принцип внешней политики ряда мусульманских стран на пути к реализации идей панисламизма. Во всяком случае, именно такой ее хотели бы видеть богословы и политические деятели реакционных режимов. Но любая идеализация «мусульманской со-

¹ The Muslim World, 1970, March 28.

лидарности» в международных отношениях — своеобразное проявление тупикового в историческом плане ответвления в развитии теории и практики международных отношений. Появление финансового потенциала у ряда нефтедобывающих мусульманских стран в сочетании с наступлением империализма и региональной реакции на позиции национально-прогрессивных режимов и стран социалистической ориентации было воспринято инициаторами и вдохновителями движения «мусульманской солидарности» как возможность начать «перестройку» международных отношений по мусульманской модели: религиозная общность — мусульманская солидарность — мусульманский блок — единое мусульманское государство. Поскольку же сама по себе эта схема не работает и наблюдаются острые противоречия при попытке ее осуществления, из схемы выделяется идея «мусульманской солидарности» как наиболее практически целесообразная в современных условиях формула для взаимоотношений между мусульманскими государствами.

Реальные различия между мусульманскими странами заставляют организаторов этого движения искать более гибкие формулы. Так, в речи перед студентами исламского университета в 1983 г. король Саудовской Аравии Фахд заявил: «Я думаю, братья полностью понимают, что одним из основных принципов королевства Саудовской Аравии является невмешательство в дела других... и мы никому не позволяем вмешиваться в наши внутренние дела и сами не вмешиваемся в дела других... Вместе с тем взаимное консультирование, дружеский совет («танасух») являются долгом ответственных лиц (подчеркнуто мной.— Н. Ж.) в мусульманских странах во всех областях, которые возродят исламское общество на его правильной основе»¹

Характерно, что подбор более гибкой формулы вза-

¹ Избранные выступления короля Фахда Бен Абдель Азиза, 1984, с. 43 (на арабском языке).

имоотношений между мусульманскими странами сопровождается понижением направляемого на нужды помощи мусульманским странам — членам ОИК процента валового национального продукта. Так, например, в 1975 г. эта помощь со стороны Саудовской Аравии составила 6,22%, в 1976 г. — 5,73, в 1979 г. — 3,01, в 1980 г. — 2,6%¹ от валового национального дохода, тогда как доля стран — членов ОИК во всей внешней торговле Саудовской Аравии не превышает в экспорте 6%, а в импорте — 5%².

Все причины несовершенства исламского мира идеологи концепции «мусульманской солидарности» видят в империализме и коммунизме. Выдвигая исламскую систему как универсальную и вместе с тем обособленную, современное политическое движение мусульманских стран формулирует «третий путь развития», который избавит мусульманский мир от «пагубного влияния империализма и воздвигнет преграду для распространения коммунизма». Линия на «равноудаление» от двух мировых систем является доминирующей в концепции «мусульманской международной солидарности». Так, например, в 1980 г. на конференции ОИК представитель Пакистана Ага Шахи заявил: «Мы никогда не примем гегемонию — ни Востока, ни Запада. Если мы сможем выстоять и преодолеть отсталость, на которую мы были осуждены колониальным правлением, мы сможем громко заявить о себе от имени всего мусульманского сообщества... Мы... никогда не станем пешками в борьбе сверхдержав за власть, никогда не будем их жертвами»³.

Взамен идеологии Востока и Запада выдвигается концепция «уммы». В понятие «уммы» вкладывается единство мировоззрения и действий, основанное на братской

¹ Islam in Foreign Policy. Cambridge, 1983, p. 48.

Journal of Economic Cooperation Among Islamic Countries 1982, N 10, p. 89.

³ Заключительная речь Ага Шахи. Материал чрезвычайной сессии ОИК. Исламабад, май 1980 (на арабском языке).

любви, терпимости, взаимном уважении и способности понимать других. Исламское братство стирает разницу между черными и белыми, арабами и неарабами, богатыми и бедными, азиатами и африканцами. Принцип такого братства должен лечь в основу исламской концепции общественного устройства. Такой концепции нет ни в одной религии, ни в одном философском учении, хотя отдельные ее элементы, безусловно, заимствованы из мировых религий.

Важно отметить, что в исследованиях арабских марксистов мы находим два важных вывода в отношении социальной роли ислама в современных международных отношениях. Это, во-первых, то, что ислам сам по себе не был и не может быть движущей силой развития истории. Так, член Политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии З. Абу ас-Самад писал: «Религия не является и никогда не являлась движущей силой. Это одежда, под которой обнаруживается действительная движущая сила или то, что выдает себя за таковую. Вместе с тем несомненно, что религиозные идеи, каковы бы они ни были, способны стать влиятельными и действенными, когда овладевают массами, могут быть импульсом для поступательного движения или стать тормозом, обуславливающим регресс и отсталость»¹. Очевидно и то, что различные социальные силы, политические организации и течения стремятся добавить к окраске знамени своего движения зеленый цвет ислама. Таким образом, отношение «коммунистических партий к религиозным движениям определяется отношением этих движений к проблемам войны и мира, социальной и национально-освободительной революции, а также к проблемам демократического развития общества»².

Абу ас-Самад З. Социально-политическая борьба в исламе.— Дирасат иштиракия, 1981, № 5, с. 73 (на арабском языке).

² Аль-Алим М. А. Ислам и революция.— Аль-Ясар аль-араби. Париж, 1979, № 7, с. 26 (на арабском языке).

Позиция коммунистических и рабочих партий арабских стран по отношению к исламу была изложена в их совместном заявлении в мае 1981 г.: «Отдавая должное этому социальному явлению, наши партии одновременно предупреждают, что империалистические, сионистские и реакционные силы используют реакционные группы и движения, прикрывающиеся религиозной деятельностью, в стремлении расколоть патриотическое единство, возбудить вражду к коммунизму и ко всякому социальному прогрессу и разжечь религиозно-конфессиональные конфликты, и тем самым способствуют осуществлению замыслов империализма и реакции, как это делает, например, Ассоциация братьев-мусульман в Сирии.

Следует отметить, что реакционные группы, прикрывающиеся религиозными и конфессиональными лозунгами, находят благоприятные условия для оживления своей деятельности при отсутствии демократических свобод и в обстановке травли и репрессий, которым подвергаются революционные, особенно коммунистические, партии и движения»¹.

Таким образом, процессам интеграции в мусульманском мире препятствует целая группа факторов, основными из которых являются:

1) противоречия между феодально-монархическими, буржуазно-националистическими и прогрессивными режимами в мусульманских странах;

2) различия в степени социально-политического и социально-экономического развития;

3) соперничество за лидерство в мусульманском мире, развернувшееся между крупными нефтедобывающими странами, имеющими различные социальные системы (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Ливия);

4) стремление некоторых государств проводить неза-

¹ Заявление коммунистических и рабочих партий арабских стран.— Ат-Тарик, Бейрут, 1982, № 3/4, с. 338—339 (на арабском языке).

висимую внешнюю политику (например, сбалансированная внешняя политика Кувейта);

5) проявление национальных противоречий в международном плане (палестинская, курдская проблемы, проблема белуджей, пуштунов);

6) наличие взаимных территориальных притязаний (Саудовская Аравия — Оман, Ирак — Кувейт, Ирак — Иран, Марокко — Алжир, Саудовская Аравия — ЙАР, Ирак — ОАЭ, Иран — Бахрейн);

7) различный характер социальной ориентации мусульманских стран, стремление ряда прогрессивных режимов объединить свои усилия перед лицом израильской агрессии;

8) разногласия и противоречия между основными направлениями ислама, играющие большое значение в усложнении системы межгосударственных противоречий мусульманских стран.

В силу своего участия в различных международных и региональных организациях, а также в движении неприсоединения мусульманские страны не могут пренебрегать и своими обязательствами ради оплаченной нефтедолларами «мусульманской солидарности». Противоречия между государственными интересами и религиозной общностью не всегда однозначно решаются в пользу «мусульманского единства».

Наконец, в целом религиозные концепции не работают в качестве основы для интеграционных процессов и создания эффективного инструмента поддержания международного мира и безопасности. Ни один из сложных политических кризисов, затрагивающих интересы большой группы стран зоны распространения ислама, не был разрешен механизмом Организации Исламская конференция или ее специализированных учреждений. Продолжается ирано-иракская война, восстановлен в членстве ОИК Египет, бесконечно кровопролитие в Ливане, так и не создан военно-политический фронт мусульманских государств

для противостояния израильской агрессии. Проблема Западной Сахары продолжает оставаться принципиальным вопросом во взаимоотношениях между мусульманскими государствами: можно ли требовать самоопределения для палестинского народа, не решая проблему самоопределения мирными политическими средствами в других случаях, как, например, в ситуации с Западной Сахарой? Этот список может быть дополнен, и, к сожалению, число проблем в нем не сокращается.

Принципиальная оценка социально-политическим процессам, происходящим в зоне распространения ислама, была дана на XXVI съезде КПСС: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги... Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹ А поскольку реальные содержания этих движений различны, так же как противоречивы интересы политических сил, использующих знамя ислама, остается проверенный временем и практикой международного общения инструмент поддержания международного мира и безопасности — ООН, и есть все основания предполагать, что флаг ООН останется голубым.

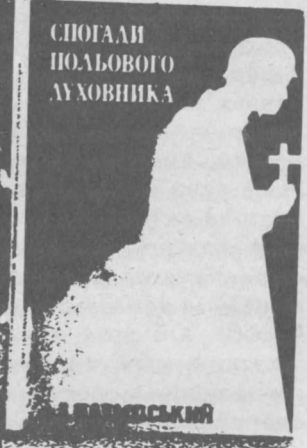
¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

1972

КАТИХИЗ
ХРИСТИАНСЬКОЇ ВІРИ
ДЛЯ МОЛОДИ І СТАРИХ

СВІТЛА

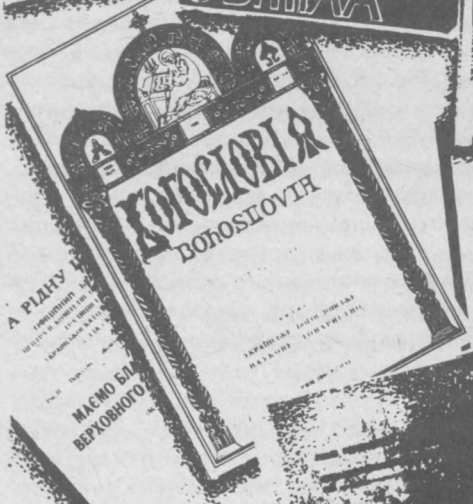
**СПОГАДИ
ПОЛЬОВОГО
ДУХОВНИКА**

ЛАНЦЮСЬКИЙ

**Брєсі,
що ввійшли до
церкви**

Накладом
видавництва "Дзівны Сьвет"
Львєва 1972 — католік

**КОГОСЛОВІЯ
БОГОСЛОВІЯ**

А РІДНУ

**МАЄМО БЛАГО
ВЕРХОВНОГО**

И. И. МИГОВИЧ

Униатско-националистический альянс в антисоветских идеологических диверсиях

Идеологические диверсии, как правило, не просто распознать, понять их подлинную цель и смысл, тем более, если они закамуфлированы благочестивыми фразами, не сопровождаются взрывами, пожарами и прочим. Но они всегда проводятся коварно, грязными, подлыми средствами. Идеологическая диверсия сегодня — одна из ведущих форм подрывной деятельности капиталистических государств против стран социалистического содружества. Ее цель — ослабление экономики и культуры, подрыв общественного строя, возрождение в этих странах буржуазных порядков.

Подрывные идеологические акции, осуществляемые империализмом против нашей страны, имеют ярко выраженный характер «психологической войны», нагнетающей антикоммунистическую истерию. Здесь культивируется зоологическая ненависть ко всему советскому, идет неумное восхваление «свободного мира», разжигание страстей и экстремизма, несовместимых с общепринятыми нормами межгосударственных и международных отношений, с общечеловеческой моралью и профессиональной этикой. Здесь замысливаются и организуются такие акции, как раздуваемый реакционными кругами Запада миф о «советской военной угрозе», кампания в «защиту прав человека» в СССР, измышления о «русификации» народов нашей страны и т. п. С их помощью буржуазная пропаганда возводит клевету на советский

государственный строй, социалистическую демократию, внутреннюю и внешнюю политику нашей страны, на Коммунистическую партию как ядро ее политической системы. Фальсифицируется ленинская национальная политика КПСС, животворная дружба советских народов-братьев, социально-культурное развитие нашего общества, обеспечение в нем подлинной свободы и демократии.

Активно участвует в общих идеологических диверсиях империализма униатско-оуновский альянс. С одной стороны, он полностью солидаризируется с деятельностью всех антисоветских буржуазно-клерикальных центров. С другой стороны, у него есть и свои собственные «акции». Например, муссируя избитый тезис буржуазной пропаганды о «притеснениях» нерусских национальностей, униатско-оуновские политики дошли в клевете на национальную политику КПСС и Советского государства до разглашений о выдуманном ими «этнолингвоциде», ведущем, мол, к уничтожению самобытности народов в СССР, в частности украинского.

Униатская газета «Свобода» в январе 1979 г. поместила фальшивку о том, что в УССР якобы административным путем принуждают родителей отдавать детей лишь в русские школы и что скоро украинский язык будет здесь отодвинут на второй план как «чужестранный». При этом униатско-националистические «филологи» обвиняют интеллигенцию Советской Украины в добровольном «содействии лингвоциду», учат языковедов и журналистов украинскому правописанию, пропагандируя архаизмы и диалектизмы, устранившиеся из языка украинского народа всем укладом его жизни.

В одной упряжке с украинскими буржуазными националистами выступают и униатские клерикалы. Нынешний глава так называемой украинской католической церкви кардинал М. Любачивский в рождественском послании 1985 г. также не преминул порассуждать о «лингвоциде

на Украине», заявив об «угрожающей потере родного языка в результате насильственной русификации»¹

Назойливо твердя о «лингвоциде на Украине», клерикально-националистические идеологи пытаются ввести в заблуждение зарубежные международные организации, вплоть до ООН, путем фальсификации истинного состояния социально-культурного развития УССР. На VII международном конгрессе по прикладной лингвистике некий Ю. Перфецкий из Лассальского университета (США) использовал трибуну этого научного форума в клеветнических целях, утверждая, что «украинский язык сильно русифицируется». «Аргументами» для униатско-националистических «теоретиков» служат подтасовки статистических данных о переписи населения СССР, манипуляции вокруг тиражей газет и журналов, любые, даже случайные факты, которым дается ложное толкование.

Расцвет культуры и науки Советской Украины убедительно опровергает домыслы о «лингвоциде», «русификации» школьного образования и прочие нелепицы униатско-националистических прислужников империализма, развенчивает их неуклюжие попытки во что бы то ни стало выполнить социальный заказ своих хозяев, заинтересованных в создании «украинского вопроса». Более чем шестидесятилетний период существования Союза ССР ознаменовался стремительным взлетом Украины к вершинам социального прогресса.

КПСС и Советское государство проявляют чуткое, бережное отношение к национальным ценностям. В республике под охрану государства взято около 80 тысяч памятников истории и культуры. Под благотворным влиянием интернационалистских принципов советского общественного строя развивается и обогащается украинский язык. Выдающимися событиями в политической и культурной жизни украинского народа явились издание Пол-

¹ L'Osservatore Romano, 1985, gennaio 25.

ного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах в переводе на украинский язык и завершение в 1985 г. издания на украинском языке Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 50 томах. Издан двухтомный «Шевченковский словарь», продолжает выходить пятидесятитомное Собрание сочинений И. Я. Франко, восьмидесятитомное издание «Библиотеки украинской литературы», которое знакомит читателя с лучшими произведениями Киевской Руси и украинских писателей вплоть до наших дней.

Повторяя азы империалистической пропаганды, униатские клерикалы и украинские буржуазные националисты тщатся исказить сущность хельсинкских договоренностей, активно участвуют в демагогической кампании по «защите прав человека», пускают в ход набор таких приемов, как замалчивание, полуправда, и, наконец, беспардонную ложь.

Не имея каких-либо фактов, свидетельствующих о нарушении прав человека в нашей стране, униатско-оуновские клеветники прибегают к «помощи» всевозможных подрывных центров, занимающихся проблемами «советологии» и «украиноведения». Таким учреждением является, например, Кестон-колледж (Великобритания), который дает обильную пищу клерикально-националистической эмигрантской прессе. Так, канадский «Гомін України» опубликовал «список жертв, погибших за веру в 1973—1983 гг.» во Львове, Дрогобыче, с. Томашовцы и других местах.

В последнее время идеологические диверсанты, специализирующиеся на «правах человека» в УССР, пустили в ход новую фальшивку: словно по команде буржуазная пресса подняла подстрекательскую шумиху вокруг «комитета в защиту прав католиков-украинцев». Его основателей — кучку националистически настроенных лиц, попытавшихся развернуть свою деятельность во Львове, чья враждебная деятельность была пресечена, — всячески рекламируют, слагают в их честь панегирики.

Вдохновители и организаторы идеологических диверсий не ограничиваются лишь оказанием «помощи» своим подручным, но и требуют от них усиления антисоветской деятельности в вопросах «прав человека». На семинаре по вопросам политики США в отношении Восточной Европы и СССР, проходившем весной 1983 г. в госдепартаменте, украинских националистов нацеливали как раз на это. Сотрудники внешнеполитического ведомства США даже заявили, дабы вдохновить своих подпевал, что администрация США «скоро начнет добиваться права на самоопределение для Украины и Белоруссии»¹.

В целях активизации подрывной пропаганды по вопросам «прав человека на Украине» конгрессом США официально объявлен «день независимости Украины», который ежегодно проводится 22 января. Реакционно настроенные сенаторы и конгрессмены выступают с обвинениями Советского правительства в «агрессивности и экспансионизме», «массовых нарушениях прав человека на Украине» и т. п. Эти провокационные выпады, подкрепленные клерикально-националистическими фальшивками, затем широко используются в печати.

В конце января 1986 г. на приеме, устроенном американцами украинского происхождения в Вашингтоне, было оглашено специальное послание главы администрации США. В нем говорилось: «Такие защитники прав человека на Украине, как Иосиф Тереля, вынуждены отбывать длительный срок тюремного заключения только за то, что они пропагандируют свою веру и основные принципы свободы и демократии». Что же на самом деле представляет собой этот «правозащитник»? Его уголовное дело состоит из девяти пухлых томов. Впервые он попал за тюремную решетку еще в начале 60-х годов вместе со своим братом Борисом. Оказались они там вовсе не за «благочестие»: украл винтовку, братья совершили серию

¹ Ukrainian Weekly, 1983, March 17.

вооруженных ограблений, за что и были осуждены. Жертвами их преступлений стали Е. Штерн, М. Русин, Г. Готелецкий, жители закарпатского города Свалявы. За период с 1963 по 1983 г. Иосиф Тереля совершил несколько уголовных преступлений и поэтому, естественно, привлекался к ответственности. После отбытия наказания он злобно уклонялся от общественно полезного труда. Поняв бесперспективность пути вора-уголовника, И. Тереля решил переqualificироваться в «защитника прав верующих», хотя в кругу друзей признавался, что «в бога не верит». Новоявленный религиозный деятель стал изготавливать и передавать на Запад антисоветские материалы, за что летом 1985 г. был осужден. Теперь этого, уголовника и клеветника на антикоммунистической кухне объявляют чуть ли не новым святым так называемой украинской католической церкви.

В клерикально-националистических изданиях проскальзывает скептицизм в отношении «украинского диссидентства» и успеха «освободительного дела», опирающегося на одни лишь идеологические диверсии, о чем свидетельствуют, например, предложения униатского идеолога А. Зеленецкого искать другие, «более эффективные методы подрыва социалистического строя»¹.

В устах униатско-оуновских экстремистов призыв «защитить права человека» оборачивается стремлением грубо попирать элементарные юридические и моральные нормы. Примером подобного произвола и беззакония под маской «защиты» является провокация против семьи Половчаков, трагедия которой сегодня общеизвестна. Началась она с выезда этой семьи по приглашению родственников в США. Однако уже после нескольких месяцев тяжелых испытаний Половчаки убедились в том, что повседневная жизнь в Америке далека от рекламных проспектов буржуазной пропаганды. Пытаясь исправить

¹ Вовк О. Емігрантський вертеп. Одесса, 1985, с. 91.

ошибку, они решили вернуться на родину. Да не тут-то было... Прознав об этом, окопавшиеся в Чикаго реакционные эмигрантские организации при поддержке местных властей развернули настоящую травлю Половчаков, чтобы заставить их отказаться от такого шага. Когда угрозы и шантаж не возымели действия, было организовано похищение тринадцатилетнего сына Владимира. На сторону бандитов встала служба иммиграции и натурализации США, официально санкционировавшая противозаконное удержание В. Половчака в этой стране против воли его родителей. Потребовалось пять долгих лет судебных тяжб и разбирательств только для того, чтобы формально были подтверждены их родительские права.

Эксплуатируя новомодные «обвинения» в адрес социализма, клерикально-националистические «теоретики» не оставляют и старые, испытанные приемы. Для подтверждения, например, недоказуемых, по существу, положений об экономическом крахе социализма, они пытаются поставить себе на службу фальсифицированное прошлое. Обращаясь к сложному противоречивому периоду коллективизации сельского хозяйства на Украине, они хотят навязать свои оценки этого процесса, обвиняя Советскую власть в «искусственно созданном массовом голоде» в ответ на «упорное сопротивление» крестьянства и т. п.¹

Как и прежде, они распространяют идеологические мифы, имеющие целью фальсифицировать действительность. Много лет они раздувают, в частности, миф о существовании «катакомбной церкви» в СССР, который используется в кампании по «защите прав человека». Реакционные клерикалы распространяют клеветнические из-

¹ В советской историографии дан объективный анализ сложных социально-экономических проблем, возникших в советской деревне с началом коллективизации. См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, т. 4, кн. 2, с. 171; История Украинской ССР. Киев, 1982, с. 341; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1977, с. 472.

мышления о насильственном «искоренении религии» в Советском Союзе, «гонениях» на церковь и верующих.

Особым гонениям в СССР, если послушать клерикально-антикоммунистическую пропаганду, конечно, подвергается «украинская католическая церковь», находящаяся якобы в «катакомбах» после ее самороспуска на Львовском церковном соборе 1946 г. Радиостанция «Свобода» 20 мая 1985 г. сообщила, например, что запрещенная в СССР украинская католическая церковь «насчитывает 4 миллиона верующих». Понимая, что хватило лишку, назвав эту фантастическую цифру, и не зная, как свести концы с концами, радиоврали из «Свободы» 24 июня 1985 г. как на источник сослались на речь главы эмигрантской УКЦ М. Любачивского, которую он произнес на банкете в одном из римских ресторанов по случаю возведения его в кардинальский сан. Униатско-националистические издания то и дело описывают «факты террора», «преследований духовенства и верующих УКЦ», которые, мол, находясь на нелегальном положении, не примирились со своей участью. Некий М. Петрович в газете «Новый шлях», выходящей в Канаде, в номере за 8 декабря 1984 г. писал, что эта борьба «стала более интенсивной и острой», что «наступление на религию усилилось в связи с предстоящим юбилеем».

Дабы не быть голословными, клерикально-националистические фальсификаторы тщатся раздобыть информацию о подпольных группах униатов в республике и, заметим, находят «факты», вполне достойные их собственного обличья. Так, парижское «Українське слово» 24 марта 1985 г. поместило статью под названием «Обострение положения в Украине. Официальный советский документ о деятельности подпольного движения на Украине». В нем приведено сфабрикованное «постановление бюро» одного из обкомов партии и облисполкомов об «усовершенствовании методов борьбы с проявлениями национализма». Каких только измышлений нет в этом,

состряпанном центром идеологических диверсий «документе», вплоть до создания «специальной психушки для униатов» в областной больнице. На такой «основе» автор делает вывод, что «народные украинские массы поддерживают их (униатских клерикалов.— И. М.) и сегодня». Эта фальшивка длительное время использовалась и правыми буржуазными светскими газетами, не побрезговавшими грязной клеветой, лишь бы она была антисоветской. Распространяя измышления о «подпольной УКЦ», их авторы рассчитывают спровоцировать за рубежом антисоветскую кампанию — митинги, собрания, богослужения, протесты в адрес советских дипломатических представительств.

Тон в этих подрывных акциях задает кардинал М. Любачивский. 1 апреля 1985 г., выступая по случаю 40-летия привлечения униатских иерархов к уголовной ответственности за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами, он подстрекал население Украины «защищать» бывших греко-католических священников, монахов и монахинь, нарушающих советское законодательство, «требовать свободы для нашей (то есть давно самоликвидировавшейся униатской.— И. М.) церкви», взывать о помощи и защите к мировой общественности.

Следующее послание-обращение кардинала М. Любачивского сделано им в связи с 40-летием самороспуска греко-католической церкви. И вновь в обрамлении благочестивых фраз извергались потоки лжи о «порабощении братьев и сестер» на Украине. А через несколько дней после этого провокационного послания глава УКЦ издал новый документ, на этот раз посвященный пасхе (1985 г.). В нем также рябит в глазах от фальшивых слов «страдания», «муки», «порабощение» в приложении к «украинской католической церкви»... не существующей в нашей стране. Что это, как не прямое подстрекательство к противоправным действиям?

Каковы же истинные цели апологии «катакомбной

УКЦ»? Средства массовой информации униатско-националистического альянса и подрывных центров Запада пытаются, во-первых, представить ее способной, несмотря на самороспуск на Львовском соборе 1946 г., к «воспроизводству в новых поколениях». Во-вторых, ведется усиленная атака на решения Львовского собора. В многочисленных заявлениях, посланиях, пастырских письмах и статьях делаются попытки доказать его «противозаконность», «неканоничность» и т. п. Но есть третья, возможно, основная задача этой идеологической диверсии: в ложном свете представить проблему, ошарашить читателя и слушателя якобы имеющими место на Украине преследованиями верующих, их арестами и тому подобной клеветой. Причем, по мере приближения церковных юбилеев (1000-летия введения христианства на Руси, 400-летия Брестской унии, 2000-летия христианства) идеологические диверсии вокруг так называемой катакомбной украинской католической церкви усиливаются.

По сообщению буржуазной и клерикальной прессы 11 марта 1986 года, кардинал М. Любачивский выступил с требованиями предоставить право легального существования украинской католической церкви. Нетрудно понять провокационный характер подобного заявления. Достаточно вспомнить о том, что сами верующие, которые были некогда в лоне этой церкви, высказали свое отношение к ней еще на Львовском соборе.

Сегодня такой церкви на Украине нет. Есть лишь ее осколки — отдельные группы верующих в различных странах, где проживают выходцы из Украины и их потомки. Попытки как-то склеить их полностью несостоятельны, равно как и претензии на то, чтобы, ревизуя решения Львовского собора, возродить к жизни отвергнутую народом униатскую церковь.

Проблемы «украинских католиков» в СССР нет: советские граждане, исповедующие католицизм, посещают костелы (Ватикан допускает использование национальных

языков, и их выбор — дело самих верующих), имеют возможность отправлять свой культ, равно как и представители всех других религиозных направлений. Попытки же представить дело так, будто православные верующие на Украине имеют преимущества перед католиками, не имеют под собой никакой почвы. Ложны от начала до конца и утверждения об антиукраинском характере русского православия, с которыми выступают униатские идеологи.

Некий А. Зеленецкий, противопоставляя униатов православным, упрекает последних в том, что они «никогда не протестуют против преследований верующих», что служители Русской православной церкви на различных международных церковных форумах помогают лакировать советскую действительность, где якобы господствует свобода религии. Насаждая ненависть к РПЦ в связи с предстоящим 1000-летием введения христианства на Руси, униатские клерикалы в националистическом угаре особым нападкам подвергают руководство Украинского экзархата, отрицают даже право Русской православной церкви считать себя преемницей «крещения» Киевской Руси, которая якобы принадлежала целиком только украинцам. «Загорск уже издал книгу-альбом, — бьют тревогу авторы бандеровского еженедельника «Шлях перемоги», — в котором представлены наши христианские и национальные святыни — наши соборы, лавры, наши иконы, памятники — как произведения русского «гения»¹. Оуновские главари требуют от униатских владык побеспокоиться, чтобы папа римский «удержался на позиции признания 1000-летия государственной христианской Украины». «Националисты должны, — пишет один из них, — вернуть Киеву славу культурного центра Восточной Европы»², ибо после упадка Киевской Руси Москва, по их мнению, не стала таковым.

¹ Шлях перемоги, 1984, 9 сентября.

² Там же.

Кстати, признание самого факта лояльности РПЦ является опровержением измышлений антикоммунистической пропаганды об отсутствии в СССР свободы совести, «преследованиях» верующих, «приверженности» украинцев Риму и подобных им домыслов. Враждебные выпады униатско-националистических авторов против Русской православной церкви объясняются тем, что последняя занимает лояльную позицию по отношению к Советскому государству, воспитывает мирян в духе гражданственности, ведет миротворческую деятельность.

Только злобу униатско-оуновского отребья вызывают заявления подобно сделанным на страницах «Известий» (20 мая 1986 г.) митрополитом Киевским и Галицким Филаретом, в которых говорится, что бывшие греко-католики пребывают в единстве веры и духа с Русской православной церковью, что более 40 лет они вместе со всеми советскими людьми, верующими и нерелигиозными, живут в условиях мира благодаря миролюбивой политике нашей социалистической страны. Участники празднования сорокалетней годовщины Львовского собора, как подчеркнул экзарх Украины, заявили, что вместе со всеми чадами Русской православной церкви, со всеми верующими нашей страны будут и впредь ревностно прилагать свои знания, опыт и силы на благо нашей Родины, для дальнейшего всестороннего прогресса советского общества. Они будут делать все от них зависящее, чтобы всемерно содействовать претворению в жизнь миролюбивой политики нашей страны, направленной на укрепление мира и справедливости в отношениях между всеми народами, на предотвращение угрозы ядерной катастрофы, на спасение священного дара жизни.

Подстрекательские антисоветские радиопередачи и другие подрывные акции, в которых фальсифицируется положение религии, церкви и верующих на Украине, встречают понимание лишь у отдельных, враждебно относящихся к социалистическому образу жизни лиц из чис-

ла бывших униатских священников и монашествующих, находящихся под влиянием Ватикана, для которых характерны религиозный экстремизм, крайне антиправославная настроенность. Именно к этим лицам обращено пристальное внимание со стороны клерикально-антикоммунистических центров, прежде всего к так называемым покутникам (от украинского *покута* — искупление).

Кто же они в действительности? Это весьма немногочисленная группка религиозных экстремистов, являющаяся продуктом деградации и разложения остатков униатства. Покутник № 1, Игнатий Солтыс, родом из села Середнее Калушского района Ивано-Франковской области, в годы фашистской оккупации «набирался науки ненависти к СССР и его политическому строю» (его собственное определение) в Станиславской униатской духовной семинарии, но не успел ее окончить. Его ближайший соратник Антон Поточняк во времена разгула нацистских извергов был приходским священником в Винниках, что близ Львова. За ревностную службу оккупантам был назначен заместителем председателя одной из районных делегатур профашистского клерикально-националистического «Украинского центрального комитета» — вспомогательного органа фашистских властей, занимавшегося отправкой советской молодежи на каторжные работы в Германию, «взысканием контингентов» (грабежом сельскохозяйственной продукции.— И. М.), вербовкой юношей в дивизию СС «Галичина», сбором теплых вещей для вояк вермахта и т. п. Вот обличье главарей группки покутников.

Их характеристика не будет полной, если не упомянуть о ближайшем их приспешнике — некоем Семене Скаличе. Этот кулацкий отпрыск, завидуя старшим братьям — членам оуновских банд,— выполнял в годы гитлеровской оккупации мелкие поручения фашистов и националистических главарей. После освобождения Западной Украины

от фашистских захватчиков Скалич продолжал вредить народной власти: составлял и передавал бандеровскому подполью списки советских активистов, распространял провокационные слухи, портил продукты, собранные крестьянами для Советской Армии, «целенаправленно» изучал настроение населения. «Где перо будет тридцать лет воспитывать, там пуля будет за минуту чистить»,— высказал тогда свою затаенную злость Скалич в личном дневнике¹.

В середине 50-х годов Солтыс, Поточняк, Скалич и иже с ними начали распространять слухи о «чуде божьем, происшедшем возле села Середнее», где якобы «одной неграмотной женщине явилась мать божья и открыла таинственные пророчества». Нашлась кучка религиозных фанатиков, поддавшихся на обман. «Мы покутники, то есть исповедники человеческих грехов,— объявили основатели покутничества.— Лишь мы можем спасти человечество, погибающее в царстве Сатаны». Так в 1954 г. бывшие пособники фашистских оккупантов и оуновских бандитов нашли для себя занятие, дающее им возможность для антисоветского самовыражения. Культурная практика, введенная покутниками верховодами, отличавшаяся своим изуверским характером, все более уводила их приверженцев от реальной жизни, общественной практики. «Для покутника,— поучал середнянский «богослов» С. Скалич,— муж, жена, дети — враги»²

Этих-то проходимцев и поднимают ныне на щит клерикалы-антикоммунисты. Кардинал М. Любачивский в одной из своих речей, упоминая о «страданиях священников молчаливой церкви на Украине», среди других назвал Игнатия Солтыса и Антона Поточняка. А бандеровский журнал «Визвольний шлях» посвятил С. Скаличу отдельную статью, назвав его «божьим человеком, совестливым

¹ См.: Экспортери духовного насильства. Львів, 1981, с. 53.

² Там же, с. 49—50.

по характеру, верующим в новое пришествие Христа...»¹.

Почему же спустя двадцать с лишним лет поводырей покутников извлекли из небытия и окружили вниманием униатско-националистические средства пропаганды? Дело в том, что действия, на которые они толкали верующих, имели антисоветскую направленность. Ведь Солтыс и Почняк заявили, что «современное человечество живет под пятой Сатаны, исполнителем коварных планов которого есть царство антихриста — Советский Союз». Руководствуясь этим, инспираторы «среднянского чуда» призывали своих сторонников отречься от «членства в сатанинском государстве», то есть от гражданских прав и обязанностей, а это прежде всего означает отказ от работы на предприятиях и в колхозах, от личных документов и т. д. Именно этот крайний экстремизм покутничества и импонирует реакционным клерикалам Запада.

Есть и еще одна разновидность антисоветских идеологических диверсий, осуществляемых униатско-националистическим альянсом, связанная с проблемами, носящими для униатства, так сказать, «внутренний характер». Это прежде всего вопросы, так или иначе касающиеся темы 1000-летия введения христианства на Руси. Националистический «Визвольний шлях» еще в 1984 г. писал: «Мы должны показать, что крещение 988 г. принадлежит Украине и что уже отсюда пошла христианизация Белоруссии, Суздали (позже Московщины — России), Литвы, Балтики и западных просторов Азии...»².

В канун 1981 г. римский первосвященник назвал славянских просветителей Кирилла и Мефодия «сопокровителями Европы». Иоанн Павел II не был оригинальным, ибо еще сто лет назад — в 1880 г. Лев XIII именовал славянских просветителей «святыми», исправляя ошибки, своих предшественников, проклявших Кирилла и Ме-

¹ Визвольний шлях, 1983, № 12, с. 1464.

² Визвольний шлях, 1984, № 7, с. 822.

фодия, которые создали славянскую азбуку, сделав тем самым богослужебную литературу доступной для славян.

Сегодня Ватикан, искажая историческую правду, пытается изобразить Кирилла и Мефодия первыми «униатами», которые, мол, содействовали единению двух религиозных традиций — православной и католической. В начале июля 1985 г. средства массовой информации буржуазных стран с новой силой заговорили о «католическом пути как едином мосте от Атлантики до Урала». В папской энциклике «Апостолы славян» просматривается стремление доказать «общехристианские корни народов Европы». Что касается идеологов униатско-националистического альянса, то они с утроенной энергией восхваляют «католические истоки» христианства на Украине. Замысел их понять не так уж трудно. Они стремятся вбить клин между украинцами и русскими, показать, что первые лишь по «несчастной случайности» оказались под влиянием православия. Все это противоречит исторической правде, способствует утверждению ложного представления об оторванности украинцев от восточного славянства в целом, имевшего общие устои, общую культуру.

Однако современная историческая наука опровергает эти тенденциозные измышления. Академик Д. С. Лихачев, подчеркивая громадное значение старославянского языка для культурного развития славянских народов, указывает на то, что славяне «не были провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры»¹. Православие — та конкретно-историческая форма, в которой христианство пришло к восточным славянам. Это — история, и перекраивать ее сегодня, возвеличивая католицизм в сугубо

¹ Лихачев Д. С. Развитие культуры X—XVIII веков. Эпохи и стили. М., 1973, с. 34.

политических целях, значит заниматься откровенной ее фальсификацией.

С большим размахом идеологические диверсанты используют сегодня имя сидевшего 44 года на униатском митрополичьем престоле во Львове ретивого фашистского коллаборациониста графа Андрея Шептицкого. Последователи унии на Западе все больше раздувают культ Шептицкого, настойчиво убеждают правые круги Ватикана согласиться на беатификацию «слуги божьего Андрея», рассчитывая получить политические выгоды от этого акта. Посредством причисления Шептицкого к лику блаженных они надеются не только обелить отъявленного мракобеса и гитлеровского пособника, каким был недоброй памяти владыка, но и отмыть свое собственное грязное прошлое.

Новая волна в связи с возможной беатификацией Шептицкого началась осенью 1984 г., когда униатско-националистическая верхушка отмечала 40-летие смерти «слуги божьего» Андрея. В Париже, Торонто, Филадельфии, Мюнхене прошли «праздничные сессии», «конференции» в честь этой даты, читались доклады, проводились панихиды. При этом их устроители, усиленно фальсифицируя факты, пытаются представить Шептицкого «выдающимся деятелем», имевшим влияние на «политическую и общественную жизнь, на развитие просвещения и искусства»¹

В кампании раздувания культа Шептицкого прослеживается одно стремление, о котором сказано в послании кардинала Любачивского к иерархии УКЦ: «...молим бога, чтобы в 1988 году, то есть в 1000-летний юбилей крещения Украины, митрополит Андрей Шептицкий был провозглашен блаженным»².

Среди славословящих бывшего князя униатской церкви чаще всего слышен голос епископа М. Гринчишина, ко-

¹ Українське слово, 1984, 1 апреля.

² Визвольний шлях, 1985, № 2, с. 163.

торый вел процесс беатификации Шептицкого. Собранные им с 1957 г. материалы составляют уже 21 том.

Явно антисоветскую направленность приобретает сегодня и возня вокруг идейки о так называемом Киевско-Галицком патриархате. Идея эта сложилась еще в XIX в., когда верхушка греко-католического духовенства с одобрения венского двора стала строить планы церковной автономии. Митрополит Шептицкий все время своего пребывания на святоюрском престоле носился с несбыточным планом «занять патриарший престол Украины». Эта навязчивая идея обрела крайне антисоветское звучание в реакционной деятельности кардинала И. Слипого.

Несостоявшийся «патриарх» в своем «завещании», растиражированном националистическими изданиями, провозгласил главной целью проживающего за рубежом населения украинского происхождения восстановление униатской церкви на Украине и учреждение «Киевско-Галицкого и всея Руси патриархата». Следует обратить внимание на слова «и всея Руси». Вот как широко простирались планы покойного кандидата в «патриархи»!

«Завещание» стало не только для униатов, но и для всего клерикально-националистического отребья украинского происхождения программой подрывной антисоветской деятельности. В частности, вожак ОУН-бандеровцев Я. Стецько, прикрывшись псевдонимом Б. Озерский, в статье «Оправданные политические позиции» придает созданию «патриархата» на Украине почти решающее значение в достижении «самостийности»¹. Причем, основным этапом на этом пути он считает восстановление униатской церкви на Украине.

Осенью 1985 г. в Риме состоялось сборище по случаю годовщины смерти И. Слипого. Его устроители, как сообщило 16 сентября радио «Свобода», начали сбор подписей под петицией папе «с просьбой взять под защиту

¹ См.: Гомін України, 1984, 3 октября.

украинских христиан в коммунистических странах и отразить патриархальный статус УКЦ в связи с 1000-летием христианства на Украине». А глава так называемого христианского патриархального объединения, действующего в США, некий А. Писляк поспешил назвать М. Любачивского «патриархом».

В своих планах униатско-оуновские политиканы пытаются также использовать идею «украинского экуменизма», не имеющую ничего общего с движением за объединение христианских конфессий, которое в его нынешнем виде существует с 1948 г., когда был создан Всемирный совет церквей, и в котором участвуют различные церковные течения. Цель «украинского экуменизма» совсем иная. Наиболее откровенно ее изложил в своем послании «О единстве во Христе» И. Слипый, призывавший всех верующих украинского происхождения — униатов, православных и протестантов — объединиться «в единую автономную украинскую церковь под главенством патриарха», а затем на этой основе достичь единства буржуазно-националистического лагеря, раздираемого враждой и непрекращающимися стычками в борьбе за прибыльные должности в реакционных эмигрантских организациях, за право побольше урвать от подачек всевозможных антикоммунистических центров.

Такую же цель преследуют и буржуазно-националистические поборники «украинского экуменизма». Главарь наиболее реакционной части оуновцев Я. Стецько, например, заявил, что единая украинская церковь нужна для того, чтобы объединить национально-патриотическую идею с религиозной, то есть использовать зарубежные украинские религиозные организации как орудие буржуазно-националистического политиканства.

Какие же зарубежные «украинские церкви», согласно этим планам, подлежат объединению? Это — «украинская православная церковь» в США, «украинская автокефальная православная церковь» в США и странах Западной

Европы, «украинская православная церковь» в Канаде и «украинская католическая церковь». В парафиях последней действуют «экуменические комиссии», утвержденные на «синоде епископов УКЦ» как официальные церковные органы. В их задачу входит организация практического сотрудничества между католиками-украинцами и зарубежными украинцами — последователями других вероисповеданий.

Характерными чертами «украинского экуменизма», в отличие от всемирного экуменического движения, является акцент на преимущественно организационное сближение, игнорирование канонических вопросов, жонглирование политическими лозунгами, четко выраженная националистическая сущность.

Объединительные потуги «украинских экуменистов» неоднократно заканчивались провалом из-за раздоров между эмигрантскими клерикалами, борющимися за власть в своих организациях. Не могут договориться между собой даже представители «экзильных» (эмигрантских) церквей православных. Напрасны и их попытки доказать «братство по крови всех украинцев», их «генетическое отличие от всех соседей». Бесстыдные спекуляции униатских клерикалов и их оуновских единомышленников возмущают многих рядовых верующих и священнослужителей на Западе. Они открыто заявляют, что «экуменизм» в антисоветской упаковке им не по душе.

Для оказания влияния на население УССР политиканы от религии пытаются использовать радио, международные культурные связи, туризм, почту, контрабанду, засылку эмиссаров, контакты между родственниками, инспирирование писем от советских людей, фабрикацию фальшивок и другие средства, каналы и способы. Клерикально-националистические фальсификаторы селятся доказать, что их помнит украинский народ, который якобы пытается бороться против существующего строя.

Однако при этом желаемое выдается за действительное. Уния — это навсегда ушедшее прошлое. И тщетны попытки реанимировать его на украинской земле. Да и нужны ли были бы подобные попытки, если бы уния действительно отвечала интересам трудящихся Советской Украины? Надо ли было бы прилагать титанические усилия к ее возрождению, если бы в ней был бы заинтересован народ? Антинародный характер унии predetermined и ее участь.

Β Ζ Σ Φ Ξ Μ Α

Β Φ Α Φ Ε Β Ρ Α Ρ Ι

Β Ζ Α Φ Ε Β Ρ Α Ρ Ι

Β Ζ Α Φ Ε Β Ρ Α Ρ Ι

Β Ζ Β Ζ Β Ζ Β Ζ

Β Ζ Β Ζ Β Ζ Β Ζ

Β Ζ Β Ζ Β Ζ Β Ζ

Υ

Θ Ε Ω Δ Θ Ρ Δ

И в русском слове отлилось...

**(О реальных корнях
в происхождении письменности
и литературного языка на Руси)**

В последние годы кое-кому в богословских и клерикально-националистических кругах на Западе явно не дает покоя все возрастающая роль русского языка как языка межнационального общения народов СССР и одного из мировых языков.

Одни из них усматривают здесь «возврат к имперско-русскому ассимиляционизму» и «пренебрежение ранним периодом существования украинского и белорусского языков», а другие объявляют термин «русский язык» вообще «анахроническим и ничтожным». К поискам научной истины эти демарши отношения не имеют. В славянской филологии никогда не прерывалась традиция начинать историю русского языка и русской литературы с X—XI вв.— со времени возникновения славянской письменности. В истории русского языка обычно восстанавливается и более ранний, дописьменный период. «Русь», «русские» — таково было самоназвание восточных славян, засвидетельствованное в ряде памятников.

Все это, между прочим, хорошо знают авторы приведенных выше измышлений. Но одно дело знать, а другое — использовать в пропагандистских целях...

Как именно, когда сложился и что собой представлял наш древнейший литературный язык? Даже такой, казалось бы, академический вопрос приобрел остроту в современной борьбе идей. Известно, что с конца X в. на

Руси в церковных книгах и в богослужении стал употребляться так называемый церковнославянский язык. И долгое время считалось, что именно этот язык был на Руси единственным литературным языком.

Но еще Ломоносов обратил внимание на то, что язык летописей, договоров первых русских князей с греками, «Русской правды» (древнейшего свода законов) отличается от языка церковных книг. Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский тонко заметил, что в «Слове о полку Игореве» язык и слог совершенно отличны от церковного и скорее походят на язык новгородской летописи.

Существует еще одна версия возникновения литературного языка на Руси. Это так называемая теория «диглоссии» (особого случая двуязычия). Церковнославянский противопоставляется древнерусскому прежде всего как язык сакральный (то есть священный, относящийся к религиозному культу) языку профанному (то есть мирскому, светскому). Профанный древнерусский — это якобы сфера «быта». Языком всей культуры и литературы объявляется сакральный, церковнославянский.

Наконец, так называемая теория «перерыва традиции» («глубокой цензуры») считает, что только в XVIII—XIX вв. началась «собственная история» русского литературного языка, предшествующие же эпохи — лишь его «предыстория». А начался русский литературный язык с того, что дворянская верхушка освоила высокоразвитый французский и стала свой родной русский употреблять «по модели» французского.

Вокруг истоков русской культуры, и русского литературного языка в частности, рождается множество домыслов и безобидных и не очень...

Рассмотрим реальные корни возникновения письменности и литературного языка на древнерусских землях.

О начале развития литературного языка на Руси, понятно, можно говорить только с момента появления исторических свидетельств письменности. Существует тра-

диционная точка зрения, что славянские письменные источники распространились в восточнославянских землях в конце IX — начале X в. и были написаны так называемой кириллицей — алфавитом, возникновение и название которого связано с именем византийского миссионера в Моравии Кирилла (Константина) Философа (60-е годы IX в.).

Древнейшая из дошедших до нас летописей — «Повесть временных лет» рассказывает о том, что после введения христианства болгарами (865 г.) византийский император Михаил III по просьбе моравских (славянских) князей Ростислава, Святополка и Коцела якобы послал в Моравию двух братьев-просветителей из города Солуня (древние Фессалоники) — Константина (незадолго до смерти принявшего в монашестве имя Кирилл) и Мефодия. Здесь братья создали славянский алфавит и перевели с греческого на славянский язык Апостол и Евангелие, а со временем и другие важнейшие служебные (христианские) книги. Созданная Константином и Мефодием азбука (глаголица) была названа «грамота словенская, яже грамота есть въ Руси и въ болгарѣхъ дунайских»¹.

Из этого, казалось бы, можно заключить, что письменность, а следовательно, и литература возникли на Руси одновременно с введением христианства, иначе говоря, только христианство дало восточным славянам — вчерашним язычникам — письмо, литературу, культуру. Именно с такой позиции выступали историки религии и выступают сейчас представители буржуазно-клерикальной пропаганды, пытаясь использовать 1000-летие официального введения христианства на Руси для подогревания интереса к религии, пытаясь доказать, что только так называемое крещение Руси дало толчок к распространению (главным образом через религиозные

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962, 1, 26—27.

книги) старославянской письменности у восточных славян. Подобную точку зрения пытается обосновать и папа Иоанн Павел II в своей энциклике «Апостолы славян» (1985 г.).

Сегодня уже стало аксиомой положение, что официальное введение новой религии было подготовлено всем ходом социально-политического и культурного развития древнерусского общества и способствовало утверждению на Руси феодального строя: оживились экономические и культурные связи древнерусского государства с христианскими странами, упрочились прежде всего русско-византийские связи, что во многом определило принятие новой религии. Но нас в данном случае интересуют более узкие вопросы: какова основа быстрого повсеместного распространения письменности после введения христианства? Не существовала ли своя дохристианская письменность на Руси? Если такая письменность была, то как к ней — языческой — относилась церковь? И т. п.

Возникновение славянской письменности в середине IX в. еще не означает, что она из Византии через Болгарию в том же веке пришла на Русь¹. Один из авторитетных специалистов в области истории восточнославянских языков — А. П. Филин утверждал, например: «До конца IX века восточные славяне не имели своей письменности, и все изменения в их языке происходили в устной речи. Положение изменяется, когда в Древней Руси получает распространение письменный старославянский язык, а вслед за этим появляется письменность, в основе которой был разговорный язык народа в некоторых его разновидностях»².

¹ Нимчук В. В., Русановский В. М. IX Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983, с. 51.

² Филин А. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М.—Л., 1972, с. 3.

Другие исследователи считают, что, поскольку язык первых созданных на Руси книг отличался высоким уровнем литературной нормализации словоформ и словоупотребления, есть основания предполагать наличие славянского письма (а следовательно, и литературного языка) до IX в. Процесс нормализации старославянского языка, считают они, состоялся намного раньше возникновения славянской письменности, так как за одно столетие он не достиг бы такого уровня. «Древнерусский язык,— пишет Т. А. Дегтерева,— не мог нормализоваться византийскими миссионерами сразу же после введения христианского культа в Болгарии, а сложился в своих основных чертах задолго до этого периода. Влияние Кирилла и Мефодия на этот язык сводилось, наверное, к литературной обработке некоторых отдельных моментов этого языка в стилистическом плане, однако, по существу, они использовали уже готовый язык межплеменного значения, который опирался в своем функционировании на длительный письменный опыт славян в ареале византийского политического и культурного влияния»¹. Говоря о значении этого влияния, Д. С. Лихачев подчеркнул, что древнерусская литература формировалась на основе переводов с греческой и была литературой-посредником для всех южных и восточных, а частично и западных славян. Что же касается славянских народов, то они не были «провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры»².

Еще со времен Древней Руси существует и иная трактовка обстоятельств появления письменности у восточных славян: ставится под сомнение и утверждение «По-

¹ Дегтерева Т. А. Становление норм литературного языка М., 1963, с. 119.

² Цит. по: Дегтерева Т. А. Становление норм литературного языка, с. 34.

вести временных лет», что первым письмом на Руси была кириллица. Так, например, в приписке к «Иоанновскому житию» славянского просветителя Кирилла, обнаруженной О. Бодянским в одном из сборников житий известных деятелей христианской церкви—хронографе—палие 1494 г.¹, имеется свидетельство о самобытности русской письменности, возникшей задолго до введения христианства: «Се же буди вѣдомо вѣми юзъки и вѣми людьми юко ру/с/скый юзъкъ ништкуду же приа сеа стѣа, и грамота русскаа ни кым же ювлена, но токмо самѣмъ бгѣмъ... а грамота русскаа ювилася бгѣмъ дана, въ Корсуни русину, шт нею же научиса философ Константинъ, и шттуду сложивъ и книги русскимъ юзъкомъ»².

Член-корреспондент АН СССР Н. М. Никольский относит еще к XI в. представление о том, что киевский князь Владимир утвердил на Руси лишь христианскую веру византийского образца, а русская грамота ни у кого не заимствовалась: русская азбука была создана на Руси, в Корсуни, русским человеком³.

Академик С. П. Обнорский предполагал, что определенные виды письменности могли иметь еще русы антского периода IV—VII вв.⁴ Догадки о существовании дохристианской письменности на Руси высказывали многие ученые в дореволюционный период и в наше вре-

¹ См.: Бодянский О. О. О времени происхождения славянской письменности. М., 1885, с. 91—111; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древней славянской письменности.—Труды славянской комиссии. Л., 1930, т. 1, с. 36—37.

² Чтение в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. 1863, апрель — июнь. Книга вторая. М., 1863, с. 31—32.

³ См.: Никольский Н. М. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1, с. 31—32.

⁴ Обнорский С. П. Культура русского языка. М.—Л., 1948, с. 3.

мя — В. В. Виноградов, В. М. Истрин, В. И. Ламанский, Д. С. Лихачев, А. С. Львов, П. Я. Черных, Е. М. Эпштейн. Они ссылались на торговые договоры Руси с греками первой половины X в., на известные исторические свидетельства о наличии на Руси в начале XI в. выдающихся проповедников и ораторов, незаурядных писателей и историков, которые, понятно, не могли появиться на протяжении двух-трех десятилетий, на блистательную технику оформления древнерусских рукописных книг того времени. Все это, по их мнению, свидетельствует о существовании на Руси определенной традиции в книжном деле, сформировавшейся на протяжении длительного периода¹.

В последние десятилетия поиски доказательств существования древнерусского письма идут двумя путями: поиск прямых, предметных и сбор опосредствованных доказательств.

Большое значение для науки имеет открытие С. А. Высоцкого: в 1969 г. в ходе изучения древнерусских граффити в алтарной части Михайловского придела Софийского собора в Киеве была обнаружена необычная азбука, состоявшая из 27 букв, выцарапанная на штукатурке в одну строку острым предметом. Ее относят к XI в. 23 буквы из общего количества соответствуют греческому алфавиту, но в целом это неизвестная ранее славянская азбука. Она не греческая, так как содержит четыре буквы, не употребляемые в греческой письменности. Но это и не кириллица, в которую входит большее число букв: в начальную — 38, в развитую — 43. Палеография, общее число букв и количество славянских, порядок их, отвечающий греческому алфавиту,— все это указывает на глубокую древность азбуки.

¹ См.: Пивторак Г. П. У истоков древнерусской письменности.— Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1985, № 4, с. 71.

С. А. Высоцкий выдвинул идею, что докирилловское письмо, отраженное софийской азбукой, вероятно, получило значительное распространение у восточных славян. Когда же с принятием христианства возникла потребность в более совершенном письме, принесенная книжниками из Болгарии кириллица смогла быстро распространиться¹. А наличие письма типа Софийской азбуки подтверждается существованием дохристианских договоров Олега (912 г.) и Игоря (945 г.) и др.².

Однако с языковедческой точки зрения наличие найденной азбуки не является прямым доказательством: Софийская азбука, по мнению ученых, не соответствует фонетической системе языка дохристианского периода.

Сейчас наука располагает находками, являющимися предметными доказательствами существования древнерусского языка дохристианского периода: это различные изображения на керамике трипольской и срубной культур, относящиеся еще к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Не обходится и без сенсаций: «нашлась», например, и была разрекламирована прессой «Влесова (или Велесова) книга», написанная якобы в 880 г. на неизвестном древнерусском языке³. Однако сравнительно-исторические методы научного анализа текста «Влесовой книги» дали возможность расценить язык «памятника» как неудачную, неквалифицированную подделку...

В наши дни может заслужить научное доверие лишь та концепция возникновения и развития письменности на Руси, которая опирается на историю развития восточных славян, их взаимосвязей с другими народами в пе-

Высоцкий С. А. Древнерусская азбука из Софии Киевской.— Советская археология, 1970, № 4, с. 139.

² Там же, с. 135.

³ Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая «древнерусская летопись». — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 202—205.

риод, недостаточно отраженный в письменных памятниках¹ Образцом критического отношения к «Повести временных лет» может служить оценка ее советским ученым Н. М. Никольским.

Академик С. П. Обнорский на основе тщательного изучения языка древнейших оригинальных текстов «Русской правды», договоров русских князей Олега и Игоря с греками, «Слова о полку Игореве» в свое время создал лингвистическую концепцию самобытного развития древнерусского литературного языка и письменности на Руси, которая и в наши дни привлекает внимание, несмотря на то что отдельные положения ее представляются современным исследователям уже устаревшими². Концепция академика С. П. Обнорского была подтверждена в своем существовании последующими научными исследованиями, данными археологических открытий. В результате наука получила четкую концепцию этногенеза восточных славян; обоснованы этапы их общественно-экономического и культурного развития, раскрыты предпосылки возникновения на Руси письменности, наконец, определены возможные сферы ее применения. В результате всестороннего изучения вопроса, которое, повторяем еще раз, началось с изучения языка нескольких древнерусских памятников X—XII вв., сейчас представляется несомненным, что возникновение письменности на Руси было связано, как и у других народов, «исключительно с внутренним историческим развитием общества». Ведь письменность может возникнуть и, как правило, возникает лишь тогда, когда появляется общественная необходимость в ней. Конечно, это могло случиться только в больших и стабильных общностях людей, в процессе развития между ними различных связей: торговых, дипломатических, культурных и т. п. Все вышеописан-

¹ Історія української мови. Фонетика. Київ, 1979, с. 18—22.

² О б н о р с к и й С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

санное могло произойти на Руси в период перехода раннефеодального общества к государственности и формированию первобытных народностей¹, то есть еще до принятия христианства.

Академик Обнорский на основе анализа памятников древнерусской письменности выдвинул концепцию именно древнерусской — а не церковнославянской! — основы нашего литературного языка. Дело в том, что, когда на Русь пришел древнецерковнославянский (древнеболгарский), здесь уже существовала традиция литературной обработки языка. Литературный язык Древней Руси сложился из многих пластов: из народно-разговорного, фольклорного, дипломатического, делового. Церковнославянский стал лишь еще одним составным его элементом. Не более.

«Нет оснований преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию», — писал академик Д. С. Лихачев еще в 50-е годы².

Академик Б. А. Рыбаков, обобщая достижения советских ученых в области освещения древней истории славян; предложил свою концепцию предистории Киевской Руси³. Он рассматривает историю праславянских и восточнославянских племен в общем контексте развития других народов и племен, населявших в то время Европу.

Не останавливаясь подробно на пересказе работ ученого, отметим лишь, что, согласно исторической кон-

¹ См.: Нимчук В. В., Русановский В. М. XI Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений, с. 51.

² Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М., 1952, с. 24.

³ См.: Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси (тезисы). — История СССР, 1981, № 1, с. 55—75; № 2, с. 40—60.

цепции академика Б. А. Рыбакова, раннеславянские племена, жившие на территории Среднего Поднепровья, очень рано (приблизительно в VIII—VII вв. до н. э.) достигли высокого уровня экономического и культурного развития: им уже было известно пашенное земледелие, они имели кованое железное оружие, создали высокоразвитый фольклор, в мифах и преданиях которого отразилась история племен Среднего Поднепровья и Побужья на протяжении почти тысячелетия. В несколько изменившемся виде эти мифы и предания сохранились в фольклоре восточных славян¹. Отстаивая свою независимость в столкновениях с южными соседями — воинственными киммерийцами, они создали союз четырех племенных объединений, или царств, что и явилось началом их государственности. С античных времен они известны под общим названием «сколоты».

Экономика и культура сколотов развивалась плодотворно и в VI—IV вв. до н. э. — в так называемой скифский период, когда восточные славяне входили в состав обширной федерации — Скифии. Именно в этот период они уже соприкасались с торговлей и культурой Греции.

Праславяне-сколоты вели обширную торговлю с греками, прежде всего с теми, которые основали на северо-причерноморском побережье свои города-колонии. Одним из таких городов была Ольвия (или Ольбия от греч. «богатый, счастливый, процветающий»), которая имела, по свидетельству греческого историка Геродота, также название Торжище Борисфенитов (поскольку Геродот Борисфеном называет, вероятнее всего, Днепр; Торжище — место торговли днепрян)². Торгуя с греками, имеющими уже буквенно-звуковое письмо, сколоты Среднего Поднепровья, конечно, были знакомы с

¹ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 215—284.

² См.: Петров В. П. Скифи. Мова і етнос. Київ, 1969.

этим письмом и сами в торговых сношениях должны были пользоваться какой-либо знаковой системой. По-видимому, они применяли близкие к письму «предметные» способы передачи сообщения типа употребляемых многими народами палки с «чертами и резами», о которых значительно позже упоминает монах Храбр¹ Позднее праславяне-сколоты уже могли применять пиктографическое, или фразеографическое, письмо, то есть раннюю форму письменности посредством упрощенных условных знаков или рисунков, заменяющих слова.

Нашествие кочевых сарматов нанесло скифскому государству ощутимый урон, связи сколотов с греческими городами-колониями прервались, что, естественно, вызвало резкий упадок культуры протославян, входивших в Скифскую федерацию. Но уже во II—V вв. н. э. потомки сколотов пережили новый культурный подъем в составе многоэтнической черняховской культуры, распространенной на обширнейшей территории — от Северского Донца до Верхней Вислы и от верховьев правых притоков Припяти до Дуная² и испытавшей благотворное влияние со стороны северо-восточных провинций могучей Римской империи. Как утверждает академик Б. А. Рыбаков, именно в этот период сложилась та фольклорная традиция, которая позднее нашла отражение в древнерусских летописях, былинах и сказаниях³.

Культура черняховских славян достигла высокого подъема особенно в черноземной лесостепи: здесь пользовались плугом, что дало возможность производить много зерна, которое вывозилось в Причерноморье, по-

¹ Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 408.

² См.: Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981, с. 17; Винокур И. С. Черняховские племена на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 105—135.

³ См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 16—18.

явились мельниці, удосконалювалась техніка виплавки заліза, виготовлення посуду з допомогою гончарного кола, а контакти з розвинутими середземноморськими і причорноморськими державами сприяли розвитку у черняхівців технічних знань, астрономії, анатомії людини і др.¹ У них існували, як вважають вчені, уже дві системи письма: удосконалювалась «предметна» і піктографічна (рисувана) система письма типу «чирт і різів», що розвинулася в різноманітність ідеографічного письма, графічні знаки або фігури якого передавали цілі поняття (воно використовувалося як календарні, родові і особисті знаки на різних побутових предметах, а також для рахунку), і привалася фонетична (знак позначає звук), що прийшла з Греції і Риму разом з римськими монетами з латинськими написами. Буквенно-звукове письмо поступово почали застосовувати і самі слов'яни: на деяких фрагментах черняхівського посуду і керамічних предметах місцевих майстрів археологи виявили грецькі і латинські (Древнеримської імперії) літери, окремі слова, наприклад «lado»², що неопровержимо свідчить про поширення серед багатонаціонального населення — носія черняхівської культури — писемності на основі грецького (схід) і латинського (захід) алфавітів.

В кінці IV — початку V в. н. е. черняхівські племена зазнали нападів гуннів (вже тоді була розрушена і Римська імперія), розпався конгломерат племен і народностей періоду черняхівської культури, і на його місці почали виникати об'єднання, успадкувавши надплеменну культуру. Слов'янські племена почали згуртуватися навколо полян — прямих потомків слов'ян черняхівського періоду.

¹ Історія Української ССР. В 10 т. Київ, 1981, т. 1, с. 272.

² См.: Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу, с. 83.

В VI—VII вв. восточнославянские племена, заселяя огромную территорию от Закарпатья до Дона и от Надпорожья до Волхова, знали плужное земледелие, у них появились ремесла и ремесленные центры, существовали индивидуальные хозяйства (а вместе с ними, естественно, зарождалось имущественное неравенство), то есть отличались высокой степенью экономического и социального развития. Это, в свою очередь, создало предпосылки для появления классового раннефеодального общества и возникновения славянского государства с Киевом в центре.

Если раньше в границах этого государства существовали образованные в процессе консолидации разных этнических элементов первобытные народности со своими князьями, стольным городом, ремесленным центром, то теперь они постепенно поглощались древнерусской народностью¹.

Снова восстанавливаются связи с Византией, с ее культурой, налаживается торговля с другими государствами. Как и в период черняховской культуры, по мере усиления между государствами экономических, торговых и культурных связей снова актуализировалась потребность в письменности. Самым распространенным средством письма в Среднем Поднепровье, наиболее вероятно, опять стали буквы греческого алфавита, в основе своей обеспечивающие обозначение звуков восточнославянской речи.

Культурные связи Древнерусского государства с Византией развивались благодаря посредничеству южных славян, прежде всего ближайших ее соседей — болгар, которые официально приняли христианство еще в середине IX в. и имели древнюю, возникшую задолго до введения кириллицы традицию письма — записывали

¹ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 70.

славянские тексты греческими и латинскими буквами, о чем свидетельствует древнеболгарский писатель X в. черноризец Храбр в сочинении «О письменах»¹. Согласно так называемой «Солунской легенде», в конце VII в. Кирилл Каппадокийский предпринял попытку ввести у солунских болгар несколько измененный греческий алфавит из 32 букв². Но в греческом алфавите не было букв для обозначения славянских звуков и звукосочетаний б, ж, з, ц, ч, ш, щ, у, ю, я, и со временем они были взяты из других алфавитов: древнееврейского, коптского, создавались лигатуры из греческих букв³. Интересно отметить, что в кириллице использовались не свойственные этому периоду начертания греческих букв, а унциальное письмо VII—VIII вв. Это свидетельствует о большой популярности и распространенности его у южных славян за двести — триста лет до создания алфавита Кириллом и Мефодием. По мысли академика В. М. Русановского, греческое письмо так же первично по отношению к созданной солунскими братьями глаголице, как глаголица к синтезированной в Болгарии кириллице⁴. Кириллица насчитывает 43 буквы, глаголица — 40. В настоящее время ученые пришли к выводу: созданное Кириллом и Мефодием славянское письмо было глаголицей, «буквицей, системой букв», следовательно, греческий алфавит служил для него лишь образцом и был использован как прототип, что не могло не сказаться и на порядке расположения букв, и на их числовом значении. Кириллица явилась синтезом употребляемых в Болгарии греческих букв для передачи славянских тек-

¹ Истрин В. А. Возникновение и развитие письма, с. 408—412. Георгиев Э. Славянская письменность от Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 46—48.

³ Срезневский И. И. Палеографические заметки.— Известия Академии наук, 1860, № 9, с. 280.

⁴ Історія української мови. Фонетика, с. 21—22.

стов и глаголических букв, которые изобрели солунские братья для обозначения славянских звуков, отсутствующих в греческом языке.

По примеру южных славян восточные славяне, прежде всего поддерживающие разнообразные связи с Болгарией, продолжили многовековую традицию использования греческого письма. Возможно, на основе греческого алфавита, дополненного и приспособленного к древнерусской системе звуков, были переведены Евангелие и Псалтирь, с которыми, как свидетельствует мораво-паннонское «Житие Кирилла», дошедшее до нас в 23 списках, он познакомился в Корсуни (Херсонесе) во время своего путешествия к хазарам в 860 г.¹ Автор «Жития» рассказывает о том, что Константин Философ во время своего путешествия нашел в Херсонесе Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены», встретил человека, который говорил на древнерусском языке. Константин «бесѣдова с ним и силу рѣчи приимъ, своєю бесѣдъ прикладаа различнаа письмена, гласнаа и согласнаа» и вскоре начал читать и разговаривать на этом языке «и мнози ємоу дивлахѣ». В византийских источниках, написанных почти одновременно с «Житием Кирилла», также упоминается об использовании греческого алфавита славянами.

Книги, найденные в Корсуни Кириллом (Константином), по мнению В. А. Истрина, которого поддерживают и другие исследователи, были написаны на восточнославянском языке «протокирилличным» письмом, то есть письмом на основе греческого алфавита, дополненного новыми славянскими буквами². Однако исследователь не исключает, что книги были написаны «протоглаголичным» письмом³.

¹ См.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма, с. 455—456.

² См. там же, с. 285.

³ См. там же.

Наконец о том, что русичи в IX — первой половине X в. писали, свидетельствуют многие арабские и византийские источники. Путешественник Ахмад Ибн-Фадлан во время своего пребывания у волжских болгар в 921 г. был свидетелем похорон руса, описанных им: сначала они развели костер, на котором сожгли тело умершего. Потом соорудили нечто подобное большому круглому холму и поставили посередине его большой столб из белого тополя, написали на нем имя этого мужа и имя царя русов и отошли¹.

О наличии письма у восточных славян свидетельствует в книге «Золотые луга» арабский писатель Аль-Массуди, умерший в 956 г.² Ученый Ибн Аль-Недим в «Книге росписи наукам» сообщает, что в 987 г. один из кавказских князей направил посла к князю русских. Позже посол делился впечатлениями от этого путешествия и среди прочего рассказал, что русы имеют письмена, которые вырезают на дереве³ и др.

В одном из арабских источников говорится, что византийский император Василий Македонец по просьбе русского князя послал в 866 г. архиепископа с двумя просветителями, которые крестили русичей и ввели у них видоизмененное греческое письмо, состоящее из 35 букв.

Знаки, больше напоминающие буквы, чем элементы орнамента, найдены в тверских курганах (на медных пластинках), в Чернигове (на костяных изделиях из северянских курганов), на кирпиче из древнего Цимлянского городища и др.⁴

¹ См.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (под редакцией И. Ю. Крачковского). М.—Л., 1939, с. 83.

² См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 139.

³ См. там же, с. 140.

⁴ См.: Эпштейн Е. М. К вопросу о времени происхождения русской письменности.— Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия исторических наук, 1947, вып. 15, № 95, с. 21—24.

О существовании письменности на Руси дохристианского периода свидетельствуют уже названные договоры русских князей Олега и Игоря с Византией. Уже первый договор 911 г. написан «на двою харатью». Более того, в договоре Игоря с греками 944 г. речь идет об изменении дипломатического этикета: вместо золотых и серебряных печатей, которые раньше брали в Царьград послы Руси и русские купцы, теперь с ними посылались грамоты, которые свидетельствовали о мирной миссии и добрых намерениях гостей и информировали греческую сторону о количестве посланных кораблей. При этом документы в соответствии с византийской традицией составления договоров с другими государствами писались на двух языках¹. Поэтому следует думать, что перевод текстов с греческого на древнерусский язык происходил, вероятнее всего, вскоре после написания греческого оригинала. В связи с тем, что первые договоры восточных славян с Византией были заключены задолго до официального введения у них христианства и распространения кириллического письма, можно предположить, что второй экземпляр названных и других договоров был написан приспособленным к русской речи греческим письмом.

Следовательно, современные научные данные свидетельствуют о том, что на Руси письменность возникла значительно раньше официального введения христианства. Это был закономерный и необходимый этап внутреннего развития восточнославянских племен в период их консолидации и перехода к государственной жизни. Что же касается христианства, то оно принесло в Древнерусское государство не письменность вообще, а только более усовершенствованную и приспособленную к славянской речи систему письма.

¹ См.: Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку (Язык договоров русских с греками). М., 1960.

Вместе с христианством и расширением письменной традиции на Русь пришел церковнославянский язык, близкий к языку древнерусскому и используемый главным образом в сфере религии. В то же время именно средневековая Русь стала хранителем и продолжателем славянской языково-письменной традиции, так как в южно- и западославянских землях уже в IX в. функционирование старославянского языка стало проблематичным: в булле 885 г. папа Стефан V запретил совершать церковные обряды и читать тексты писаний на славянском языке, разрешив лишь разъяснять по-славянски их смысл и читать проповеди¹.

Христианство нивелировало некоторые оригинальные особенности духовной культуры, которая складывалась на Среднем Поднепровье и прилегающих территориях веками: какая-то часть этой духовной культуры прошлого в борьбе православной церкви с древней обрядностью на Руси была утрачена безвозвратно. Однако церкви не удалось отнять у восточнославянских народов самое главное — славянский язык. Старославянский язык как средство межславянского общения проник на Русь раньше официального введения христианства, и оба языка были в роли литературных. Старославянский язык как второй литературный постепенно сливался с древнерусским, восточнославянским по происхождению. Со временем, как отмечают ученые-текстологи, старославянские богослужебные тексты спорадически исправлялись переписчиками, которые желали сделать старославянский текст понятным народам, населявшим Древнерусское государство. Так возник на Руси церковнославянский язык — адаптированное естественное продолжение старославянского языка.

Таким образом, старославянский и выработанный уже на Руси церковнославянский языки содействовали обо-

¹ Сказание о начале славянской письменности. М., 1981, 39.

гащению древнерусского литературного языка, вошли как органичный компонент в восточнославянские литературные языки¹

Древнерусское государство отличалось высоким культурным уровнем. С введением православия некоторые стороны самобытной и вместе с тем связанной многими нитями со Средиземноморьем и Северным Причерноморьем культуры укрепились, некоторые были утрачены безвозвратно, прежде всего самобытные литературные произведения дохристианского периода, частично музыка, живопись — все то, что не могло быть приспособлено к церковному обряду и не восхваляло церковь и князей. Церковь ревностно истребляла апокрифы и сочинения, в которых упоминались боги язычников, она, «вероятно, приложила руку к уничтожению рукописей, подобных «Слову о полку Игореве», где про церковь сказано мимоходом, а вся поэма полна «языческими божествами»².

Все попытки буржуазно-клерикальной пропаганды неразрывно связать древнерусскую письменность, развитие восточнославянских языков с введением в 988 г. христианства оказываются несостоятельными перед историей, научными фактами. Эти факты свидетельствуют о национальной самобытности культуры восточных славян, складывавшейся задолго до того, как христианство было официально введено Древнерусским государством.

Понять позиции тех, кто берет точку отсчета древнерусской письменности от введения христианства на Руси (при всей условности этой даты), можно. Они обусловлены в первую очередь стремлением буржуазно-клерикальной пропаганды возвысить роль христианства в культурно-историческом процессе, убедить людей в том, что именно «свет христианства» озарил древнюю Русь после веков

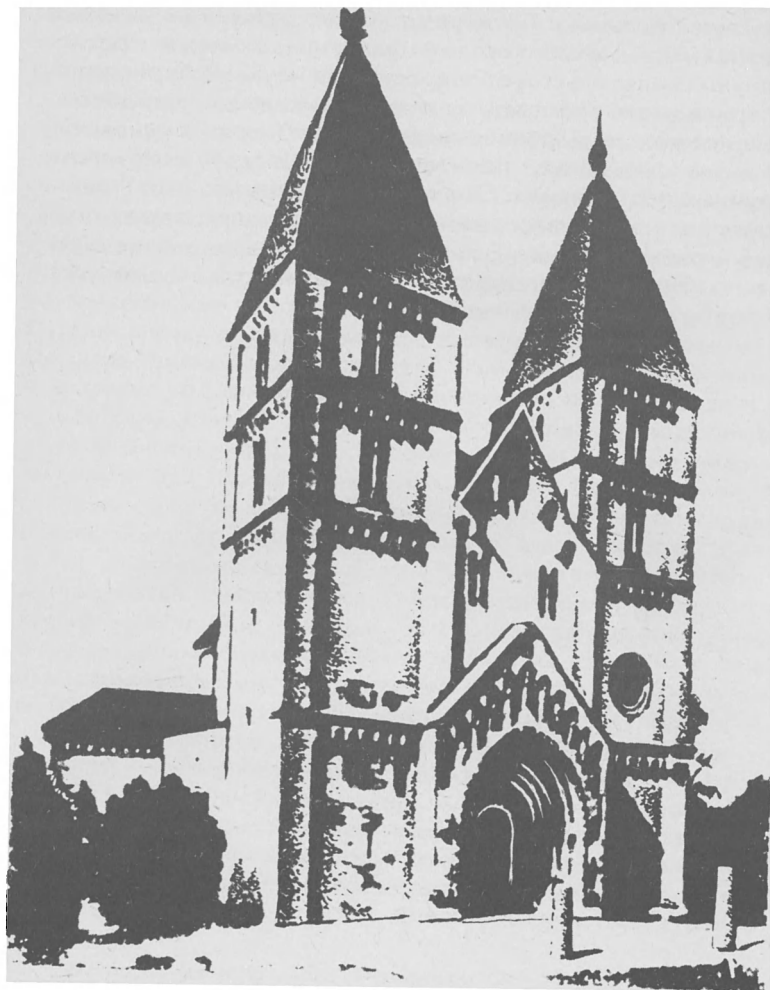
¹ Історія української мови. Фонетика, с. 21—22.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Быт.

Летописи,

с. 95.

«языческой тьмы». Но переделать историю невозможно. Нельзя идти наперекор тем фактам, о которых красноречиво свидетельствует современная наука. И буржуазно-клерикальная пропаганда, игнорирующая эти непреложные истины, лишь расписывается в том, что она основывается на домыслах, произвольных конструкциях, антинаучных построениях. Она грешит против истины. Грешит совершенно сознательно, преследуя вполне определенные и очевидные цели, лежащие в контексте тех крупномасштабных пропагандистских кампаний, которые развернуты перед церковным юбилеем.

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

БАРНА ШАРКАДИ НАДЬ

Государство и церковь в ВНР

Немного истории

Как известно, последовательное отделение церкви от государства в довоенной Венгрии не осуществилось. Венгерская советская республика в 1919 г. в своей конституции провозгласила: «Советская республика защищает свободу совести трудящихся тем, что полностью отделяет государство от церкви». Однако после поражения Советской республики, в условиях буржуазного строя, все осталось неизменным. Церкви довоенной Венгрии сохранили практически все свои привилегии: крупные земельные владения, значительный капитал, школы, религиозные общественные организации. Исторически в Венгрии наиболее широкое распространение получил католицизм, соответственно самой крупной и влиятельной стала католическая церковь. В стране существовали и создавались различные протестантские церкви: реформатская (кальвинистская), лютеранская и др. В течение столетий между церквами, как и в других государствах, велась острая борьба.

После освобождения страны от фашизма, в первые годы народной демократии, начались коренные преобразования и в религиозной области. Социалистическое государство осуществило отделение церкви от государства и школы от церкви. В ходе аграрной реформы были национализированы крупные земельные владения церквей. Все это происходило в процессе борьбы против реак-

ционного духовенства, которое, не желая потерять свои привилегии, оказало сильное сопротивление проводимым народным государством преобразованиям. Борьба носила ярко выраженный классовый характер, ибо велась рабочим классом и его союзниками против реакционных сил. Отношения между государством и церквами предельно обострились. Особенно острый конфликт разгорелся между народной властью и католической церковью, отстаивавшей свои былые позиции.

Однако большинство верующих не поддержало реакционное духовенство. Массы выступили за демократические преобразования, за социалистическое развитие страны. Церковные иерархи не могли не учитывать настроения верующих, были вынуждены считаться с ними. По инициативе государства были достигнуты договоренности с церковными организациями, открывшие возможности для нормализации отношений между ними. Церкви признали законы ВНР, а государство гарантировало всем гражданам свободу совести и вероисповедания. Эти договоренности являются действительными до сих пор, ибо их содержание соответствует интересам как социалистического государства, так и церквей.

Тем не менее решение религиозного вопроса в стране оказалось отнюдь не простым. Задача была сложной. Реакционные силы в лоне церквей — особенно католической — не желали переходить на лояльные позиции по отношению к народной власти. Они продолжали выступать против демократических перемен и социалистического развития, получая при этом мощную поддержку антикоммунистических церковных организаций на Западе, в первую очередь Ватикана.

Нельзя не отметить, что в то время — в атмосфере «холодной войны» на международной арене и взаимного недоверия внутри страны — со стороны государства были допущены ошибки: в борьбе против религиозного мировоззрения применялись порой административные

меры, кое-кто смешивал средства политической борьбы против реакции со средствами идейной борьбы против религии. Мы не боимся признать допущенные ошибки. Однако при этом надо иметь в виду, что немало ошибок допустили и руководители церквей. В результате сложилось сложное положение, и с обеих сторон требовалось приложить большие усилия для реального осуществления ранее достигнутых договоренностей. Это надо было сделать во имя сплочения прогрессивных сил венгерского народа.

Несмотря на действительно большие трудности, уже в первой половине 50-х годов наиболее реалистически мыслящие представители венгерского духовенства стали принимать участие в движении за мир. Протестантские церкви разработали теологическую основу для сотрудничества с народным государством. Однако новые перспективы в развитии отношений между государством и церковью открылись лишь после 1956 г. в результате последовательной политики Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП).

Основные принципы политики ВСРП по отношению к религии и церкви

Летом 1958 г. были приняты два важных постановления Политбюро ЦК ВСРП, в которых выражена позиция партии по вопросам отношения между государством и церковью и определены задачи борьбы против религиозного мировоззрения. В этих постановлениях были еще раз подтверждены принципы договоренностей, достигнутых в 1948—1950 гг.: с одной стороны, обеспечение свободы совести и гарантирование необходимых условий для деятельности церквей, включая даже некоторую материальную их поддержку; а с другой — требование к церквям, чтобы они, уважая государственные законы, решали воз-

никающие вопросы и проблемы путем переговоров с представителями власти. Партия выразила мнение, что между социалистическим государством и церковными организациями возможны и необходимы нормальные отношения и политическое сотрудничество. Были указаны и организационные рамки такого сотрудничества, подчеркнуто, что прогрессивным представителям церкви будет предоставлено право участвовать в работе как общественных организаций, так и выборных государственных органов — от местных советов до парламента. Естественно, что отношения нужно было урегулировать не только на уровне государственных и церковных руководителей, но и во всем обществе. Решению этой задачи способствовало то, что упомянутые постановления носили не только политический характер. Они теоретически обосновывали необходимость вовлечения верующих в процесс социалистического строительства, не снимая с повестки дня вопросы мировоззренческой борьбы с религией. Так, например, в постановлении о задачах мировоззренческой борьбы и о политических отношениях между верующими и социализмом говорилось: «Необходимо решительно отказаться от таких левых сектантских взглядов, которые вообще к верующим питают недоверие и считают их реакционерами. Такой подход вреден и с точки зрения укрепления связей между партией и масса-ми. Надо четко видеть, что значительная часть верующих выступает за социализм. Люди, находящиеся под влиянием религии, не являются врагами социализма. Человек может быть в одном лице и верующим, и верным гражданином ВНР, активным сторонником строительства социализма».

Другими словами: указанные постановления исходили из того, что верующие могут вести активную и полезную общественную деятельность, не отказываясь от своих религиозных убеждений. Спор и дискуссия с ними ведется не как с врагами, а как с людьми, придерживающимися-

ся иного мировоззрения, но имеющими перед собой общий с неверующими путь и общую ответственность.

В постановлениях отмечается также, что в эпоху строительства социализма «церкви долгое время будут существовать». Принимая во внимание это обстоятельство, ВСРП стремится «к положительному сотрудничеству с церквями. Содержание этого сотрудничества определяется требованиями строительства социализма».

Что же касается идейного спора с верующими, то постановления, в соответствии с ленинскими принципами, подчеркивают, что мировоззренческая борьба является «частью общей классовой борьбы». Однако, хотя религиозное мировоззрение и мировоззрение марксизма, несомненно, исключают друг друга, это противоречие не должно тормозить строительство социализма, в котором участвуют как равноправные союзники верующие и неверующие. Коммунисты не считают верующих трудящихся такими спутниками в деле построения социалистического общества, которых можно терпеть лишь до поры до времени, а наоборот, они признают их своими постоянными партнерами в решении задач, стоящих перед страной.

О вопросах научно-атеистического воспитания в постановлениях Политбюро ЦК ВСРП говорится, что эта важнейшая задача «требует неустанных усилий и терпеливых методов»; притом на первом плане здесь должно стоять положительное дифференцированное изложение принципов диалектического материализма. Большое внимание было обращено и на значение эмоциональных и моральных факторов в процессе преодоления религии.

Постановления 1958 г. представляли собой важный шаг в борьбе как с сектантской нетерпимостью, так и с либеральным оппортунизмом в отношении к религиозным пережиткам. При подготовке этих постановлений в качестве источников были использованы работы классиков марксизма-ленинизма, которые никогда не забывали о том, что, хотя господствующие классы использовали и

используют религию для своих эксплуататорских целей, в религиозной форме могут выражаться в определенных исторических условиях и прогрессивные, революционные устремления. В целом постановления ЦК партии выразили убежденность в том, что социализм пробьет себе дорогу, преодолевая влияние на массы иных идеологических систем, в том числе и религии. Курс партии по отношению к церквям и религии, разработанный после 1956 г., оказал большое влияние на формирование принципиальных, но терпимых взаимоотношений между людьми в обществе. На такой основе осуществлялась и практика назначения церковных руководителей. Государство исходит из того, что назначение или выбор этих лиц является правом церквей, которое должно реализовываться без какого-либо вмешательства извне. Однако необходимо, чтобы руководящие посты в религиозных организациях занимали люди, которые, будучи гражданами своей страны, соблюдали бы сами и помогали соблюдать другим законы государства и его конституцию.

Изменение отношения церкви к социализму

В начале 60-х годов во всех церквях мира стали пробивать себе дорогу прогрессивно настроенные, реалистически мыслящие силы. Наиболее крупные и влиятельные религиозные организации поняли, что изменившиеся исторические условия диктуют необходимость приспособиться к ним, чтобы не потерять окончательно влияния на массы. Они стали вырабатывать способы и методы деятельности в принципиально новых условиях, в социалистических и развивающихся странах. Руководство многих церквей вынуждено было признать неизбежность в новой ситуации практического сотрудничества и диалога с другими религиями и с неверующими, в том числе и со сторонниками научного мировоззрения.

С окончанием периода «холодной войны» стала возможной нормализация отношений между высшей иерархией различных международных церквей и социалистическими странами. В 1964 г. между Ватиканом и Венгерской Народной Республикой была достигнута договоренность о порядке назначения Ватиканом церковных иерархов и о возможности обучения католических теологов в Риме. Правительство ВНР приняло решение об обязательной присяге священнослужителей венгерской конституции, и Ватикан признал этот акт.

Отношения венгерского государства с протестантскими и иудейской религиозными организациями были урегулированы намного раньше. В результате этого прекратились имевшие место прежде конфликты. Появились реальные условия для активизации диалога между марксистами и верующими в Западной и Восточной Европе. Совещания коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах, Берлине и Москве высказались за развертывание диалога с верующими, который уже велся в различных формах начиная с 60-х годов. Венгерские марксисты и верующие активно участвуют в нем.

Диалог между верующими и неверующими, происходящий на разных уровнях, сделал возможным их практическое сотрудничество в производственной, культурной, социальной сферах, а также в области здравоохранения в нашей стране. При этом выяснилось, что постоянно ведущийся идеологический спор между сторонниками религиозного и научно-материалистического мировоззрения не является преградой для дальнейшего расширения и укрепления такого сотрудничества.

Опыт решения религиозного вопроса в нашей стране свидетельствует о том, что не только простые верующие, но и руководство религиозных организаций прошли за 40 лет существования ВНР огромный путь — от формального принятия народной власти и признания достижений социалистической политики до теоретического осмысле-

ния и обоснования необходимости принятия и активной поддержки нового строя. Первыми стали на этот путь протестантские церкви в Венгрии. Те, кто склонен был считать переход религиозных организаций на такие позиции их беспринципной сделкой с социалистическим государством, глубоко ошибаются. Большинство верующих и руководителей церквей воочию убедились в том, что в социалистическом обществе существуют наиболее благоприятные условия для воплощения в жизнь таких социальных и моральных норм и ценностей, как сохранение мира, равенство, гуманность, честность, преданность общественным интересам и т. д., в реализации которых объективно заинтересованы и верующие и неверующие.

Мы убеждены, что верующие люди могут внести значительный вклад в социалистическое развитие. Все зависит от того, какое конкретное содержание вкладывается в религиозные требования, какое воздействие на реальную общественную потребность они оказывают, какую объективную роль играют в решении таких, например, глобальных проблем, как защита мира и борьба за социальный и культурный прогресс.

Что касается позиции марксистов в данном вопросе, то потребовалось определенное время, чтобы большинство поняло природу происшедших изменений, осознало тот факт, что общественная ориентация действующих в ВНР религиозных организаций изменилась и что сотрудничество с ними никоим образом не означает отхода от принципов марксистского мировоззрения, а, напротив, является средством их последовательного осуществления. Во всем том, чего мы достигли за последние десятилетия и чем заслужили признание мира, имеется заслуга не только материалистов, но и верующих. Наши будущие успехи также зависят от их совместной сознательной деятельности. Тов. Янош Кадар в выступлениях на XII и XIII съездах нашей партии подчеркивал, что верую-

щие принимают участие как уважаемые граждане в строительстве социализма и речь идет не просто об урегулировании отношений между государством и церковью, а о совместной работе на благо народа. Новый тип отношений, сложившийся между марксистами и верующими,— это чрезвычайно важный элемент того национального единства, создание которого является одним из самых ценных результатов венгерской истории последних десятилетий. В отчетном докладе ЦК ВСРП XIII съезду говорилось о том, что урегулированные отношения между государством и церквями служат благу нашего народа. Такое сотрудничество строится на фундаменте общей ответственности за судьбу Родины. Весь наш народ заинтересован в том, чтобы наша страна развивалась по пути экономического, общественного и культурного подъема в мирных условиях. Поэтому старания партии направлены к тому, чтобы сотрудничество между верующими и неверующими развивалось и впредь, несмотря на существующие идеологические различия между ними.

Что урегулирование отношений между народным государством и действующими в ВНР религиозными организациями действительно удовлетворяет обе стороны, подтверждается рядом заявлений религиозных деятелей и документами венгерских церквей. Большинство венгерских священнослужителей (не говоря уже о рядовых верующих) выступает за мир, за разоружение, за социальную справедливость, за защиту семьи, за подъем общего благосостояния народа, за социализм.

Разумеется, это не всем нравится на Западе. В буржуазной печати одно время публиковалась масса статей, в которых ставилась под сомнение искренность таких заявлений религиозных деятелей. Да и сегодня есть силы, которые стремятся «вбить клин» между верующими и неверующими, использовать религию в антисоциалистических целях. Буржуазно-клерикальная пропаганда прилагает немало усилий к тому, чтобы посеять раздор

между людьми, занимающими различные мировоззренческие позиции.

Конечно, крайне самонадеянным было бы утверждение, что мы уже сегодня достигли идеального положения в отношениях между государством и религиозными организациями. Мы отнюдь не скрываем того, что у нас имеют место противоречия и споры между церквями и органами социалистического государства. И реалистически мыслящая часть людей, влияющих на формирование западного общественного мнения, понимает действительное положение дел. Это проявилось и во время визита Яноша Кадара в Рим в 1977 г., когда папа римский Павел VI, приветствуя Первого секретаря ВСРП, говорил: «Мы верим в то, что наш опыт оправдывает проделанный путь; это касается и проводимого нами совместного диалога о наших общих проблемах. Ценно, что при осуществлении диалога обращается должное внимание на то, чтобы уважать права и интересы верующих, не забывая в то же время и о понимании специфики забот и деятельности государства... Все это означает, что Ватикан и венгерская католическая церковь готовы искренне и честно следовать этому курсу и в будущем».

Высоко оценивают деятельность венгерских церквей и международные протестантские организации. Лучшим выражением такой оценки является избрание венгерского лютеранского епископа Золтана Кальди на пост председателя Всемирной лютеранской федерации, а реформатского епископа Кароя Тота — на пост председателя Христианской мирной конференции.

Позиция венгерских церковных руководителей свидетельствует о реалистическом их взгляде на действительность. В своих печатных органах представители различных религиозных организаций Венгрии нередко высказывают свое мнение по важнейшим вопросам, представляющим интерес для всей страны; их мнение часто вызывает общий положительный отклик.

Сложившееся ныне в Венгрии в целом нормальное положение дел в сфере отношений между церквами и государством, между верующими и неверующими является прежде всего результатом политики партии, направленной на сплочение и развертывание активности всех слоев населения, заинтересованных в строительстве социализма. При этом следует учитывать специфику обстановки, исторически сложившуюся роль церкви, особенности религиозных проявлений в ВНР. Эта специфика, естественно, накладывает отпечаток на политический курс партии и государства в отношении религии и церкви. Однако было бы совершенно неправильным утверждать, что в решении религиозного вопроса в нашей стране все трудности уже позади.

Проблемы и решения

Развитие отношений между социалистическим государством и церквами, конечно, происходит в некотором смысле неровно. Время от времени возникают какие-то спорные вопросы, проявляются противоречия во взглядах на те или иные конкретные проблемы. Иначе, очевидно, и быть не может. Однако практика показала, что противоречия и споры могут быть разрешены путем осуществления честного партнерства и терпеливых переговоров. Чаще всего на возникновение таких трудных моментов по ходу нормального сотрудничества между религиозными организациями и государством оказывают влияние и сложное международное положение, и трудности нашего внутреннего общественно-экономического развития.

Во второй половине 70-х и в начале 80-х годов наблюдается определенный сдвиг «вправо» в деятельности крупных международных церковных организаций. Одни стараются отказаться от диалога и сотрудничества между христианами и марксистами, другие стремятся свести

церковную деятельность к узкой сфере религиозной жизни и мировоззренческие различия считают куда более важными, чем сотрудничество с инакомыслящими. Разумеется, все это может затормозить и даже временно приостановить процесс развития позитивных тенденций в деятельности ряда религиозных организаций, но полностью преодолеть подобные тенденции невозможно. Об этом свидетельствует исторический опыт.

В осложнившейся ситуации венгерские церкви в целом не изменили свою оправданную временем принципиальную позицию. В то же время у нас порой возникают некоторые явления, носящие несомненно отрицательный характер. Так, например, руководители некоторых небольших, но в религиозном смысле активных религиозных организаций стараются всячески отгородить своих последователей от общественной и даже культурной жизни, заставляют их демонстративно выражать свое непримиримое отношение к людям, придерживающимся других взглядов.

Немногочисленные реакционные элементы в религиозных организациях теперь нападают в первую очередь не на социалистическое общество, а на церковных деятелей, которые имеют заслуги в создании прочного союза между церковью и социализмом. Как правило, эти реакционные силы остаются оторванными от верующих масс и встречают решительный отпор со стороны руководящих церковных органов.

Считая проблемы подобного рода внутренними делами религиозных организаций, коммунисты, конечно, должны принимать во внимание такие явления и соответствующим образом реагировать на них.

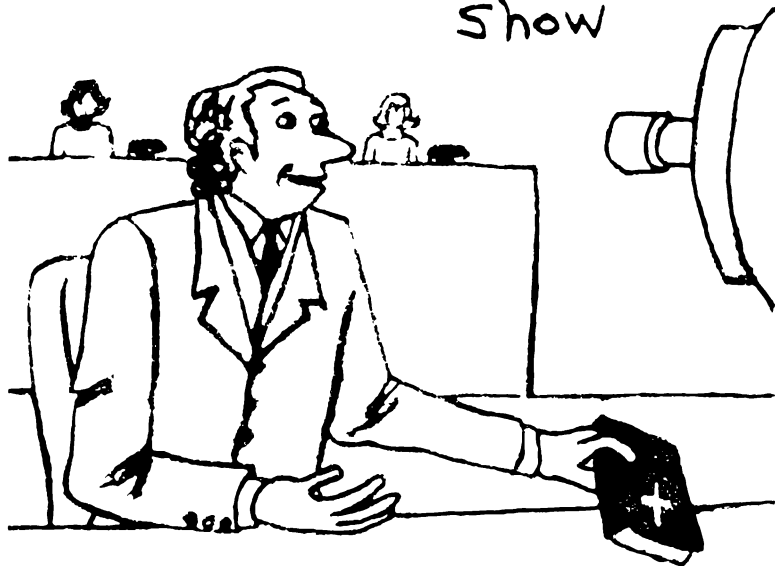
За последние десятилетия — вследствие общественных преобразований, индустриализации, повышения жизненного уровня народа — процесс секуляризации в народной Венгрии достиг значительных успехов. Научно-материалистическое мировоззрение стало идейным до-

стоянием значительной части населения. При этом нам нельзя забывать и о существующих проблемах: у многих наших соотечественников связь с церквями остается по-прежнему прочной; немало еще и таких людей, которые лишь внешне придерживаются нейтральных взглядов в мировоззренческих вопросах. Совершенно очевидна необходимость перехода в ближайшем будущем к «интенсивному этапу» в идеологической воспитательной работе.

Новые задачи и требования возникают не только в идейно-теоретическом плане, но и на практике. Наш опыт говорит о том, что и в будущем следует продолжать курс, сущность которого заключается в последовательном демократическом решении возникающих между государством и религиозными организациями вопросов. Любое выступление со стороны церквей в поддержку мира и социализма, общественного прогресса и культурного развития — несмотря на свою неприемлемую для марксистов идеологическую основу — должно получить со стороны последних положительный отклик. В то же время следует тщательно анализировать разные идейные течения среди верующих. Спор между ними является внутренним делом религиозных организаций, но для коммунистов не может быть безразличным, какое влияние оказывают такие факторы на укрепление единства народа в деле построения социалистического общества.

Отношения между нашим социалистическим государством и действующими в стране религиозными организациями развиваются — с точки зрения строительства социализма — в правильном направлении. Сотрудничество между верующими и неверующими создавалось нелегким путем, и для его упрочения необходимы общие усилия. При этом очень важен реалистический подход как со стороны государства, так и со стороны церквей.

The Honest Minister Show

Карикатура перепечатана
из журнала „Американский
атеист“, 1984, июнь.

Текст гласит: Шоу честного
проповедника.

„Будьте филантропами,
шлите доллары мне на жизнь...
Ждем ваших звонков...“

ПО ТУ СТОРОНУ...

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Вера по-американски

По единодушному и давно сложившемуся мнению американских историков и политологов, никто из иностранцев не писал так глубоко и пронизательно о Соединенных Штатах, как Алексис Токвиль. Больше того, его книга «Демократия в Америке», вышедшая двумя частями в 1835 и 1840 г., в американской научной общине считается классикой, ее выводы признаются здоровыми и обоснованными. Нередко высказывается мнение, что эта книга даже помогла американцам лучше познать самих себя. Во всяком случае теологи в США, и далеко не только они одни, благосклонно цитируют и горячо одобряют по сей день едва ли не ведущее положение объемистого труда: «Нет другой страны в мире, где христианская религия оказывала бы большее воздействие на души людей, чем в Америке»¹

Так заметил А. Токвиль, объехавший с Г. Бомоном в течение девяти месяцев в 1831 — 1832 гг. основные районы тогдашних США — Новую Англию, земли у Великих Озер и юг страны. Цель? Молодые французские юристы (Токвилю исполнилось 26, а Бомону 30 лет во время поездки) посетили США с официальной миссией — правительство поручило им ознакомиться с американской тюремной системой. Монархическая Франция, вероятно, считала полезным приобщиться в этом отношении к опыту республиканских Соединенных Штатов. Все остальные

¹ Tocqueville A. Democracy in America. N. Y., 1966, p. 271.

наблюдения, включая значение религии, были производным от изучения Токвилем и Бомоном устройства тюрем, их режима и прочего. На воззрения Токвиля не могло не наложить заметного отпечатка его социальное положение (по рождению французского аристократа и истового католика).

Современный довольно известный американский публицист Р. Ривз высказал обоснованное суждение о значимости книги А. Токвиля даже во второй половине XX столетия. Наслышавшись о ней еще в средней школе и колледже, пишет Ривз, «я стал журналистом и начал писать о политике, нашей системе правления, как мы живем, кто мы есть — американцы. Когда я читаю об этих предметах, то кто-нибудь обязательно процитирует Токвиля, а когда сам берусь писать об этих сюжетах, то также принимаюсь цитировать его. «Как заметил Алексис де Токвиль...» На пишущей машинке каждого отечественного и зарубежного американиста должна быть специальная клавиша с этими словами»¹ Коль скоро Токвиль подробно высказался не только о религии, но и о многом другом в США, то Р. Ривз решил посмотреть спустя 150 лет после поездки по тюремным делам французского аристократа, в какой мере действительно в наши дни замеченное и отмеченное им тогда, в 30-е годы XIX столетия. В 1979 г. он отправился по маршруту Токвиля, об увиденном и написал книгу, назвав ее «Путешествие по Америке. С Токвилем в поисках демократии в Америке».

Как и у Токвиля, американские христиане заняли видное место на ее страницах. Воспитанный в католической среде Ривз, естественно, обратился к тому, как рисовал его предшественник положение католической церкви в США. В то время встреченные Токвилем католические

¹ R e e v e s R. American Journey. Traveling with Tocqueville in Search of Democracy in America. N. Y., 1983, p. 14.

священники горячо убеждали европейца, что в США их церковь верна своим догмам. Отец Игнатий Мюллон, с которым Токвиль проехался по Великим Озерам, со смаком рассказывал о предстоявшем диспуте с протестантами: «Ну, они сущие гадюки, разбиваешь им головы, а они встают на хвост». Другой католический священник — Г. Ричард определил тогдашнее протестантское большинство в стране: «У нас бесчисленное число сект. Сейчас их 450, и члены их не верят ни во что, они не принадлежат ни к епископальной церкви, они не методисты, не пресвитерианцы, они ничто! (rienists!)». Жаркие речи католических патеров Токвиль сопоставил со спокойными словами бостонского торговца-протестанта Дж. Кулиджа: «Мы не боимся католицизма в Соединенных Штатах, ибо убеждены: у нас католицизм претерпит такие изменения, что не будет оказывать никакого влияния на политические нравы»¹. Подход Кулиджа наверняка отражал семейную традицию — он был женат на внучке Джефферсона и, наверное, просто повторял речи одного из отцов-основателей США. Смерть Т. Джефферсона от встречи Кулиджа с любознательным французом отделяло лишь несколько лет.

Видимо, Токвиль вышел на человека, определенно опережавшего свое время. Антикатолицизм, часть духовного багажа отцов-пилигримов, тогда тяжким грузом давил на американскую жизнь. Когда в 40-е годы XIX столетия папа Пий IX по примеру некоторых европейских правительств внес свою лепту в начавшееся сооружение монумента Дж. Вашингтону — послал в дар мраморные плиты, завывавшая толпа некатоликов побросала их в столичную реку Потомак. Деяние, потребовавшее, разумеется, не только убежденности, но и серьезных усилий. Плоды этих и иных усилий на протяжении много больше,

Pierson G. Tocqueville and Beaumont in America. N. Y., 1938, p. 298, 283, 415.

чем столетие, увидел Ривз. Причем основные изменения падают на самые последние десятилетия. Он припомнил католические храмы дней своего детства — строгое, даже мрачное, богослужение, а тут (Ривз не мог не уподобить себя Рипу Ван Винклю!) он вошел в громадный храм Святой Агнессы в Грин Бей, штат Висконсин. Через высокие окна лился свет на тысячу с чем-то молившихся, одетых как попало, по-летнему. Под сводами не ревел орган, а несколько молодых парней перебирали струны гитар — вот и все музыкальное сопровождение литургии. Желающие брали «церковный бюллетень, в котором две страницы заняты рекламой ресторанов, страховых компаний, бюро путешествий, пива, мыла».

Пораженный до глубины души, шепчет Ривз, «я покинул храм Св. Агнессы в смятении. Я слышал, что Ватикан в начале шестидесятых упростил правила литургии, мессы служат по-английски, разговорным языком. Но я не знал, что служба превратится в представление любительского драмкружка небольшого колледжа». Он бросился в другой католический храм, в деловом районе. Паства постарше, но вот появился дьякон — «молодой, высокий, бородатый, в белой ризе. «Эй,— воскликнул он с порога,— эй, я принял Христа. Дух святой проявляет себя через что, а? Через сопереживание. Отдавайте себя другим». Да, поразмыслил Ривз, «случилось то, о чем говорил 150 лет тому назад Дж. Кулидж. Изменилась не Америка, а церковь. Я видел реформированную церковь, более американскую, чем католическую»².

Вывод совсем не блещущий новизной. Массовый еженедельник «Тайм» подметил этот феномен даже раньше выхода книги Р. Ривза в аналитической статье «Взлет и падение антикатолицизма»: «Глубокие культурные из-

¹ Герой одной из новелл Вашингтона Ирвинга (см.: Ирвинг В. Новеллы. М., 1954).

² Reeves R. American Journey, p. 196—197.

менения, случившиеся на протяжении жизни последнего поколения, новый либерализм и терпимость изменили не только американский народ, но и (католическую) церковь и предрассудки против нее»¹. Тут нужно, конечно, воздать должное Токвилю. Он, стоявший только у истоков этих процессов, правильно диагностировал их последствия, сегодня очевидные всем.

Токвиль засвидетельствовал, что в США «есть проповедники, торгующие словом божьим вразнос то здесь, то там», иные протестантские пасторы, по его мнению, «бизнесмены» от религии»². Видел француз все это на Юге. Он оказался много зорче твеновского Гекльберри Финна, описавшего добродушного фермера-рабовладельца тех времен на том же Юге: «Самой невинной души был старичок и такой добрый, добрей не бывает. Оно и неудивительно: ведь он был не просто фермер, а еще и проповедник; у него была маленькая бревенчатая церковь на задворках плантации (он ее выстроил на свой счет), и церковь и школа вместе, а проповедовал он даром, ничего за это не брал; да, сказать по правде, и не за что было. На Юге много таких фермеров-проповедников, и все они проповедуют даром»³. Твеновских буколических проповедников Ривз что-то не встречал, а от токвилевских отбоя не было.

Проезжая на машине там же, где побывал Токвиль, Ривз включил радиоприемник и нарвался на местную «пятичасовую религиозную передачу (радиостанции УХАС Луисвила, филиал нью-йоркской КБС.— Н. Я.). Некоторые программы этой передачи носили совершенно безумный характер. В программе «Америка обещает» выступил некто, именовавший себя преподобным Эмери из Феникса, штат Аризона. Он произнес тираду, опове-

¹ Time, 1979, October 15, p. 38.

Pierson G. Tocqueville and Beaumont in America, p. 156, 154.

³ Твен М. Собрание сочинений. М., 1960, т. 6, с. 238.

щая о запутанных заговорах. Этот тип с маниакальной настойчивостью толковал Библию так, будто она вскрывала широкий международный заговор, связывая коммунистов в России с американскими героями, включая бывшего президента Дуайта Эйзенхауэра и бывшего государственного секретаря Джорджа Маршалла. Смысл этой тирады был более политическим, чем религиозным. Или, может быть, финансовым. Эмери просил слушателей слать доллары за магнитофонные записи и брошюры, содержащие предостережения его и бога. Наверное, их слали, ибо у него хватало средств оплачивать время в вечерней воскресной программе УХАС. Остальные христианские программы тем вечером были повеселее, если бы не опасная дорога, я, пожалуй, похлопал бы руками в такт под звуки старинных молитв. Но музыка кончилась, и вновь эти типы на радио стали просить доллары».

В Луисвиле Ривз побеседовал с Б. Бингхэмом, владельцем двух газет города, который рассказал о преподавателе Эмери. «Просто смехотворно,— сказал Бингхэм,— я не понимаю, почему они разрешают передавать такое в эфир». На следующий день я узнал, что семья Бингхэмов принадлежит радиостанция УХАС, «они» и был «он». А здесь, на юге США, еженедельно передают 900 подобных радио- и телепрограмм¹

Пристально наблюдая религиозность тогдашних американцев, Токвиль заметил: «Воскресенье энергично соблюдается... Общественное мнение, которое значительно сильнее законов, требует, чтобы каждый показался в церкви и воздержался от развлечений. И тем не менее либо я глубоко заблуждаюсь, либо большое сомнение или безразличие кроются за внешними формами... Религии придерживаются так, как наши отцы в месяце мае принимали лекарства. Если религия и не приносит пользы, как, наверное, думают, то по крайней мере она

¹ Reeves R. American Journey, p. 110—111.

не наносит и вреда»¹. Ривз, оборвавший эту цитату на словах «за внешними формами», откомментировал: «Если не считать того, что ныне самое «энергичное» занятие по воскресеньям — беготня по магазинам, я бы сам мог написать последнее предложение»². В этом все дело! Следовательно, уже Токвиль заметил, что функциональная роль религии в Соединенных Штатах — отнюдь не исповедание христианских истин самих по себе, а поддержание порядка, установленного и выгодного правящим классам этой страны. Посещение храма — свидетельство благонадежности подданного демократии. Не больше.

В приличествующих французскому юристу терминах Токвиль написал к концу первой части своей «Демократии в Америке»: «Я не знаю, верят ли все американцы в свою религию, ибо кому дано читать в сердцах людей? — но я уверен, что они почитают ее необходимой для поддержания республиканских институтов», а во второй части еще после пятилетних размышлений уточнил: «Религии воспитывают общую привычку поведения с оглядкой на будущее... Правительство должны изучить методы, при помощи которых вернут людям интерес к будущему, его ныне больше не возбуждают ни религия, ни социальные условия, и особо, не подчеркивая этого, давать гражданам ежедневно практические примеры того, что богатство, известность и власть — вознаграждение за труд»³. Всем изложением Токвиль («особо, не подчеркивая этого!») пытался убедить: правительство в Вашингтоне преуспевает в этом.

Прилагая токвилевские выводы к современным Соединенным Штатам, Ривз напоминает: 90% опрошенных американцев заявили, что они — верующие, а 85% почти-тали Библию словом божьим. Так. Но, по его же словам,

¹ Pierson G. Tocqueville and Beaumont in America, p. 110.

Reeves R. American Journey, p. 202.

Tocqueville A. Democracy in America, p. 269, 519—520.

«старые религии утрачивают свою устрашающую, дисциплинирующую хватку, и это частично причина страха в головах радиопроповедников, сопровождавших меня в поездке по югу США. Что случилось с заповедью «Не кради»? Быть может, то же самое, что происходит с заповедью «Почитай отца твоего и мать твою»? А что заменит эти старые истины?» Иные священнослужители в США, убедился Ривз, доподлинно знают это. По возвращении в Нью-Йорк после своих странствований по дорогам Токвиля он как-то включил телевизор. Шла программа «Восхвалим господу, или Любвеобильные люди». Два десятка ухмыляющихся пасторов утверждали, что пора разогнать неверующих, а тем, кто не согласен, по их словам, с христианскими истинами, стоит «отрубить руки». Предводитель сборища — преподобный Дж. Беккер — добавил: «Те, кто издевается над религией, зарубите на носу — через несколько месяцев вы перестанете смеяться». Программу смотрят 20 миллионов человек...

А на тех страницах книги, где Ривз рассуждает, по Токвилю, о «дисциплинирующей» роли религии в связи с вопросами веры, он написал: «Иностранец, взявшийся бы проехать этим маршрутом (Токвиля), видит везде охранников и барьеры у такого множества дверей, что он может решить, что попал в полицейское государство. Пожалуй, он был бы прав. Вокруг меня вырастает частное полицейское государство — пустоглазые мужчины и женщины в самых различных мундирах, пластиковые удостоверения, телевизионные установки в залах, колючая проволока по заборам, радиопередатчики в руках, таинственные зуммеры на стенах и на бедрах»¹. Век А. Токвиля не знал всего этого, и в книге Р. Ривза определенно звучит ностальгия по тем временам.

Что до существа дела, то Р. Ривз еще раз подтвердил, чем дорог А. Токвиль апостолам американизма: он,

¹ Reeves R. American Journey, p. 201, 154, 111.

исходя из своего положения — «каждой религии соответствуют сходные с ней политические воззрения»¹, при поверхностном взгляде освятил библейскими истинами строй, существующий в США. Многие ли в США брали на себя труд вчитаться в объемистую «Демократию в Америке»?

* * *

В связи с известным феноменом «религиозного возрождения» в США (начало которого датируется 50-ми годами) советские исследователи вновь и вновь обращаются к действительному содержанию религии в США. В первую очередь дается объяснение кажущемуся парадоксу — укрепление религиозных стереотипов при одновременной секуляризации религии в целом на фоне, разумеется, куда более разнообразного содержания религии в американском, в отличие от европейского, понимании. При одном неперемennom условии — атеизм считается в США совершенно неприемлемым. Хваленый американский «плюрализм» убежденный отнюдь не предусматривает должного места для атеизма.

Ныне в Соединенных Штатах постоянно подчеркивается, что принцип отделения церкви от государства или «стена, отделяющая религию от органов правления в Америке, была построена отцами-основателями с единственной целью — обеспечить беспристрастное отношение правительства к разным вероисповеданиям. Стену соорудили, чтобы гарантировать тысячам различных вероисповеданий в Америке свободу даже от тени любого правительственного ведомства». Так написали в столичной «Ва-

¹ Tocqueville A. Democracy in America, p. 265.

Юлина Н. С. Религия и идеология американского образа жизни. — Современная буржуазная идеология в США. М., 1967, с. 173—229; Великович Л. Н. Религия и церковь в США. М., 1978, с. 107—136.

шингтон пост» в 1983 г. Дж. Шаттак и Л. Гаррис, входящие в руководство американского союза гражданских свобод¹. Внимание к этому вопросу было не случайно, ибо проблема отделения церкви от государства привлекла самое пристальное внимание во время кампании по выборам президента в 1984 г. Свобода для вероисповеданий, но отнюдь не для атеизма.

Если, по убеждению американцев, все великие моральные категории — честность, достоинство, совесть — немислимы без веры, тогда понятно, почему в этой стране понятие американского образа жизни признается однозначным религии. Советский философ Н. С. Юлина совершенно справедливо заметила: «Тезис о том, что действующей верой американского населения и фактическим содержанием его религии является идеология американского образа жизни, подтверждается и фактом идеологического единства различных религий США. В США существует свыше 250 вероисповеданий и, как показывает статистика, религиозные группы остаются более или менее стабильными, а религиозные барьеры редко переступаются. Это говорит о том, что специфика конкретных религий имеет для их приверженцев существенное значение... Однако центральными для взаимоотношения различных вероисповеданий являются не их специфически религиозные, а социальные и идеологические проблемы»².

По другому поводу (исследуя мировоззрение Аврелия Августина) В. И. Уколова обратилась к роли христианства в государственной жизни. Она подчеркнула: «Истолкованная в духе христианства идея упорядочения социального бытия, раздираемого непримиримыми противоречиями, приобретает разную направленность на

¹ Washington Post, 1983, February 19.

² Ю л и н а Н. С. Теология и философия в религиозной мысли США XX века. М., 1986, с. 78.

Западе и Востоке»¹. По сей день остается малоисследованным вопрос о теологических воззрениях отцов-основателей Соединенных Штатов. Но при всей недостаточности и расплывчатости мнений, высказываемых на этот счет, едва ли кто-нибудь поставит под сомнение их глубокую приверженность идеям классической древности и даже тому, что стояло на стыке античности и, по тогдашней терминологии, «темных веков» — средневековья.

Но все же нужно уточнить. Автору этих строк довелось обратить внимание в 1976 г. во вводной главе к коллективному труду «США. Политическая мысль и история» на следующее: «Хотя идейные схватки среди отцов-основателей терминологически были заимствованы из времен античности, речь шла о становлении буржуазного общества»². В другой связи — при попытке исследования корней идеологии тех, кто возглавил Американскую революцию, пришлось отметить: в XVIII в. «в школах и колледжах юным американцам крепко вбивали в головы классических авторов вместе с языками, на которых они писали. Эти дисциплины доминировали во всех девяти колониальных колледжах. Зубрили до одури Цицерона, Теренция, Вергилия, Горация, Ливия и Тацита по-латыни, корпели, разбирая речи и трактаты Демосфена, Аристотеля и Геродота... Как консерваторы, так и радикалы черпали вдохновение из одного и того же источника — Аристотеля — и иных цитировали в доказательство верховенства закона бога и природы над человеческими установлениями. При ссылках на античных классиков чисто материальные интересы приобретали весьма возвышенное звучание»³.

Уколова В. И. *Философия истории Аврелия Августина. Религия мира.* 1985. М., 1986, с. 128.

² Яковлев Н. Н. *Идеи американской революции: прошлое и настоящее.* — США. Политическая мысль и история. М., 1976, с. 40.

³ Яковлев Н. Н. Вашингтон. М., 1976, с. 15.

В этом комплексе идей религия занимает видное место. Но, как отметил на подступах к двухсотлетию юбилею США прилежный исследователь американской государственности Д. Адер: «Увы, изучение влияния классиков на революционную Америку даже не началось»¹ Речь, разумеется, идет о фундаментальных исследованиях. Что касается, если угодно, прикладных, то есть рассмотрения вклада различных вероисповеданий в государственную структуру США, то в таких нехватки нет. В самом начале 1986 г. профессор теологии Вирджинского университета В. Миллер выпустил книгу с весьма характерным заголовком: «Первейшая свобода. Религия и американская республика». В обширном заключении также под крайне характерным названием — «Размышления после двух столетий» — он выделил: «Христианство было первым учителем широчайших масс — разве это не так? — самих «республиканских» основ». Но, на взгляд Миллера, «эта христианская река, эта великая мутная Миссисипи западной цивилизации... уже вобрала в себя и потоки нехристианского классического мира. В результате исторические предтечи американских республиканских институтов уже оказались шире, чем только христианское наследие, — так возникла широкая западная гуманистическая традиция — светская и христианская, еще до того, как появилась Америка». Приведя это суждение, рецензент книги Миллера в «Нью-Йорк таймс» все же отметил ее прикладное значение, а именно: «Мистер Миллер, вероятно, бросив взгляд из своего (и конечно, джефферсоновского) университета в направлении штаб-квартиры преподобного Джерри Фолвелла, остается убежденным — не должно быть одной, официальной религии»².

¹ Fame and the Founding Father. Essays by Douglas Adair. N. Y., 1974, p. 278.

² The New York Times Book Review, 1986, January 26, p. 13.

Под лозунгом жизненно важного значения религии для Соединенных Штатов, как они есть, и маршируют американские политики, густые когорты тамошних историков, политологов и публицистов. Призывы, которые они бросают, разумеется, разнятся по форме, в зависимости от аудитории. Двух новейших примеров, вероятно, достаточно, чтобы показать разнообразие методов, применяемых в этой связи. Старший научный сотрудник известного Брукингского института Дж. Ричли (по профессии государствовед!) написал в 1985 г., заключая свою книгу «Религия в американской общественной жизни»: «Религиозные народы,— писал Токвиль,— естественно, сильнее именно в тех отношениях, где демократические нации слабее всего, отсюда следует величайшая важность сохранения религии...» К счастью, для здоровья свободных (читай: капиталистических.— Н. Я.) институтов американцы, несмотря на недавние вторжения светского гуманизма в интеллектуальную элиту... остаются в целом, по выражению судьи Верховного суда Дугласа, «религиозным народом...». С самой зари американской истории религия и демократия были тесно связаны друг с другом, они переплетались... Эта взаимосвязь, несмотря на все изменения и всякого рода напряжения, не обнаруживает никаких признаков ослабления. В прощальном обращении к стране Джордж Вашингтон в свое время сказал: «Из всех действий и намерений, ведущих к политическому благополучию, религия и мораль являются самыми необходимыми опорами...» Большинство американцев убеждены: Вашингтон был прав»¹.

В ученом трактате все на месте: отсылки к Дж. Вашингтону и А. Токвилю, мнение члена Верховного суда, рассудительный, спокойный тон книги. Понятно, что для широкой аудитории все это излишне.

¹ Reichley J. Religion in American Public Life. Washington, 1985, p. 359—360.

Осенью 1986 г. раввин Дж. Рудин описал в «Нью-Йорк таймс», как проходят, по его мнению, христианские радения на юге США. Он вернулся к началу религиозного «возрождения» (50-е годы) и рассказал: «На таких собраниях проповедник почти всегда заканчивал молитву призывом подтвердить веру в Христа. Для собравшихся очень привычно. Припоминаю душный вечер, когда собравшиеся помедлили отреагировать. Проповедник тогда стал перечислять беды, якобы постигшие Америку в 1951 г.: утрата прав штатами, сексуальная распущенность, рост профсоюзов, коммунистическое проникновение в правительство и иностранцы так и кишат среди нас. В конце своей пронзительной жалобы он закричал: «Вернем нашу Америку! Заберем ее у тех, кто украл ее у нас! Это наша Америка, не их! Наша Америка!»

Когда он закончил, завывающая толпа уже стояла. Запели «Звездное знамя», обнимались, целовались. В криках толпы: «Это наша Америка!» — отчетливо звучали чувства утраты и злобы. Эмоции были сильнее, чем привычное религиозное рвение на религиозных собраниях, на которых призывают «родиться свыше»¹.

В США, как мы видим, признан религиозный плюрализм, но горе тому из служителей культа, кто поставит под сомнение свою разновидность веры. Конфликт профессора теологии католического университета в Вашингтоне Ч. Каррана с Ватиканом в августе 1986 г. со всей силой напомнил об этом. Профессор попытался «осовременить» некоторые догматы католической церкви. Ватикан прореагировал очень остро, лишив его права преподавания. Еженедельник «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» подчеркнул: «Схватка между 52-летним Карраном и церковью, которая громко отозвалась в 235 католических университетах США, назревала несколько десятилетий... Власти Ватикана ясно указали, что они выступают не толь-

¹ The New York Times, 1986, September 21.

ко против Ч. Каррана, но и всех теологов, «ставящих под сомнение хоть какую-нибудь часть учения церкви»¹.

Могут сказать, речь идет только о католиках. Тот же еженедельник взялся выяснить положение с другими вероисповеданиями. Не составило большого труда показать: диссиденты среди священнослужителей решительно преследуются и изгоняются. Так обстоит дело у мормонов, в Южной баптистской конгрегации, пресвитерианской церкви и т. д. Подводя итог инциденту с Карраном, журнал отметил: «Последствия для священников — диссидентов серьезны. Диссиденты других вероисповеданий должны остеречься, ибо, как заметил историк Л. Мур из Конельского университета, «предполагается, что церкви за что-то стоят. Их паства должна либо во что-то верить, либо она ни во что не верит. Большинство церквей не торопятся выгонять таких диссидентов, но если они зайдут далеко, их погонят»².

Все это в высшей степени закономерно, ибо религиозный плюрализм в США всегда сводился к одному знаменателю — служению капитализму. Эта традиция восходит к отцам-основателям и красной нитью проходит через всю американскую историю. На что откровенно указывают те, кто определяет климат в администрации Р. Рейгана. Летом 1985 г. министр юстиции США Э. Миз обрушился на концепцию «строгого нейтралитета» правительства в религиозных делах. Странники ее, заявил министр, игнорируют «намерение отцов-основателей», а конституционный конгресс в Филадельфии в 1787 г. счел бы «весьма странной... концепцию нейтралитета между религией и нерелигией»³. Американский писатель Г. Видал едко высмеял то, что за этим кроется, — бесхитростное обожествление бизнеса. В описание церемонии столетнего юбилея США в 1876 г. он вставил поучительный

¹ U.S. News and World Report, 1986, September 1, p. 10.

Ibid., September 8, p. 64.

The New York Times Magazine, 1986, February 23, p. 42.

эпизод: «Когда оркестр замолк, президент и его сопровождающие уселись, поднялся епископ и начал говорить — длинно, как и подобает епископу. Этот святой человек благословил мир, коммерцию и бога — именно в таком порядке»¹. Вероятно, американский интеллигентный читатель по достоинству оценит сарказм писателя. Но то, над чем смеется Видал, спокойно, совершенно спокойно исповедуют и проповедуют апологеты капитализма и с религиозной точки зрения.

Писавший под эгидой Американского института предпринимательства М. Новак воспел деятельность современных капиталистических корпораций «как воплощение радости, открытие путей господа в истории»². Другой современный идеолог капитализма — Дж. Джилдер нашел: «Причина, по которой капитализм преуспевает, заключается в том, что его законы соответствуют законам разума», которые, по Джилдеру, ниспосланы богом³. Ныне то, что они пишут, уже предмет для обобщения.

Дж. Ричли, обозревая вклад этих в какой-то мере религиозных идеологов капитализма, выделил: «Роберт Бенн в книге «Этика демократического капитализма» и Майкл Новак в книге «Дух демократического капитализма» недавно указали, как пишет Бенн, что «с моральной точки зрения можно привести множество доводов в пользу капитализма... Оба утверждают, что в нашем имманентно несовершенном мире капитализм, измененный демократией и религией, имеет несравненные моральные преимущества над другими соперничающими идеологиями»⁴.

Коль скоро адепты этого направления буржуазной

¹ Видал Г. 1876. М., 1986, с. 248.

Novak M. *Toward a Theology of Corporation*. Washington, 1981, p. 43.

³ Gilder G. *Wealth and Poverty*. N. Y., 1981, p. 265.

⁴ Reichley J. *Religion in American Public Life*, p. 358.

идеологии вторгаются тем самым в сферу международных дел, тогда поучительно взглянуть, что за мораль несет тот самый капитализм в межгосударственные отношения.

* * *

Прежде всего поражает необыкновенная отвага современных американских ревнителей религии в делах государственных и межгосударственных. Они походя решают то, что совсем недавно представлялось делом, пожалуй, неподъемным даже для серьезных американских исследователей международных отношений. По поводу описанных утверждений, вероятно, уместно привести взвешенное суждение очень известного в США специалиста Л. Холла: «Многие из нас, кому предложили бы определить мораль, ответили бы словами святого Августина о времени: «Если меня спрашивают, что это, я знаю. Если меня попросят объяснить, я не знаю».

Легче сказать, чем мораль не является. Согласно притче о фарисее и мытаре (Лк., 18: 10—14) мораль не то, что представляют выставляющие ее напоказ. Следовательно, мы должны не доверять политикам и публицистам, делающим свою карьеру как моралисты, рассуждающим о морали и выражающим негодование по поводу нечистоты других. Мы должны не доверять тем, кто, почитая себя правыми во всем, только и занимаются улучшением морали других. Мораль, которую они представляют, — фальшивая мораль. Одним словом — фарисейство»¹

Такие речи вел Л. Холл в 1979 г. в уместной аудитории на симпозиуме, проведенном Советом по религии и международным отношениям. Присутствовавший на этом симпозиуме известнейший теоретик международных

¹ H e s b u r g h T., H a l l e L. Foreign Policy and Morality. N. Y 1979, p. 27.

отношений Дж. Кеннан высказался довольно бледно и малосодержательно. За годы, истекшие с тех пор, наверняка во все возрастающей степени ощущая сгущающуюся религиозную атмосферу в США, Дж. Кеннан подстроился идти в ногу с обозначившейся тенденцией. В зимнем номере 1985/86 г. журнала «Фореин афферс» он разразился большой статьей «Мораль и внешняя политика». Газета «Уолл-стрит джорнэл» в разделе «Достойно быть отмеченным и процитированным» привела основную мысль, вероятно символ веры, Дж. Кеннана (1904 г. рождения), вступившего в девятое десятилетие своей жизни:

«Когда мы говорим о применении моральных критериев к внешней политике, мы не говорим о приведении ее в соответствие с какими-нибудь ясными и общепринятыми нормами международного поведения. Если политика и действия правительства США должны соответствовать моральным критериям, то эти критерии должны быть только американскими, основанными на традиционных американских принципах справедливости и целесообразности. Если другие не поднимаются до этих принципов и это окажет неблагоприятное воздействие на американские интересы, в отличие от политических вкусов, у нас появляются все основания для протеста, а в случае необходимости — проведения мер возмездия. Мы не можем делать только одного, а именно: полагать, что у нас и у них есть общие моральные принципы и апеллировать к ним»¹

В изысканных фразах кеннановской прозы начисто перечеркивается вселенское значение христианства, хотя статья перенасыщена ссылками на Десять заповедей, бога и в целом является попыткой указать на религиозную основу внешней политики США. Кеннан подчеркивает, что «уникальные блага нашей планеты — тайна, далеко выходящая за пределы случайного. И не появляется ли

¹ The Wall Street Journal, 1986, March 14.

элемент кощунства, независимо какому богу кто поклоняется, когда все это ставится на карту ради удобств, страхов и национального соперничества всего одного поколения?»¹ Выход, по Кеннану, только один — Вашингтон должен следовать традиционным принципам США, быть верным вере по-американски. Иными словами, по-сектантски быть нетерпимым ко всем другим. Все это выводит на битую у американских идеологов, религиозных и светских, мысль о предначертанной свыше судьбе Америки — главенствовать над миром, над всем человечеством.

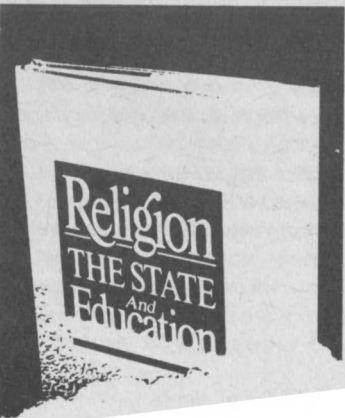
Стоит ли говорить, что вера по-американски до неузнаваемости извращает даже известные христианские истины и является одной из причин дестабилизации мира.

¹ Foreign Affaires, Winter 1985/86, p. 217.

A VALUABLE RESOURCE

Religion THE STATE

Edited by James E. Wood, Jr.

Published in commemoration of the thirty-fifth anniversary of the *McCullum* (1940) decision on religious instruction in the public schools and the twentieth anniversary of the *Schempp-Murray* (1963) decisions on prayer and Bible reading in the public schools—both landmark decisions of the U. S. Supreme Court with respect to religion and public education. During the past thirty-five years, no other church-state issues have provoked as much discussion or prompted as much litigation. This volume is an important and timely contribution to this crucial issue which constitutes a continuing dilemma in American education. *Contributed by*
Donald E. ...

О тесной взаимосвязи религии и политики в США в последнее время пишут много. Зарубежная пресса уделяет этому вопросу большое внимание, потому что, пожалуй, никогда прежде американские президенты не опирались в своей деятельности на религию в такой степени, как в настоящее время. Из множества публикаций, появившихся на Западе, мы выбрали всего лишь одну, в которой убедительно показано, как в год последних президентских выборов религия была использована в политических целях, представ в качестве серьезной силы в жизни американского общества.

Автора статьи, опубликованной в американском журнале, никак нельзя обвинить в пристрастии. Он пытается дать объективную оценку происходящим в США процессам. Те факты и выводы, которые он предлагает, дают возможность наглядно представить, как в действительности ощутимо переплелись между собой религия и политика, как церковные организации используют политические средства для достижения своих целей, а политики — религиозные средства для реализации своих планов.

ДЖЕЙМС ВУД-СТАРШИЙ

Религия и политика. 1984 год

«Черч энд стейт», т. 26, № 3, 1984.

I

В 1984 г. (год избрания президента) религия и политика переплелись более ощутимо, чем во время выборов любого из президентов в американской истории. Симбиоз, возникший между политическими и религиозными правыми,— одно из наиболее значительных событий как в политической, так и в религиозной жизни Америки. Конечно, взаимодействие религии и политики — отличительная черта американской жизни с самого начала. Хорошо известно, что священнослужители занимались политикой еще до образования этой страны. Фактом остается то, что организованная религия была и остается важной силой в самой политике США.

Слияние религии и политики в год нынешних выборов (1984 г.), однако, было беспрецедентным в нескольких отношениях. Несомненно, роль религии в этой избирательной кампании станет предметом специального изучения широкого круга специалистов общественных отношений, а также религиозных деятелей в грядущие годы. Начиная с президентства Дуайта Эйзенхауэра более 30 лет назад, религия играла все возрастающую роль в кампании американских политических выборов, особенно на общенациональном уровне. За «благочестием на Потомаке» в годы Эйзенхауэра последовало десятилетие «религии Белого дома» президента Ричарда Никсона. В обеих этих администрациях религия воспринималась серьезно, и Билли Грэм, самый известный проповедник в Америке того времени, стал фактическим капелланом Белого дома.

К 1980 г. впервые в американской истории все три основных кандидата в президенты изображались во время избирательной кампании не только как глубоко верующие, но также и как «свыше рожденные христиане», и приверженцы каждого кандидата готовы были биться об заклад, что его или ее кандидат более религиозен, чем другие. Избирателей просили выбирать между «свыше рожденным» Джимми Картером, сторонником «Морального большинства» Рональдом Рейганом и проповедником-евангелистом Джоном Андерсоном.

В год этих выборов стали наиболее заметны связи основных кандидатов с организованной религией. Ко времени национального съезда демократической партии определились три основных кандидата от демократов: Гарри Харт, выпускник богословской школы Йельского университета, Джессия Джексон, баптистский священник, и Уолтер Мондейл, сын священника и зять священника. И конечно, сам президент Рональд Рейган, один из политиков, недвусмысленно и открыто использующих в своих целях религию. Кроме Джексона, все основные претен-

денты на пост президента окончили небольшие церковные колледжи.

Есть и другие, еще более поразительные особенности той роли, которую играет религия в 1984 г. в отличие от избирательной кампании в минувшие годы. Ни один президент, находящийся у власти, никогда не делал религию такой явной и зримой частью своей политики и своей избирательной кампании, как президент Рейган. Он подчеркнуто и неустанно «ухаживает» за избирателями новых религиозных правых. Тесно связанный с Джерри Фолвеллом и «Моральным большинством» Рейган в начале года появился в телевизионной программе Фолвелла «Час старого евангелия». Журнал «Ньюсуик» отозвался о съезде республиканской партии как «освящении вступления религиозных правых в ряды рейгановской республиканской партии». Благословляя съезд, Фолвелл отозвался о президенте Рейгане и вице-президенте Джордже Буше как об «орудиях бога в перестройке Америки». Не имеет также прецедента в истории американского президентства выход двух книг, приписываемых президенту у власти: «Аборты и совесть нации» и «Рональд Рейган: бог со мной». Последняя книга — это собрание выступлений президента по вопросам религии наряду с недвусмысленным одобрением политических целей новых религиозных правых. Обе книги были выброшены на рынок, чтобы воздействовать религиозному призыву президента, в частности, к новым религиозным правым и их расширяющемуся электорату.

1984 год находится в заметном контрасте с 1960 годом, когда доминирующим религиозным вопросом был вопрос о том, можно ли рассчитывать на католика-президента в защите американской традиции отделения церкви от государства? В то время многие из тех, кто поднимал вопрос о религии, недавно заметил Теодор Соренсон, делали это, чтобы выжать обязательства из Джона Кеннеди в поддержку отделения церкви от государства. По иро-

нии судьбы, многие из тех, кто тогда поднимал этот вопрос, сегодня составляют часть новых религиозных правых, которых ни друзья, ни враги не могут обвинить в том, что они стоят за отделение церкви от государства. Больше того, в противоположность 1960 г., сейчас растут нападки на отделение церкви от государства, которые инспирируются новыми религиозными правами.

Вот пример: один из наиболее известных в Америке религиозных фундаменталистов — В. А. Крисвелл, баптистский священник-южанин первой баптистской церкви Далласа, в штате Техас, рьяно выступал против кандидатуры Кеннеди в президенты в 1960 г., потому что он был католик. Эту церковь Крисвелл именовал «политической тиранией». Избрание Кеннеди, уверял Крисвелл, «было бы смертью свободной церкви и свободного государства». В нынешнем предвыборном году, как и в 1980 г., Крисвелл — убежденный сторонник республиканского знамени. В данном случае Крисвелл был выбран для благословения после речи Рейгана о согласии баллотироваться в кандидаты от республиканской партии. В последний день съезда Крисвелл председательствовал на завтраке, на котором Рейган провозгласил, что религия и политика неразделимы. Позднее, в вечерних новостях по программе телевидения Си-би-эс, Крисвелл заявил, что «представление об отделении церкви от государства — выдумка какого-то безбожника».

В год этих выборов происходит возрождение представления об Америке как «христианском народе». Не только не выступая в защиту отделения церкви от государства или концепции Америки как светского государства, Рейган, напротив, неоднократно провозглашает, что как президент он вернет бога в государственные школы, поддерживает сторонников «сотворения мира» в государственной системе просвещения, призовет к принятию законопроекта о незаконности (по моральным мотивам) абортов, будет стремиться к тому, чтобы средства из госу-

дарственной казны шли на церковные школы. Отнюдь не случайно программа президента по социальным вопросам полностью совпадает с тем, что упорно отстаивают новые религиозные правые, не говоря уже о политике наращивания ядерных вооружений, его воинственного отношения к Советскому Союзу и его почти апокалипсического взгляда на историю. Как недавно заметил Мартин Марти, «примечательны во всем этом как ясность этого кандидата, так и ясность политических целей — от введения «сотворения мира» в школьном обучении до Армагеддона, последней битвы в Израиле, которая, по мнению многих, «скоро разразится».

Ясно, что идентичность кампании президента Рейгана с позицией новых религиозных правых — главная отличительная черта предвыборного года. Это явление и исторически и политически — значительное и важное для будущей государственной политики вообще и отношений между церковью и государством в частности. Хотя еще со времени президентских выборов в 1980 г. и существует мнение, что есть основания ожидать рассеивания новых религиозных правых, эмпирических данных в пользу такого мнения нет. Маловероятно в этом предвыборном году судить, что это движение является всего лишь эфемерной политической модой, скорее нужно предположить, что речь идет о тенденции с далеко идущими последствиями. Его дух, конечно, глубоко укоренился в американском характере, и его успех в настоящее время основывается на том, что оно апеллирует к американцам, миллионы которых тоскуют по какому-то миру традиционных ценностей и возрождению американского национализма.

Политически приверженные Америке как религиозной и праведной стране, новые религиозные правые выступают за включение ее моральных и духовных ценностей при формировании государственной политики. Через предложенное ими социальное законодательство они

стремятся восстановить «традиционные ценности» американской семейной жизни с особым приоритетом на незаконность абортов. Рейган в глазах новых религиозных правых является единственным кандидатом, который выступает «за семью». В области просвещения, которому движение уделяет особое внимание, оно стремится к тому, чтобы добиться разрешения проводить молитвы в государственных школах, отчисляя средства на церковные школы и обучая сотворению мира по библии как «науке». Решительно поддерживая многие религиозные заявления президента, включая объявление 1983 года «годом Библии», новые религиозные правые сумели завоевать особую склонность и одобрение президента США как ни одна другая религиозная группировка. В августе 1984 г. политические цели новых религиозных правых были практически полностью включены в платформу республиканской партии. Рейгановская избирательная кампания в этом году была описана как «непревзойденная по своей религиозной воинственности».

Именно упор на религию в этом предвыборном году и отличает эту кампанию от других президентских кампаний. Через редакционные статьи, новости и статьи агентств новостей этот вопрос почти ежедневно поднимается в главных газетах Америки и часто был основным в еженедельных журналах, таких, как «Ньюсуик», «Тайм», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» и «Нью рипаблик». Как заметил Майкл Новак, «кто бы мог предвидеть, что новостью номер один будет религия, а не бюджетный дефицит, ядерные вооружения, вопросы справедливости и другие вопросы, о которых мы так много слышали с января по июль?!».

В прошлом кандидаты в президенты совсем неохотно играли на руку или иной религиозной группе по очевидным политическим причинам. В только что опубликованной книге «Бог в Америке» Фурио Коломбо написал: «Нет сомнения в том, что положение уникально: впервые

«церковь», на этот раз охватывающая все группы, входящие в моральное большинство и широкий конгломерат неоевангелистов, вышла прямо на политическую арену, предложив своих людей, свои программы, угрозы, законы и представления о будущем». И еще более привлекает внимание то, что президент вступил в союз с той частью религиозной общины, которая находится вне главного направления основных американских религиозных деноминаций. Ни один американский президент, как отмечает Коломбо, никогда раньше официально не принимал поддержку группы, которая шагала бы «так не в ногу» в политическом и культурном отношении с основными традициями американского общества.

Сидней Блюменталь в «Нью рипаблик», проанализировав факт влияния новых религиозных правых на республиканскую партию, мрачно предсказал: «Партия, превращающая сектантскую доктрину в закон в попытке возродить ушедший мир, заплатит слишком большую политическую цену».

II

В этот год выборов новые религиозные правые появились как центр рейгановской кампании за переизбрание. Приверженные представлению о том, что Америка «христианская страна», как было отмечено выше, новые религиозные правые получили официальный статус при Белом доме и смогли овладеть важными рычагами контроля в республиканской партии как на местном, так и на национальном уровнях. Эти политические цели рассматриваются новыми религиозными правыми лишь как средство изменить политический характер и направленность страны. По словам Гарри Джармина, директора «Христианского голоса», «республиканская партия — средство».

Политические достижения новых религиозных правых были завоеваны не без открытого публичного одобрения Рейгана. Как единственный кандидат в президенты, по-

явившийся четыре года назад в Далласе, штат Техас, во время первого большого митинга Рейган сказал массе своих почитателей: «Вы можете не одобрить меня, но я одобряю вас». Ко времени нынешних выборов связи Рейгана с новыми религиозными правыми прочно установились. Хотя политическое влияние движения в настоящей президентской кампании невозможно измерить, как это было в 1980 г., идеологическая связь между президентом и этим движением по ключевым внутренним и внешним политическим вопросам очевидна.

Начиная с речи о положении в стране в январе 1984 г., во время которой президент многократно упоминал имя божье, он обрисовал социальную программу своей администрации так: поправка к конституции, запрещающая аборт, введение молитвы и чтения Библии в государственных школах, отчисление государственных фондов на приходские школы и восстановление традиционных семейных ценностей. Часть этого текста звучала так, как будто она вышла из-под пера Джерри Фолвелла. В марте 1984 г. в обращении к Национальной ассоциации евангелистов президент заявил: «Я твердо верю, что любящего бога, который благословил нашу землю и сделал нас хорошими и заботливыми людьми, нельзя было изгнать из американских школ». Он постоянно осуждает «секуляризм» и тех, «кто обращается к современному секуляризму». Один из руководителей одной влиятельной церкви высказал мнение, что «во имя устранения секуляризма президент, по-видимому, склонен учредить неденоминационную религию и себя — основателем ее». Президент заверяет не только в своем высоком уважении к Библии, но и провозгласил, что «в этой одной книге есть все ответы на все проблемы, стоящие перед нами сегодня, стоит только прочитать и уверовать». Один автор утверждал, что президент теперь принял на себя вместе с президентскими обязанностями и роль «главнокомандующего-евангелиста».

Ко времени республиканского национального съезда президентская кампания Рейгана имела все черты религиозного крестового похода. Постоянно в своих речах он повторял, что видит, как Америка изголодалась по «могучему возрождению». Президент не только постоянно говорил о своей обязательной приверженности социальной программе новых религиозных правых и Америке как религиозной стране, но он скорбел о развитии антирелигиозности в Америке и осуждал тех, кто «секуляризирует нашу страну». На завтраке, проведенном в последний день республиканского съезда, Рейган провозгласил, что «мораль и политика неразделимы», и обвинил противников организованной молитвы в государственных школах в том, что они «нетерпимы к религии», что основа морали — «религия» и что «без бога нет и не может быть демократии». Хотя редакционные статьи таких газет, как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», осудили эти обращения, его речь с энтузиазмом приветствовалась новыми религиозными правыми и аудиторией в 17 тысяч человек.

Специалист по Ближнему Востоку Барри Рубин из центра по стратегическим и международным исследованиям Джорджтаунского университета нашел, что заявление Рейгана о взаимосвязи между религией и политикой «почти слово в слово совпадает с заявлениями такого типа аятоллы Хомейни» в Иране. Почти все американские основные религиозные деноминации решительно поддержали решения Верховного суда США о молитве в государственных школах. Решительные возражения со стороны лидеров как христианского, так и иудаистского вероисповедания сразу же последовали в ответ на обвинение президента в том, что выступающие против организованной молитвы в государственных школах «нетерпимы к религии». Генеральный секретарь Национального совета церковью Клэр Рэндолл заявила: «Клеймить как нетерпимых к религии тех, кто искренне выступает с богословски

обоснованными возражениями против введения молитвы в школе и против тех, кто имеет мнения, отличающиеся от избранной Рейганом позиции, это не значит не соответствовать норме терпимости к вероучению других, что должно лежать в основе свободы религии в плюралистическом обществе». Президент Американского еврейского конгресса Теодор Манн отметил: «Действительно ли он думает, что десятки баптистских, евангелических, еврейских, лютеранских, унитаристских, методистских и пресвитерианских групп, которые боролись против молитвы в государственных школах, стремятся подорвать важность религии в нашей жизни? Это абсурд». Заявление президента по поводу молитвы в государственных школах явно противоречит как позиции огромного большинства основных религиозных деноминаций, так и историческому значению и смыслу отделения церкви от государства в Америке.

В течение лета 1984 г. в штаб-квартире рейгановской кампании был учрежден специальный орган для мобилизации «избирателей-христиан». Сенатор Поль Лаксолт от штата Невада разослал письма 80 тысячам тщательно отобранных церковных руководителей, призывая их «организовать вашей церковью регистрацию голосующих», что «поможет наверняка обеспечить переизбрание президента Рейгана и вице-президента Буша». Письмо начиналось словами: «Уважаемый христианский руководитель...» Лаксолт напомнил корреспондентам, что «президент Рейган был верен в своей поддержке по вопросам, касающимся граждан-христиан». «Президент Рейган, как Вы знаете, безусловно верен, как и вы, традиционным ценностям. Кроме того, он неоднократно ясно говорил о своих религиозных убеждениях. Как руководители властью божьей, мы не можем скатиться на позиции бездумного политического нейтралитета...» Консервативный публицист Вильям Сафайр характеризовал это письмо как «в равной степени неэтичное и неамериканское».

Как еврейские, так и христианские руководители обиделись на письмо Лаксолта. В совместной статье Дэвид Саперштейн, директор вашингтонского отделения Союза американских иудейских конгрегаций, и Чарлз Бергштром, директор американского Лютеранского совета, в «Вашингтон пост» осудили это письмо священнослужителям. «Эта предосудительная попытка ставить знак равенства между патриотизмом и христианством глубоко оскорбительна,— писали они.— Его смысл, что бог — республиканец и было бы «по-христиански» переизбрать Рональда Рейгана,— это злоупотребление политическим процессом. Это — напоминание буддистам, евреям, мусульманам и другим нехристианам, не говоря уже об агностиках, атеистах и секуляристах, что они неполноправные граждане. А христианам говорится: они окажутся вероотступниками, если не переизберут на новый срок команду Рейгана — Буша».

Стало известно, что группа, называющая себя «Христиане за Рейгана», приобрела на миллион долларов телевизионного времени для объявлений на станциях в ряде районов, призывая избирателей не отдавать голоса Уолтеру Мондейлу. В начале сентября журнал «Тайм» признал, что «религия стала главной темой этой президентской кампании. Больше того, такого преобладания и сложности религиозных проблем не было ни в какой из предыдущих кампаний».

Роль религии в предвыборный год значительно вызвала существенные разногласия как среди верующих в Америке, так и в политических кругах. В этом переплетении религии и политики таится много такого, что не предвещает ничего хорошего ни для религии, ни для политики в стране, где отделение церкви от государства давно рассматривалось как одна из наиболее выдающихся черт американской религиозной и политической жизни. Мы, конечно, не говорим о самой связи религии и политики, а о том, как осуществля-

ется эта связь на протяжении всей предвыборной кампании этого года.

С одной стороны, есть очень ясное указание на то, что религия пользуется политическими средствами для достижения религиозных целей. Вот только отдельные примеры: «вернуть бога в государственные школы», ввести «научную теорию сотворения» в программы государственных школ, отчисление средств из государственной казны на приходские школы. С другой стороны, выявилась опасная, тем более в год выборов, тенденция использования религии государством в политических целях. В то время как новые религиозные правые используют политические средства для введения своей «социальной» программы в платформу партии, призывая к законодательному проведению ее в жизнь, политические «новые правые» используют новых религиозных правых для наращивания ядерных вооружений, своей воинственной политики по отношению к Советскому Союзу и возрождению американского национализма. Если бы Верховный суд применил свое право толкования конституции применительно к ее первой поправке, то тесное переплетение религии и политики в избирательной кампании 1984 г. было бы сочтено не соответствующим критериям конституционности Верховного суда в трех отношениях, а именно: «секулярной цели», «первостепенному условию не поддерживать и не ограничивать религию» и недопущению чрезмерного слияния политики и религии.

Словом, смешение религии и политики в этой предвыборной кампании ожесточило в высшей степени пристрастный характер самих новых религиозных правых, которые являются не только сектантами, но и раскольниками. Порожденное конфликтом с основными церквями из-за их мнимого «либерализма» как в политике, так и в богословии, это движение демонстрирует

конфликт двух очень различных направлений христианства. Хотя новые религиозные правые любят отождествлять себя с «ультраконсервативными христианами-евангелистами», они осуждают основные направления американского протестантизма. За немногими исключениями их позиция в области социальной политики также непримирима с основными направлениями религиозных верований в Америке. Кроме взглядов на аборт и на уменьшение налогов за обучение, их позиция в области социальной политики не разделяется американской католической церковью, за исключением поддержки Израиля. Вся еврейская община Америки весьма обеспокоена социальной программой новых религиозных правых и их влиянием на администрацию.

Такое расположение президента США к одной из религиозных групп, то, что он полностью отождествляет себя политически с такой в высшей степени фанатичной группой, не имеет прецедента в истории американского президентства. Тот факт, что такая политическая приверженность президента произошла в США, в светском государстве, в котором равенство всех религий перед законом гарантировано конституцией и религиозный плюрализм существует на деле, кажется просто нецелесообразным. А тем временем в последние четыре года президент был недоступен для представителей основных протестантских церквей и Национального совета церквей. Джон Беннет недавно писал: «Я сомневаюсь, существовала ли когда-нибудь в нашей стране такая односторонняя связь президента с одной религиозной группой и к тому же такое пристрастное использование религии президентом». Президентский альянс с подобной религиозной группой нашел отражение в приверженности Рейгана к программе, которую не разделяют основные церкви. Или, как заметил журнал «Ньюсуик», «выбрав для себя узкий круг «религиозных» вопросов, Рональд

Рейган ухватился за программу единственной религиозной группы, которая в вопросах войны и мира, по проблемам Центральной Америки и в отношении справедливости к бедным и голодным внутри США идет вразрез с большинством американских протестантских, католических и, возможно, евангелических церквей».

Новые религиозные правые пристрастны в вопросах внутренней и внешней политики по сравнению со взглядами основных деноминаций Америки, как христианских, так и еврейских, и, как всякое экстремистское объединение, занимающее крайние позиции, они нетерпимы к иным взглядам по политическим вопросам. Социальная программа новых религиозных правых — это программа, исходящая из их узких религиозных взглядов и их представлений о духовных ценностях, коль скоро все ценности определяются лишь как правильные или неправильные, то не остается места для каких-либо компромиссов в проведении в жизнь социальной программы движения. Нет середины при подходе, например, к таким вопросам, имеет ли женщина право выбора в отношении аборта, или введения обязательной молитвы в государственных школах. Вы либо за аборт, либо против них, вы — либо за молитву, или против нее. Парадоксальность ситуации в том, что если вы против молитвы в государственных школах, то «проявляете нетерпимость». Если учебник «учит мирскому гуманизму», то он должен быть уничтожен.

Социальная программа новых религиозных правых не подлежит изменению, неподвластна разговорам об этом. Нет места для демократических дискуссий или для уступок и компромиссов. Движение обязалось представлять свои требования в области морали непосредственно государству, с тем чтобы принимались политические меры. Движение игнорирует тот

факт, что его взгляды отличаются от взглядов основных церквей и синагог Америки. В сущности, нет места для терпимости или согласия с иными точками зрения даже в рамках христианства вообще. Через свой союз с Белым домом новые религиозные правые теперь обеспечили себе не только особый социальный статус, но и, что еще более зловеще, они получили политическую базу для потенциально возможного проведения в жизнь своей социальной программы.

К сожалению, сближение религии и политики в 1984 г. шло под знаком союза между фанатичной политикой и фанатичной религией, каждая из которых использовала другую в своих целях и таким способом, который недостойн страны с традициями свободной церкви и свободного государства. С одной стороны, существует очень фанатичный и политизированный бог, которого рассматривают как стоящего на стороне республиканской партии и его кандидата и по сему представляющего собой величайший политический ресурс движения. С другой стороны, существует очень фанатичное, экстремистское движение, которое вступило в политический альянс, чтобы «христианизировать» Америку политическими средствами. В обоих случаях налицо самоуверенное допущение: «бог на нашей стороне». Если вспомнить историю, то можно привести один случай из времен Гражданской войны в США, который говорит об опасности такого допущения. Речь идет об одном из немногих заявлений Авраама Линкольна, которое было одобрено конфедератами. Он ответил одному священнику, который выразил надежду, что «бог на нашей стороне»: «Я совсем не озабочен этим, потому что я знаю, что бог всегда на стороне правых. Но я постоянно беспокоюсь и молюсь, чтобы я и наша страна были бы на стороне бога». Простая истина заключается в том, что бог не принадлежит ни одной стране и ни одной политической партии.

В сентябре 1984 г. католические, протестантские и еврейские руководители в совместном заявлении призвали обе партии сопротивляться любым попыткам «манипулирования с первой поправкой» и выражали сожаление о «серьезной эрозии» принципа отделения церкви от государства в Америке. Они предостерегали политических руководителей, что «государство не должно вести себя так, как будто оно церковь или синагога», и призвали руководителей обеих партий «категорически отклонить пагубное представление о том, что только один вид политики или религии получает божье одобрение, а что другие виды обязательно — «зло».

Приходит ли к концу в Америке принцип отделения церкви от государства? Если новые религиозные правые политически возобладают в нашей стране, то ответ однозначен — «да». Равенство всех религий перед законом окажется фикцией. Верховный суд США в деле Эверсона (1947 г.) подтвердил, что, согласно первой поправке, от государства требуется нейтралитет в отношениях с группами верующих и неверующих. Это отделение церкви от государства никогда не означало отделения религии от общественной жизни и от политики, но это означало: «Правительство не должно в нее вмешиваться». На самом деле это отделение делает возможным истинное взаимодействие между церковью и государством. Покушение на это отделение — всегда реальная возможность, тем более в год выборов, использовать религиозные средства в политических целях и наоборот.

Религиозный фундаментализм в Соединенных Штатах Америки превратился в наши дни в весьма влиятельную политическую силу. Именно политическую. Это убедительно доказывается в перепечатанной из журнала «Евангелише комментарс» редакционной статье, в которой фундаментализм квалифицируется как политическое явление. Критический накал этой публикации весьма симптоматичен. Он свидетельствует о том, что далеко не все американцы разделяют позиции фундаменталистов, хорошо понимают, какую роль они играют в политической жизни США, и с тревогой думают о будущем своей страны, если влияние «Морального большинства» будет возрастать. Тревога вполне обоснованна. Об этом можно судить по предлагаемой публикации.

«Евангелише комментарс», № 8, август 1985 г.

КОНСЕРВАТИВЕН ЛИ БОГ! ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

На юге Виргинии, на восточных склонах Блю Ридж Маунтин, расположен небольшой городок Линчбург. Подобно Риму, на семи холмах расположились 70 тысяч его населения и 121 храм. Но конечно, не только количество храмов и холмов объединяет этот городок с центром католического мира. Картину города определяют колокольни и телебашни, радиорелейные станции и параболические антенны, которые уже издали извещают путника о том, что здесь слово божье проповедуется не только с кафедр, но и передается через радио- и телелестудии в эфир.

С тех пор как евангелист Джерри Фолвелл в своем родном городке Линчбург начал пропагандировать религиозное обновление Америки с позиций фундаментализма, богом забытое селение на плато Пьедмонт, о котором вспоминали в последний раз во время американской Гражданской войны, когда этот городок служил южным штатам в качестве центра снабжения, вырос-

ло в метрополию электронного «Библейского пояса» (как иногда называют южные штаты.— Ред.), которой оказывают честь своими визитами высокие политики, и прежде всего президент Соединенных Штатов.

Однако созвучие политических и религиозных убеждений само по себе вряд ли побудило бы сильных мира сего искать близости столь спорной личности, как его преподобие Фолвелл, который с большим удовольствием называет себя «воспламененной богом совестью Америки». Если Рональд Рейган и приближенные к нему сенаторы и такие депутаты, как Джесс Хелмс, Поль Лакзальт, Джейк Гарн, Оррин Хэтч, Гордон Хамфри, Джон Уорнер, Джон Эшбрук, Филипп Крейн, Роберт Дорнен и другие, поддерживают контакты с Джерри Фолвеллом, то они делают это и в расчете на его публицистическую и телегеничную силу воздействия, которую невозможно не увидеть и не услышать.

Этот деловой человек божий пускает в оборот евангелие в рамках гигантского смешанного концерна с годовым объемом вложений почти в 100 миллионов долларов, в котором политика и религия взаимопроникают, далеко уйдя от лютеровского учения о двух царствах. Свой недостаток человека, награжденного лишь низшими степенями третьесортных богословских высших учебных заведений, пастор, «доктор гонорис кауза» Джерри Фолвелл компенсирует ярко выраженной вездесущей динамикой, демагогической риторикой и тонким чутьем на денежные источники.

Благодаря этим целенаправленным и последовательным используемым дарованиям он привел в свою основанную в 1956 г. баптистскую церковь на Томас-роуд 20 тысяч прихожан, основал школу продленного дня, включающую в себя детский сад, в котором воспитывается ныне 150 человек, колледж с 3 тысячами студентов и богословскую семинарию с 700 студентами. В его институт заочного изучения Библии записалось между тем бо-

лее 1200 участников. В огромном здании восьмиугольной формы, баптистском храме на Томас-роуд, по воскресеньям сам он и его сотрудники произносят по пять проповедей перед тысячами людей, которые иной раз приезжают издалека, чтобы услышать проповедника, от которого несколько миллионов американцев ждут «возрождения США».

Призыв к пожертвованиям посредством компьютерного письма

Насколько успешно религиозный новатор и возбудитель совести проповедует слово божье устно, столь же успешно он распространяет его в письменной форме, приобретая себе общественное мнение. Его газета «Морэл маджорити рипорт» выходит в свет миллионным тиражом. Книги, брошюры, памфлеты и прежде всего рассылаемое во многих тысячах экземпляров компьютерное письмо, в котором призыв делать пожертвования так же естествен, как «аминь» в храме, делают свое дело, постоянно пополняя число сторонников идей Фолвелла о боге и мире, которые посредством вклада (размером в 10 долларов ежемесячно) становятся «партнерами по вере» и в этом статусе приобретают особые привилегии и буквально осыпаны всякого рода церковными предметами домашнего пользования.

Наибольший резонанс, однако, получает церковный магнат от своих теле- и радиопередач, которые собирают столько зрителей и слушателей, о количестве которых иные развлекательные программы могут только мечтать. Телеевангелиста Фолвелла еженедельно смотрит, конечно, не 25 миллионов американцев, как он сам думает в состоянии эйфории, но все же 1,5 миллиона человек, которые, в соответ-

ствии с данными книги Джеффри Хэдденса и Чарльза Свенса «Ведущие проповедники», в 1980 г. включали свои телевизоры, чтобы посмотреть передачу Фолвелла «Час старого Евангелия».

Где бы он ни выступал, по телевидению ли, по радио ли, или в мероприятиях, подобных патристическим парадом звезд «Я люблю Америку», этот церковный деятель показал себя мастером зрелищного искусства, который понимает толк в виртуозном и эффектном инценировании своего религиозно-политического «послания».

На фоне леса звездных знамен и одетых в красно-белые униформы красивых молодых людей, составляющих его церковный хор, в темном костюме, Библия под мышкой или молитвенно сложенные руки,— действует евангелический проповедник. Однако риторика Фолвелла не страдает от недостатка громового пафоса проповедника-фундаменталиста. Самоуверенно и с сознанием собственной правоты он говорит умеренным тоном о «беспредельном».

«Многие, многие американцы не хотят работать... Мы кормим их и поощряем их лень... Они отказываются зарабатывать себе на жизнь, потому что пособие по безработице приносит им больше денег, чем работа... Библия говорит, что тот человек, который не хочет работать, не должен и есть... Только если мы заставим этих прохвостов поголодать, они начнут работать».

Страшный суд состоится в 2007 году

Приведенная здесь критика общества всеобщего благоденствия заключается не только в этом. Это только один камешек из мозаики той ужасной картины, которую рисует инициатор борьбы за лучшую Америку

ку от воскресенья к воскресенью перед американским обществом. Упадничество общества проявляется и в других явлениях нравственной деградации: светском гуманизме, либерализме, социализме, равноправии, абортах, порнографии, гомосексуализме, сексуальном воспитании и других формах нравственного извращения, которые представляются Фолвеллу злыми духами, от которых необходимо освободить Соединенные Штаты.

«Ночь должна быть для того, чтобы засияли звезды Фолвелла». И они сияют тем ярче, чем мрачнее изображает самозванный пророк с юга современную американскую действительность. В духе старых истин фундаментализма хочет Фолвелл вернуть погрязшую в грехах нацию к ее богом данным началам, чтобы спасти ее во время страшного суда, предсказанного на 2007 г. Вознося хвалу добрым старым временам и взывая к американским добродетелям, заключающимся в простой богоугодной жизни, этот рыцарь крестового похода собирает вокруг себя «миллионы богобоязненных американцев, выступающих за приличия и основанную на библии нравственность».

Во главе этого меньшинства, возросшего до «Морального большинства», ведет он ожесточенный крестовый поход за нерожденную жизнь, в защиту семьи, введение молитвы в школах, свободное предпринимательство, повышенную готовность к обороне и за сильную, фундаменталистски настроенную личность в Белом доме, которая, «вместо того чтобы поджимать хвост перед этими чудовищами в Кремле, сунула бы им кулак под нос и твердо стояла бы на своем: «До сих пор и никуда дальше».

«Если мы потеряем свободу и право свободного передвижения, то никто не сможет более распространять слово божье среди народов на земле»,— воодушевленно заклинает своих приверженцев Фолвелл, и те пог-

лубже запускают руки в свои карманы, чтобы предотвратить эту мрачную перспективу, которую рисует им их провидец. Религиозное миссионерское самосознание Америки как богоизбранной страны преподносится здесь совершенно по-новому и к тому же приносит капитал в виде пожертвований в размере многих миллионов долларов.

Этот «спаситель» душ человеческих и отечества не является голодающим пастором. Об этом свидетельствует его личный самолет, на котором он, миссионерствуя и агитируя, летает из штата в штат, это вполне зримое свидетельство его успеха. К нему присоединились многие маленькие люди с Юга и Среднего Запада, а также и некоторые великие мира сего из сферы политики и экономики. Негры же и латиноамериканцы почти не встречаются в числе его приверженцев, поскольку у них нет доступа в его школы и высшие учебные заведения. Также и другие национальные меньшинства не пользуются его благосклонностью. Друг Израиля, который не устает восхвалять американскую помощь государству евреев как «богоугодное дело» и гордится медалью Жаботинского, которую вручил ему бывший израильский премьер-министр Менахим Бегин, носит в сердце своем глубокую антиеврейскую ненависть, и временами она даже проявляется в его речах.

Антисемитские оговорки

«Я не верю, что бог ответит на молитвы язычника или еврея, пока они не приняли крещение»,— сказал Джерри Фолвелл 1 октября 1980 г. на пресс-конференции непосредственно перед встречей с Рональдом Рейганом, который, по-видимому, несколько иначе представлял себе помощь этого евангелизатора в своей предвыборной кампании. Такие оговорки не случайность. На

ступенях Ричмондского капитолия он внушал своим слушателям по поводу ралли «Я люблю Америку»: «Один еврей может при случае сделать денег больше, чем вы с большим напряжением».

Яростная риторика Фолвелла многолика. Гомосексуалисты, по его мнению,— люди, «ослепленные сатаной». Те, кто занимается порнографией,— «грязные торговцы-разносчики, которых покарает суд божий», как это было, например, в случае смерти нескольких высших представителей журнала «Плейбой», которые погибли во время авиакатастрофы 27 мая 1979 г. в Чикаго. Вторжение же русских в Афганистан для Джерри Фолвелла есть неопровержимое доказательство того, что были услышаны молитвы «Морального большинства» о том, чтобы бог не допустил заключения соглашения СОЛТ—II и ограничения вооружений.

За сильными словами следуют и дела. Вновь и вновь этот гражданин города Линчбурга развязывает травлю одного неполюбившегося ему либерального политика, и временами даже успешно. Фрэнк Черч, принадлежащий демократической партии сенатор штата Айдахо, был обвинен им в том, что он якобы получил «извне» «еврейские» деньги, и дело дошло до суда. Джон Сукиканан, депутат-демократ из Алабамы, «погорел» на последних выборах в палату депутатов в основном из-за сопротивления «Морального большинства». И если сегодня в результате пожаров и взрывов бомб в клиниках, где делают аборт, бывают убитые и раненые, то здесь нельзя исключить духовного соучастия «чистенького» человека из Виргинии.

Правый религиозный блок

Нетерпимость и агрессивность, самоуверенность и миссионерское самосознание, консервативное понимание мира и селекционный подход характеризуют не только

«Морэл мэдджорити» Джерри Фолвелла, эти признаки характерны и для множества других организаций, которые объединились в блок «христиан-правых» в рамках «Американской коалиции за традиционные ценности» (АКТВ). Этот альянс имеет много наименований и далеко простирающиеся цели.

Ведущие телеевангелизаторы — наряду с Фолвеллом — Пат Робертсон, Джимми Сваггарт и Джим Робинсон — работают в сотрудничестве с сенаторами и депутатами-консерваторами, входящими в Американский консервативный союз (АКУ), в «Движение за здоровую семью», в «Христианский голос» и «Религиозный круглый стол». Роль активных посредников взяли на себя Поль Вейрич, председатель «Комитета за выживание свободного конгресса», и Ричард Вигуери, глава «Новой партии народного большинства». Все эти группировки, активно используя средства массовой информации, охватывают более двадцати миллионов американцев, причем религиозные коммуникаторы «Хайтек», принадлежащие электронной церкви, имеют наибольшую притягательную силу.

Приток новых членов, который имеют эти пропагандисты фундаменталистского национализма и популизма, находится в резком противоречии со всеми религиозно-социологическими прогнозами 60-х годов, которые предрекали Соединенным Штатам с их возрастающей модернизацией возрастание секуляризации. Другой ошеломляющей новостью стало то, что политическая перемена во взглядах, в большой степени мотивированная религиозными причинами, исходит как раз из фундаментализма, который в Америке до сих пор проявлял себя как политически пассивное течение.

Этот поворот невозможно в полной мере объяснить консервативным духом времени, питаемым разочарованием от проигранной войны во Вьетнаме, крахом общества всеобщего благоденствия, коррумпированным прави-

тельством, жульническим влиянием на мировую политику и возрастающим потреблением наркотиков.

Санкционированную высшим судебным решением отмену школьной молитвы в общественных школах в начале 60-х годов, возрастающий государственный контроль за «христианскими школами продленного дня» в отношении набора учителей и организации учебного плана, а также разрешение абортот в результате процесса Ри против Уэйда в 1973 г. влиятельные фундаменталистские круги оценивают как прямое государственное нападение на религиозную свободу действий или как нарушение заповедей божьих. Только такой «вызов» со стороны государства пробудил фундаменталистское контрдвижение, которое быстро нашло резонанс среди нации, сотрясаемой политическими и нравственными кризисами.

Взаимопроникновение религии и политики становится очевидным в фундаментализме и его необходимо понимать как ответ на последовательное отделение церкви от государства, совершаемое в Америке более легко, чем где бы то ни было, поскольку оно может опереться на используемые в повседневной жизни формы «гражданской религии», которая для многих американцев является само собой разумеющейся. В той степени, в какой пропагандируемый Фолвеллом и другими телеевангелистами фундаментализм все более политизируется и оснащается новейшей технологией компьютерной техники средств массовой коммуникации, он, по меньшей мере частично, уходит от своих аполитичных и антимодернистских корней и сам становится жертвой секуляризации, с которой он так страстно борется, как отметил еще в своей книге «Антиинтеллектуализм в американской жизни» в 1962 г. Ричард Хофштедтер.

Последствия известны: протестантский фундаментализм соединился со столь многими политическими заинтересованными группировками и традиционными популистическими течениями, что религиозная мотивировка

его стала во все большей степени использоваться как этикетка консервативной власти. Правый религиозный блок, который все ярче вырисовывается здесь, под религиозным прикрытием распространяется все более и более на католиков-традиционалистов, мормонов и консервативных евреев.

Если удастся сильнее проникнуть в эти слои избирателей, то Джерри Фолвелл, вождь «Морального большинства», еще на один шаг приблизится к своей цели, состоящей в том, чтобы действительно принадлежать к большинству. Для многорасового и мультирелигиозного американского общества такая потеря либеральной субстанции может иметь зловещие последствия. Америка тогда далеко не будет тем, что восхвалял в ней 150 лет тому назад Алексис Токвилль: страной, «которая является самой просвещенной и самой свободной», хотя «христианская религия в большинстве случаев сохраняет реальную власть над душами».

Название статьи, которая появилась в газете «Бадише цайтунг», выходящей в ФРГ, говорит само за себя. Она является еще одним подтверждением той тесной взаимосвязи между политикой и религией в США, о которой уже шла речь. Мы предлагаем перевод этой публикации с целью показать, как оценивается нынешняя политическая ситуация в США за пределами этой страны, в частности в ФРГ, связанной с Соединенными Штатами крепкими узами.

«Бадише цайтунг», 21.12.85

ГЕРХАРД М. КИРК

ЭТА РАЗДЕЛЕННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Религия и государство в США взаимно отражают друг друга

Трудно найти второй столь же блестящий пример отделения церкви от государства, как США. И вместе с тем едва ли найдется другое такое государство, в котором бы политическая и общественная жизнь определялись в то же самое время религиозно-нравственными мотивами. Противоречие? Скорее результат исторического развития США, как выяснилось на заседании Фрайбургской католической академии.

Решающую роль в этом процессе сыграли разные по своему характеру исторические события: открытие и заселение Северной Америки по времени совпало с эпохой Реформации в Европе, а независимость США получают тогда, когда в Европе распространяется Просвещение. «С одной стороны, для США как либеральной демократии характерно Просвещение, с другой стороны, американцы считают, что Реформация — наследие, которое налагает определенные обязательства», — заявил Карл Хестер, директор Дома Карла Шурца во Фрайбурге.

И до сих пор США питаются от корней, уходящих в эпоху Реформации и Просвещения. Ибо с самого начала

Америка как целое, как страна имела религиозное самосознание, поскольку многие поселенцы надеялись, что их новая родина станет началом царства божьего. В то же время идеи Просвещения сделали свободу религии и религиозную терпимость естественными явлениями. Неудивительно, что на этой основе возникла «гражданская религия», о которой писатель Честертон говорил так: «Соединенные Штаты — это нация с душой церкви».

Мессианский патриотизм

Эта «гражданская религия» связывает сознание богоизбранности этого народа с социальной ответственностью за жизнь в обществе. Благодаря этому политический опыт Америки является, по мнению Клауса Депперманна, в то же время и религиозным опытом. Это привело к тому, что в XIX в. эта нация присваивает себе роль мессии. А это, как заявил фрайбургский историк, в конце концов вылилось в притязания на мировое господство.

И хотя эта мессианская вера уже давно подорвана — безработицей, Хиросимой и Вьетнамом, — в «традиционном религиозном национальном сознании» американцев мало что изменилось. Клаус Депперманн считает это, с одной стороны, вполне положительным явлением, поскольку нравственным критерием поведения по-прежнему считается человеческое достоинство, свобода и равноправие. С другой стороны, фрайбургский историк не закрывает глаза и на опасности, которые таит в себе такое национальное сознание: пропаганда «капитализма попустительства», идеологическое оправдание истребления индейцев и, наконец, формирование сознания посланничества.

Сознание того, что американцам ниспосланы особые нравственные силы, нашло свое выражение в движении того самого протестантского фундаментализма, который

на первом же этапе своего развития после первой мировой войны выступил против эволюционной теории. Сегодня он представляет собой хорошо организованное религиозное движение со своими телевизионными станциями, которые разбросаны по всей территории США. По наблюдениям мюнхенского социолога Мартина Ризебротта, фундаменталисты продолжают распространять здесь патриархальный морализм, скрещенный с крайним национализмом.

И тем не менее Ризебротт отводит современному фундаментализму, несмотря на его растущее религиозное и политическое влияние, всего лишь роль меньшинства среди большого числа других меньшинств. Одним из них является и католическая церковь в США. Правда, она насчитывает 52 миллиона членов и является самым крупным самостоятельным религиозным христианским сообществом. Но если сложить вместе все остальные деноминации, то численно католическая окажется в меньшинстве.

Однако ее влияние на американскую политику, постоянно усиливающееся в течение последних лет, никак не назовешь слабым. Томас Гэннон относит это в первую очередь за счет изменившегося самосознания. Если в прошлом несколько поколений католиков — меньшинство в протестантской стране — искали признания и пытались доказать свои патриотические убеждения, то сегодня их положение упрочилось: они возглавляют предприятия, занимают руководящие посты в ФБР и ЦРУ (что представлялось совершенно немыслимым всего несколько лет назад). Превратившись из некогда бедной церкви переселенцев в официальную церковь, заявил член «ордена Иисуса» и социолог из Вашингтона, она в то же самое время приобрела большую уверенность в своих силах.

«Общественная совесть»

Как считает Томас Гэннон, начиная со II Ватиканского собора, католическая церковь стала играть роль общественной совести, которая, обретя уверенность в своих силах, не боится выступать с критикой государства. Так, католические епископы «замахнулись» на чрезвычайно актуальные темы и своими пастырскими посланиями о ядерном вооружении или экономической политике научили власть имущих бояться (сейчас как раз готовится послание на тему «женщины»).

Тот факт, что в глазах американской общественности возрастает авторитет католических епископов, иезуит объясняет тем, что они борются за авторитет, когда речь идет о принципиальных вопросах, однако, когда дело доходит до конкретного применения этих принципов, они не кичатся своим авторитетом. «Благодаря этому епископы в США пользуются доверием, однако для Рима это создает некоторые трудности». Но, как заверяет Томас Гэннон, «курс остается неизменным: стать церковью, соответствующей современному человеку».

И еще одна публикация, рисующая картину современной религиозной жизни в США. Хотя она и появилась в западногерманской печати, но ее автор со знанием дела пишет о вспышке «христианской активности» в Соединенных Штатах. Факты, приводимые в статье, не нуждаются в комментариях. Они очень красноречивы.

«Ганноверше альгемайне цайтунг», 17 января 1986 г.

ИНГРИД ЗУЛИХ

ДОЛЛАР БЛАГОСЛОВЛЯЕТ БОЛЬШОЕ ШОУ «МОРАЛИСТОВ»

В последнее время американские банки проявляют немалую изобретательность, пытаются привлечь клиентов. Ими разработана система поощрений для вкладчиков, начиная от кухонной утвари, жемчужных ожерелий, электронных часов и т. п. до дополнительных 0,5% годовых с вклада. Но уверенности в том, что клиент в условиях конкуренции не аннулирует своих вкладов и не поддастся искушению перейти в банк напротив, который три дня назад выставил в своей витрине, скажем, вожделенный набор инструментов или еще что-то в этом роде, конечно, нет.

«Атлантик стьюэджиш бэнк» в Мидлэнд Парк, Нью-Джерси, такие вопросы не волнуют. Этот банк был создан в середине 1985 г. и с тех пор проводит только регистрацию вкладов: за год он в два раза превысил планируемое число операций. Ему и реклама не нужна, потому что уже разносились слухи о том, что он планирует 10% своей прибыли перечислить в христианские благотворительные заведения. «Мой долг — помещать свои деньги в христианские банки», — заявляют многие клиенты своим прежним финансовым учреждениям, аннулируя там свои счета.

«Христианская активность» — эта новая волна в Америке захватила уже и экономическую жизнь. В Атланте 300 фирм объединились в союз «фирм для Христа». Так,

они проводят семинары, во время которых на примере 1200 изречений и притч из Библии пытаются понять, как истинный христианин должен улаживать свои дела. В Хьюстоне создана первая «Христианская торговая палата». В стране существует уже около 150 «христианских групп служащих». Сюда же относится «Христианское общество зубных врачей» и «Братство ковбоев». Открылись консультативные фирмы, обещающие при помощи своих циркуляров, книг и индивидуального руководства наставить своих клиентов на истинный путь «предпринимателя-христианина». Некоторые из них могут для этого представить около двух тысяч цитат из Библии; почти все они разделяют убеждение своих клиентов, что человек является не собственником, а лишь временным распорядителем своего земного имущества.

На первый взгляд это похоже на обнадеживающий выход. Но, к сожалению, уже и здесь поселились косность и высокомерие, подобные тем, что господствуют в мире политических деятелей из числа активных христиан, видным (и вызывающим более всего толков) представителем которых является проповедник Дж. Фолвелл.

Как предводитель «Морального большинства», он стал выразителем недовольства миллионов мнимым нравственным крахом американского общества. Ему достаточно в своей еженедельной передаче «Час старого Евангелия», которая по кабельному телевидению проникает в 34 миллиона домов, напомнить о 16 миллионах абортов, сделанных с 1983 г., о СПИДе и шумном движении гомосексуалистов или о том, что за 15 лет число незаконнорожденных детей увеличилось в четыре раза, об армии наркоманов и венерических больных, чтобы миллионы возвысили голос против «сексуальной неразборчивости». В результате — письма с выражением протеста наводнили всевозможные правительственные организации, демонстрации перед Белым домом или перед Верховным судом и предвыборные кампании в пользу тех кандидатов, которые на-

ибо более активно поддерживают основные цели движения.

Джерри Фолвелл знает, что у него есть соратник в Белом доме. Правда, Рональд Рейган не называет себя фундаменталистом, верящим каждому слову Библии и расценивающим потребление спиртных напитков, курение и азартные игры как «личный грех». Однако он снова и снова протестует против абортов, ратует за молитвы в школе и отдал трем христианским фундаменталистам высокие политические посты.

Критики этого движения указывают не только на слишком резкие фразы, звучащие в проповедях «христианских активистов», но и на активное их участие в политической деятельности, которое противоречит соблюдаемому в Америке закону об отделении церкви от государства. Они считают, например, непроситительным, что Фолвелл, словно признанный дипломат, добился аудиенции у президента Южно-Африканской Республики Боты, чтобы по возвращении оклеветать лауреата Нобелевской премии епископа Туту, который якобы вовсе не пользуется поддержкой черного большинства своей взбудораженной расизмом страны.

Их раздражает фундаменталистское разделение мира, в «антисептических целях», на хорошее и плохое, то есть то, как они «облегчают» своим сторонникам процесс мышления с помощью заранее подготовленных клише ответов на различные вопросы и четкого «нравственного» руководства. Сомнения и поиск новых знаний не отягчают мировоззрение таких фундаменталистов, которые объяснение всех вопросов находят только в Библии, в том числе и вопроса о семи днях сотворения мира и об Адаме и Еве как вершине творения.

Фундаменталисты считаются правым крылом «Движения евангельских христиан», которое на протяжении вот уже 20 лет постоянно ширится и к которому принадлежат такие «рожденные свыше христиане», как Билли Грэм и

Джимми Картер. Растущее благосостояние их общин уже давно мешает либеральным протестантским церквям, которые за прошедшее десятилетие потеряли 4,6 миллиона членов, в то время как общины консервативных «Южных баптистов» приобрели 3,4 миллиона новых членов.

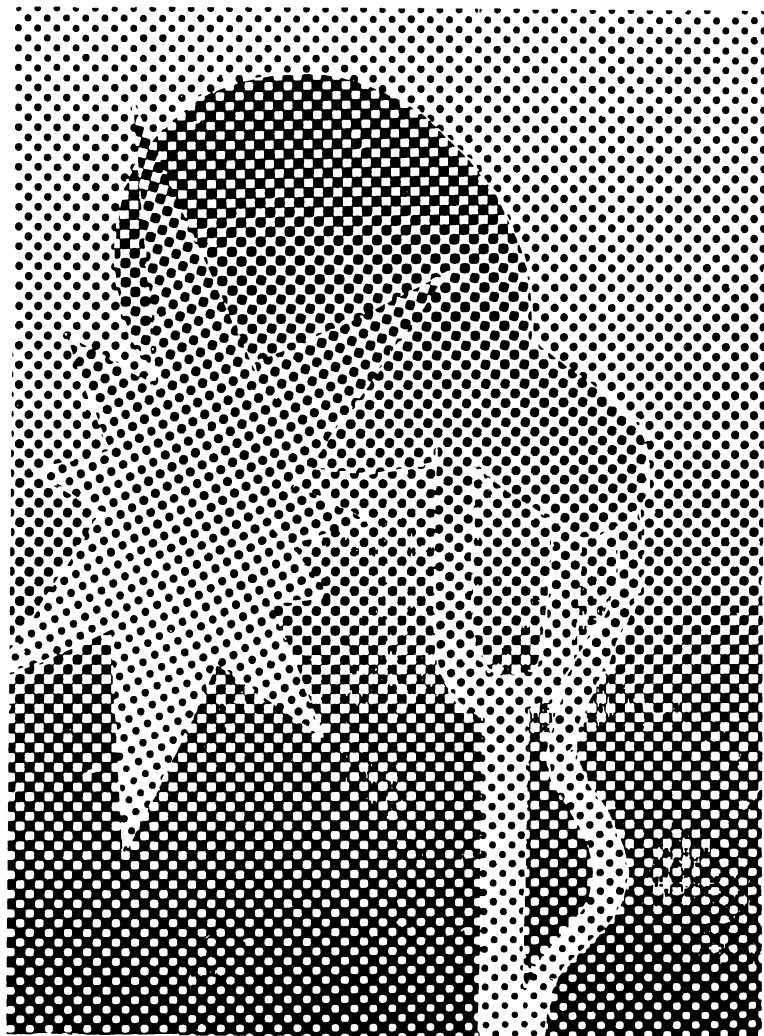
Между тем «Баптистское библейское братство» Джерри Фолвелла насчитывает 10 миллионов человек. Проповеди его конкурента пятидесятника Пата Робертсона, которые он передает по своей кабельной телевизионной станции «Крисчен Бродкастинг Нетвэк», смотрит 30 миллионов семей. (За счет пожертвований и платы за обучение в своем университете он собирает 233 миллиона долларов в год.) В солнечной Калифорнии, всего примерно в десятке километров от страны Диснея, обаятельный Роберт Шуллер каждое воскресенье в своем «Хрустальном соборе» проповедует идеи о праве христиан на чувство собственного достоинства и на успех. Его трехмиллионная телевизионная община платит ему 30 миллионов долларов в год; а присутствующие — их около десяти тысяч — опускают в церковную кружку еще 4 миллиона. И все это под журчание фонтанов, щебетание птиц и в сопровождении хора одетых во все белое певчих под умирительные звуки многоярусного органа, на фоне зелени пышно цветущих декоративных растений.

С церковной кафедры досточтимого Шуллера, напоминающей сцену, не услышишь понятий «сомнения в себе» или «грех». Они просто не вяжутся с верой в будущее этого «христианина-активиста».

Менее «активные» христиане (или американцы, исповедующие ислам, иудаизм, какую-либо другую религию или вообще никакой) с чувством неприязни наблюдают за тем, как новейшая американская волна вторгается в жизнь людей. Недавно в «Уолл-стрит джорнэл» рассказывалось об одном техасском фабриканте, занимающемся производством ставень, который, как «рожденный свыше хрис-

тианин», каждому служащему платит дополнительно по доллару в час, если тот уговорит свою жену больше не работать.

Поступают заявления о дискриминации. В Миннесоте Верховный суд запретил Клубу здоровья спрашивать своих кандидатов об отношении к религии и ведущие посты рекомендует отдавать лишь «рожденным свыше христианам». В «Союз за гражданские свободы» все чаще и чаще поступают жалобы на начальство и сотрудников, которые «считают своим мессианским долгом навязывать другим свою веру».

ОНИ О СЕБЕ

Внешняя политика США и миссионерская деятельность. Что общего между ними? Оказывается, между ними существует прямая связь. О ней идет речь в публикации газеты «Госпел геральд», выходящей в Соединенных Штатах. Ее автор выступает от имени меннонитских миссионеров в Японии, выражая позицию, которая вряд ли придется по душе американским политикам.

К. НОРМАН КРАУС,
Япония, Саппоро

«Госпел геральд», 20 мая 1986 г.

МОЛИТЕСЬ ЗА РЕЙГАНА, КОГДА ВЫ МОЛИТЕСЬ ЗА МИССИИ!

Вам когда-нибудь приходило в голову, что внешняя политика Соединенных Штатов в значительной степени влияет на деятельность наших миссионеров? В большинстве стран Азии на США смотрят как на «христианскую» нацию — на место, откуда прибыли миссионеры! Особенно это относится к Японии, где христианство прямо связано с английским языком и американской культурой и где изо дня в день репортеры представляют обе наши нации как близких союзников!

Итак, можете ли вы представить себе, какое впечатление произвело на местных телезрителей торжественное, самодовольное, красноватое лицо Рейгана, сообщившего, что «мы сделали то, что должны были сделать, и мы повторим это снова, если потребуется!», сразу после того как сюда поступили шокирующие известия о том, что американские самолеты подвергли бомбардировке Триполи? Позже, после того как поступило подтверждение, что не только ранены два сына Каддафи, но и убита его приемная

15-месячная дочь, разве не естественно для жителей Японии и Азии считать Рейгана «террористом» и «детоубийцей»? Можете ли вы вообразить, какими вульгарными и бесчеловечными выглядели искривленные лица американцев, кричащих о возмездии, на экранах японских телевизоров? Разумеется, никто не санкционировал действия Каддафи, но в данном случае проверке подверглась реакция США.

Это лишь самый последний и наиболее шокирующий инцидент. Внешняя политика США почти каждый вечер обсуждается по японскому национальному телевидению. Тайные действия Центрального разведывательного управления, кампания Рейгана против Никарагуа, его ложное толкование положения в этой стране, предъявление требований к японскому рынку продавать больше американского табака и вин, отказ вести переговоры с советским руководителем Михаилом Горбачевым о прекращении ядерных испытаний и постоянное давление, оказываемое на японцев с целью их перевооружения и наращивания военной мощи для защиты Америки,— вот к чему сводится эта политика, с точки зрения японцев.

Но вы спрашиваете, что с ней имеет общего миссионерская деятельность? Мы, стремящиеся распространять евангелие распятого Христа, не можем не быть причастны к политике и действиям нашей родной страны. Рейган — президент нашей «христианской» страны. Горланящие американцы — наши собратья-«христиане». Более того, ирония судьбы, но вполне возможно, что в результате проведения какой-то из этих политик сюда были присланы деньги, чтобы обратить в веру японских «язычников»!

Мы, миссионеры в Японии, можем лишь молиться за то, чтобы наши меннонитские братья и сестры не стали молча соглашаться с этой разновидностью варварства. Более того, мы настоятельно требуем от вас, наших братьев и сестер, публично отмежеваться самим и сделать то же самое за нас от этих эгоистичных, мстительных поступ-

ков. Необходима демонстрация и поддержка такого рода для евангелия мира и любви, которое мы проповедуем здесь.

И еще одна публикация из западногерманской газеты «Бадише цайтунг». Публикация, проникнутая тревогой в силу того, что в храмах Федеративной Республики Германии творятся «неблагочестивые дела». Видимо, далеко не для всех религия является сдерживающей уздой против «грехов человеческих». И это не может не беспокоить тех, кто печется о сохранении религиозных ценностей (не только материальных, а главным образом духовных).

«Бадише цайтунг», 10 ноября 1984 г.

РИСКОВАННАЯ ОТКРЫТОСТЬ

Неблагочестивые дела в храмах Фрайбурга Общины жалуются на кражи и осквернение храмов

Древние греки когда-то чтили свои священные луга, даже тогда, когда они становились местом пристанища разбойников. С таким же уважением (пусть не совсем в той же степени) относились древние римляне к своим часовням как к убежищам, в которых человеческая жизнь была неприкосновенной. Христианские храмы также на протяжении столетий сохраняли эту традицию и держали свои храмы открытыми: постоянно открытые двери храмов очень часто становились последним прибежищем для преследуемых. Во Фрайбурге такая традиция открытых дверей находится под угрозой — очень страдают от этого приходы: количество ограблений и осквернений в последнее время приняло небывалые размеры.

В церкви Святого Иоанна (Иоаннискирхе) пропадают свечи (даже большие, а не только неприметные пасхальные свечки), громкоговорители; некоторые «прихожане» взбираются на алтарь и царапают фигуры, его украшаю-

щие, чтобы узнать, из чего они сделаны — из дерева, гипса или бронзы; колонны «украшают» вульгарными надписями, бывает, что двадцатилетний юнец взбирается на престол, чтобы использовать его пелены как коврик для вытирания обуви. В церкви Святой Троицы были подожжены коллажи, подготовленные детьми к конфирмации. Церковь Святого Людвига в основном бывает открыта, посещают ее редко, зато она является излюбленным объектом для осквернений. «Крадут сейчас гораздо больше, чем раньше», — отмечает настоятель храма Герхард Хек с огорчением. А его евангелический коллега, настоятель Карл-Хайнц Ронеккер, дополняет: «Причиненный ущерб всегда бывает больше стоимости украденных вещей».

Что же делать церковным общинам? 28 католических и с дюжину евангелических храмов во Фрайбурге в конечном итоге являются объектами для воров, любителей «наскальной живописи» и всех тех, кто путает место тишины с «тихим местечком». Нужно ли в таком случае капитально закрывать храмы, — закрывать и для тех, кто ценит храмы как пристанище или просто хочет полюбоваться на витражи, архитектуру и искусство скульпторов, художников, резчиков по дереву, — большие и малые, древние и современные?

Но чтобы все-таки избежать краж и осквернений, в некоторых храмах были введены добровольные дежурства. (Хотя надо признать, что некоторые «надзиратели», в основном преклонного возраста, во время своих дежурств боятся оставаться одни.) Другие же просто закрываются около полудня — самое благоприятное время для непрошенных посетителей. А многие общины пытаются застраховать предметы искусства храмов на большую сумму. В Мюнстере некоторые предметы — светильники на престоле, например — крепко привинчиваются.

Но тем не менее все чаще и чаще совершаются целенаправленные кражи: бронзовые подсвечники — для

«блошиного» рынка, громкоговорители — для домашних стереоустановок (где их иной раз и применить-то нельзя), позолоченные статуэтки божьей матери ставят у входа в новоприобретенную виллу. «Поэтому есть такие люди,— усмехается Герхард Хек,— которые говорят: нужно просто запретить торговлю предметами искусства, тогда прекратятся и кражи». Но поскольку этого трудно ожидать в обозримом будущем, то общинам, видимо, не остается ничего иного, как последовать примеру некоторых приходов, где после окончания утреннего богослужения убирается и прячется все, что может привлечь жадный взор и жадную руку. Или же храмы при помощи решеток (как, например, в церкви Святого Иоанна) разделяются на доступные или недоступные зоны, чтобы не закрывать наглухо двери храма. Однако это, разумеется, не решает дилеммы между церковной открытостью (в разных значениях этого слова) и риском злоупотребления...

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ

В преддверии 1000-летия введения христианства на Руси в США начал выпускаться журнал «Русское возрождение». Что он собой представляет!

Официально журнал «Русское возрождение» издается Комиссией по подготовке празднования 1000-летия крещения русского народа при архиепископском синоде «русской зарубежной церкви». Так именует себя верхушка карловацко-го раскола. Вот уже несколько лет, как она проявляет большую активность, готовясь, как заявляют ее лидеры, «к бою». Одним из этапов этой подготовки является и выпуск журнала откровенно антисоветского характера. Впрочем, о том можно судить и по составу редколлегии, в которую входят известные антикоммунисты, лица, связанные с пресловутым Народно-трудовым союзом, находящимся на содержании спецслужб империалистических держав. В журнале публикуется состав организаций, субсидирующих его. Среди них «Союз ревнителей императора Николая II», «Фонд царя-мученика», «Союз дворян в Париже», «Российский имперский Союз-

орден», «Комитет защиты гонимых христиан», «Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека», «Кадетское объединение»... Даже этот далеко не полный перечень говорит сам за себя.

Отнюдь не случайно журнал, именующий себя «Независимым русским православным национальным органом», проникнут политиканством. Публикуемые в нем материалы идут в русле тех клеветнических измышлений и фальсификаций, которые явно черпаются из арсенала буржуазной пропаганды. А его позиции определяются в первую очередь тем, что он издается комиссией, по сути дела, отражающей линию карловацких раскольников, о которой рассказывается на страницах этого выпуска «Аргументов». Особенно большое внимание уделяется фальсификации положения религии и церкви в Советском Союзе. Но аргументация, к которой прибегают авторы, не блещет новизной.

Несмотря на громогласную рекламу, «Русское возрождение» не нашло широкой читательской аудитории. Тираж журнала невелик. Поэтому буквально в каждом его номере печатаются призывы к читателям оказывать финансовую помощь для поддержки изда-

ния и не только для поддержки, но и для «бесплатной передачи журнала в Советский Союз». Издатели грезят о том, что, нелегально засылаемый в СССР, он окажет какое-то воздействие на сознание советских людей. Но это лишь несбыточные грезы.

Кто ведет исламскую антикоммунистическую радиопропаганду на Советский Союз?

На Советский Союз ведут целенаправленную радиопропаганду несколько исламских радиоцентров, находящихся на территории Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии и других так называемых мусульманских стран. Они стремятся оказывать постоянное идеологическое влияние на население республик Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, а также Казахстана, Башкирии и Татарии, то есть регионов, где традиционно наиболее распространена мусульманская религия. Основная цель этой радиопропаганды — расширение и укрепление влияния ислама. Разумеется, не упускается и случай в ложном свете изобразить права мусульман в СССР, всячески идеализировать жизнь приверженцев ислама в других странах.

В последнее время проявляется тенденция к усилению этой пропаганды в городе Сари. На территории Ирана близ советской границы возводится мощный телецентр, откуда будут вестись передачи на СССР. Из года в год увеличивается объем вещания. В Советский Союз нелегально забрасываются магнитофонные кассеты с записью радиопередач для «советских мусульман». Некоторые самозванные муллы пытаются организовывать их коллективное прослушивание. Засылаются к нам в страну и видеофильмы, всячески рекламирующие ислам, идеализирующие его роль в культурно-историческом процессе. А это требует активного и оперативного противодействия той пропаганде, которую радиоцентры ведут на Советский Союз.

Содержание

К читателям	3
Читайте в этом выпуске:	
Бессонов М. Н. Раскольники из Джорданвилля	11
Васильев А. В., Комаров П. М. Смена власти в Джорданвилле	29
Жданов Н. В. «Организация объединенных мусульманских наций»?	43
Мигович И. И. Униатско-националистический альянс в антисоветских идеологических диверсиях	71
Зоц В. А. И в русском слове отлилось...	93
У НАШИХ ДРУЗЕЙ	115
Барна Шаркади Надь. Государство и церковь в ВНР	—
ПО ТУ СТОРОНУ...	129
Яковлев Н. Н. Вера по-американски	—
Джеймс Вуд-старший. Религия и политика. 1984 год	149
ОНИ О СЕБЕ	185
ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ	190

АРГУМЕНТЫ

1987

Заведующий редакцией А. В. Белов
Редактор Л.И. Волкова
Младший редактор С.О. Овчинников
Художник О. В. Боловинцева
Художественный редактор А. А. Пчелкин
Технический редактор М. И. Егорова

ИБ № 5836

Сдано в набор 09.02.87 Подписано в печать 04.06.87 А04720. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 8,38. Тираж 150 тыс. экз. Заказ 2616. Цена 35 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

На страницах очередного выпуска этого ежегодного издания публикуются материалы, разоблачающие враждебные акции клерикальных антикоммунистов, стремящихся использовать религиозный фактор в антисоциалистических целях. Весомые аргументы против буржуазно-клерикальных фальсификаторов показывают несостоятельность их попыток оклеветать и опорочить социализм. Под традиционными рубриками «По ту сторону» и «Они о себе» читатели найдут материалы, рассказывающие о связи религии и политики в буржуазных странах, о религиозном положении в государствах так называемого «свободного мира».

Политиздат